



**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Ноябрь 2023 Том 22 № 4

Специальная тема номера:
**ВОЛГО-ВЯТСКИЙ И УРАЛЬСКИЙ РЕГИОНЫ
В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ФОКУСЕ ИСТОРИИ**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 22 No. 4 NOVEMBER 2023

Special Theme of the Issue:
**VOLGA-VYATSK AND URAL REGIONS
IN THE RETROSPECTIVE FOCUS OF HISTORY**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 22.12.2023. Выход в свет 29.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,05. Тираж 500 экз. Заказ № 1606. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova

Layout Designer Iuliia A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

VOLGA-VYATSK AND URAL REGIONS

IN THE RETROSPECTIVE FOCUS OF HISTORY

Ustyantsev H.Yu. Bogatyrs and Rulers: Folklore Characters in the Ethnic Identity and Religious Practices of the Vyatka Mari 532

Seliverstova N.M. Conflict of Military Governor A.N. Muravyov with Nizhny Novgorod Nobility during the Peasant Reform 546

Kazakova-Apkarimova E.Yu. Activities of the Guardianships of National Sobriety in the Urals in the Late XIX – Early XX Century: Regional Experience in the Anti-Alcohol Struggle 559

Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G. Establishment of the System of Sanitary and Medical Services for Workers of the Caspian-Volga Fisheries in the Second Half of XIX – Early XX Century 573

Almaev R.Z. Socialization of School Youth of the Southern Urals in the 1950s – Early 1960s 587

Mineev A.I. Industrial Development of the National Republics of the Volga-Vyatka Region during the Implementation of the Reform of Industry and Construction Management, 1957–1965 599

USSR ON THE EVE AND DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sitdikov A.M. Combat Training of Personnel of the Moscow Military District units in 1934–1940 612

Bezugolny A.Yu. “Voluntary Mobilization” in July 1941: Recruitment of Divisions of People's Militia of Moscow 629

Sinitsyn F.L. Czechoslovak and Yugoslav Military Units Created in the USSR during the Great Patriotic War: Effectiveness Analysis 645

Kondratenko S.Yu. Hungarian Volunteer Anti-Fascist Armed Groups during the Great Patriotic War 656

ARTICLES

Blokhin V.V. Western Religious Propaganda in the Holy Land in the Correspondence of V.N. Khitrovo and K.P. Pobedonostsev in the 1880s 670

Dashkovskiy P.K., Goncharova N.S. Situation of Religious Communities in the USSR National Autonomies in 1985–1991: The Case of the Khakass Autonomous Region 680

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛГО-ВЯТСКИЙ И УРАЛЬСКИЙ РЕГИОНЫ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ФОКУСЕ ИСТОРИИ

Устьянцев Г.Ю. Богатыри и правители: герои фольклора в этнической идентичности и религиозных практиках марийцев Вятки 532

Селиверстова Н.М. Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева с нижегородским дворянством в период крестьянской реформы 546

Казакова-Апкаримова Е.Ю. Деятельность попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в.: региональный опыт антиалкогольной борьбы 559

Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Становление системы санитарно-медицинского обслуживания рабочих Каспийско-Волжских рыбных промыслов во второй половине XIX – начале XX в. 573

Алмаев Р.З. Социализация школьной молодежи Южного Урала в 1950-е – начале 1960-х гг. 587

Минеев А.И. Индустриальное развитие национальных республик Волго-Вятского региона в период реализации реформы управления промышленностью и строительством в 1957–1965 гг. 599

СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ситдиков А.М. Боевая подготовка личного состава частей Московского военного округа в 1934–1940 гг. 612

Безугольный А.Ю. «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом 629

Синицын Ф.Л. Чехословацкое и югославское воинские формирования, созданные в СССР в годы Великой Отечественной войны: анализ эффективности 645

Кондратенко С.Ю. Венгерские добровольческие антифашистские вооруженные формирования в годы Великой Отечественной войны 656

СТАТЬИ

Блохин В.В. Западная религиозная пропаганда в Святой Земле в переписке В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева в 1880-е гг. 670

Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Положение религиозных общин в национальных автономиях СССР в 1985–1991 гг.: на примере Хакасской автономной области 680



ВОЛГО-ВЯТСКИЙ И УРАЛЬСКИЙ РЕГИОНЫ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ФОКУСЕ ИСТОРИИ
VOLGA-VYATSK AND URAL REGIONS IN THE RETROSPECTIVE FOCUS OF HISTORY

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>
EDN: QJDHZV

Научная статья / Research article

**Богатыри и правители:
герои фольклора в этнической идентичности
и религиозных практиках марийцев Вятки**

Герман Юрьевич Устьянцев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ustyan-93@mail.ru

Аннотация: Рассматривается мифологический аспект этнорегиональной идентичности современного марийского населения Кировской области (вятских, уржумско-вятских марийцев), проживающих в Малмыжском и Уржумском районах. Цель исследования – определение роли богатырских образов в современном этнокультурном активизме и репрезентации группового самосознания вятских марийцев. Обозначенная проблема рассматривается на основе полевых материалов (текстов интервью), собранных в ходе экспедиций в Кировскую область в 2015, 2017, 2021 гг., и региональных СМИ. Персонажи марийского фольклора Вятки рассмотрены в контексте концепции идентичности. Проанализированы образы фольклорных правителей в восприятии местных жителей, их сакрализация и использование в этнокультурном активизме и коммеморативных практиках. Автор приходит к выводу, что фольклорные герои являются объектами религиозного культа марийской традиционной религии и это проявляется в этнорегиональном самосознании марийского населения. Легендарных героев местное население воспринимает как настоящих исторических персонажей. Вера в реальность марийских богатырей отражает идею «золотого века» истории вятских марийцев, их героизированного прошлого. Образы Болтуша, Акпатыра активно транслируются через СМИ, этнический компонент в образовании, краеведческую литературу. Усилиями местных активистов в Малмыжском районе создаются новые объекты культурного ландшафта – памятники на местах символического захоронения марийских правителей.

Ключевые слова: этнология, традиционная религия, марийский фольклор, краеведение, этнические группы

Для цитирования: Устьянцев Г.Ю. Богатыри и правители: герои фольклора в этнической идентичности и религиозных практиках марийцев Вятки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 532–545. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>

**Bogatyrs and Rulers: Folklore Characters
in the Ethnic Identity and Religious Practices of the Vyatka Mari**

Herman Yu. Ustyantsev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ustyan-93@mail.ru

Abstract: The author examines the mythological aspect of the entoregional identity of the modern Mari population in the Kirov oblast' (the Vyatka, the Urzhum-Vyatka Mari) living in the Malmyzhsky and Urzhumsky districts. The author identifies the role of heroic images in modern ethno-cultural activism and the representation of the Vyatka Mari as the main problem of the study. Due to the multidimensional

© Устьянцев Г.Ю., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

aspect of the problem, the article includes thematic sub-items: Features of the ethnic and religious identity of the Vyatka Mari – Images of folklore rulers in the perception of local residents – Legendary rulers in ethno-cultural activism and commemorative practices – Sacralization of folklore characters. The author considers this problem on the basis of the field materials (interview texts) collected during his expeditions to the Kirov oblast' in 2015, 2017, 2021, and the regional media. In a multicultural region, inhabited by different ethnic groups, the Mari represent their identity through festive and sacred practices, as well as the veneration of local legendary rulers and heroes: Princes Akpatyr, Akmazik, Boltush (Poltysh) and others. Folklore heroes are objects of the religious cult of the Mari traditional religion, which is manifested in the ethnoregional self-consciousness of the Mari population. Legendary heroes are perceived by the local population as real historical characters. It is revealed that the beliefs in reality of the Mari heroes reflect the idea of the “golden age” of the history of the Vyatka Mari and their heroized past. The images of Boltush, Akpatyr are actively broadcast through the media, the ethnic component in education, local history literature. Thanks to the efforts of local activists, new objects of the cultural landscape emerge in the Malmyzhsky district – monuments at the sites of the symbolic burials of the Mari rulers. The conclusion is formulated that cultural activism, which appeals to the images of Mari folklore, plays a significant role in marking the ethnoregional identity of the Vyatka Mari people. In the text of the article the characters of the Mari folklore of Vyatka are considered in the context of identity. The obtained result allows to apply this theoretical framework for the study of folklore images in relation to the identities of ethnographic groups of the Mari and other peoples of the Volga region. The article is based on the dissertation “The system of mythological characters in the representation of the identities of modern Mari” for the degree of Candidate of Historical Sciences, defended in 2022 in the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: ethnology, traditional religion, Mari folklore, local history, ethnic groups

For citation: Ustyantsev, H.Yu. “Bogatyr and Rulers: Folklore Characters in the Ethnic Identity and Religious Practices of the Vyatka Mari.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 532–545 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-532-545>

Введение

В последние десятилетия все большую актуальность приобретает проблема изучения идентичности этнорегиональных и локальных сообществ. Чрезвычайно благоприятным с этой точки зрения является марийское население Кировской области, отличающееся рядом этнографических особенностей и самосознанием. По данным переписи 2010 г., здесь проживало 29 598 марийцев. Из них около четырех тысяч проживает в Малмыжском районе, что составляет 16 % от всего населения района, в Уржумском районе – около пяти тысяч, что соответствует 20 % от числа местных жителей¹. В указанных районах марийцы соседствуют с несколькими этническими группами: русскими, удмуртами, татарами, в некоторых деревнях проживают русские-староверы. Местное марийское население исследователи относят к этнической группе луговых марийцев или к отдельной группе вятско-полянских марийцев². Сами местные жители репрезентуют себя как «марийцев», реже как «луговых марийцев».

Сюжеты о фольклорных героях вятских марийцев подробно рассмотрены в краеведческих работах. В частности, в географических и этнографических описаниях XIX – начала XX в. фольклорные традиции вятских марийцев описывали Н.П. Рычков³, С.К. Кузнецов⁴, Д.К. Зеленин⁵, П.А. Оленин-Волгарь⁶. В начале XX в.

¹ Материалы Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: [https://kirovstat.gks.ru/storage/mediabank/Том+4\[1\].pdf](https://kirovstat.gks.ru/storage/mediabank/Том+4[1].pdf) (дата обращения 26.04.2022).

² Попов Н.С. Этнографические группы и диаспоры // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 132.

³ Рычков Н.П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям российского государства, 1769 и 1770 году. СПб, 1770–1772. Т. 2. С. 17–18.

⁴ Кузнецов С.К. Четыре дня у черемись во время сюрёма. СПб, 1879.

⁵ Зеленин Д.К. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.

⁶ Оленин-Волгарь П.А. Путеводитель Вятско-Волжского пароходства; Река Вятка и Вятский край. Вятка, 1910.

сбором и публикацией сказочной прозы о марийском князе Болтуше занимался исследователь культуры народов Поволжья М.Г. Худяков⁷. Тексты легенд о марийских правителях приводил советский фольклорист В.А. Акцорин⁸. Образы богатырей также подробно рассмотрены в справочных изданиях Л.С. Тойдыбековой⁹, К.С. Ситникова¹⁰, взаимосвязь между поклонением Акпатыру и этнической идентичностью марийцев – в статье Т.Л. Молотовой¹¹. Фольклор марийцев Уржумского района (уржумских марийцев) подробно описан в работах краеведа В.А. Ветлужских¹². Ценные сведения об истории изучения этнографии Малмыжского района в своей книге «Феномен уездного города. Малмыж в истории русской культуры» приводит В.К. Семибратов¹³. В 2016 г. этнолог К.А. Гаврилова представила диссертационное исследование, посвященное этнокультурному активизму в марийских деревнях Кировской области¹⁴.

Цель исследования – установить символическую роль фольклорных персонажей в укреплении этнорегиональной идентичности. В качестве объекта исследования выбраны фольклорные персонажи марийцев Малмыжского и Уржумского района Кировской области (вятских марийцев), маркирующие этническую идентичность этого населения. Под идентичностью понимается модель группового и индивидуального самосознания, конструируемую и ретранслируемую членами социума. Исследователи-конструктивисты рассматривают идентичность как статус, предписывающий ее обладателю определенный стереотип поведения. В зависимости от актуальности того или иного статуса этничности меняются и границы социальных групп¹⁵.

Исследование базируется на полевых материалах, собранных в ходе полевых выездов 2015 и 2017 гг. (Южно-Вятская экспедиция кафедры этнологии МГУ имени М.В. Ломоносова) и самостоятельных выездов, осуществленных в 2021 г. В качестве источников работы использованы нарративы респондентов и региональные СМИ. Этническая идентичность марийцев Вятки рассматривается через оптику мифологических представлений. По предположению автора, образы героев-богатырей (патыров) и правителей в местной традиции репрезентуют этнорегиональное самосознание марийского населения.

Значительная часть материалов статьи основана на диссертации автора «Система мифологических персонажей в репрезентации идентичностей современных марийцев» на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной в 2022 году в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН¹⁶.

⁷ Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край: сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 31–86.

⁸ Акцорин В.А. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991.

⁹ Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007.

¹⁰ Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола, 2006. Т. 1. С. 18.

¹¹ Молотова Т.Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. С. 81–92.

¹² Ветлужских В.А. Уржум, где правил князь Лайма. URL: <https://megalektsii.ru/s58646t13.html> (дата обращения: 27.04.2022).

¹³ Семибратов В.К. Феномен уездного города. Малмыж в истории русской культуры. М., 2021.

¹⁴ Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

¹⁵ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 20–37.

¹⁶ Устьянцев Г.Ю. Система мифологических персонажей в репрезентации идентичностей современных марийцев: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

Особенности этнической и религиозной идентичности вятских марийцев

Взаимодействие между представителями разных социальных групп в поликультурной среде сопровождается утверждением этнических границ и актуализации этнической идентичности, которая проявляется в действиях индивидов¹⁷. Взаимовлияние культур проявляется в местной языковой среде, культурном активизме и проведении массовых мероприятий. Например, в Малмыжском районе регулярно организуют фестивали, ярмарки и дискотеки, приуроченные к религиозным и традиционным праздникам, в которых принимают участие разные этноконфессиональные группы. В таких праздниках, как Сабантуй, День иконы Казанской Божьей матери (среди местных жителей просто «Казанская»), День национального героя, участвует все местное население вне зависимости от этнической принадлежности. В ходе праздничных мероприятий марийцы подчеркивают свою идентичность посредством ношения костюмов и музыкального репертуара¹⁸. Например, на фестивале, проводимом в День Казанской Божьей матери в 2017 г., активисты соорудили «национальные дворики» с целью проиллюстрировать культуру (одежду, еду, музыку) живущих в районе народов.

Марийцы Кировской области поддерживают тесные культурные связи с жителями Республики Марий Эл. Более того, в Малмыжском и Уржумском районах короткое время существовала практика преподавания луговомарийского языка в школах на протяжении 1990-х гг. Вскоре уроки марийского были прекращены в связи с тем, что местный диалект сильно отличается от литературного луговомарийского языка, распространенного в Марий Эл. Респонденты отмечают, что молодое поколение марийцев (моложе 25 лет) либо вовсе не знают марийского языка, либо понимают лишь устную речь.

Интересным представляется вопрос о религиозной идентичности вятских марийцев. Марийцы исследуемого региона, по свидетельствам респондентов, в советское время ходили в священные рощи (кўсото) на моления (на луговомарийском яз. – марий кумалтыш), что продолжают делать и сейчас, но уже не так часто. Согласно устным опросам, в молениях продолжают участвовать, в основном, марийцы пожилого возраста, старше шестидесяти лет. В большинстве деревень нет своего карта (жреца марийского культа), поэтому моления проводят без него. Известны практики обращения к богам вне рощ (домашние моления, пёрт кумалтыш), которые организовывали женщины.

По большим праздникам на коллективные моления приезжают марийские жрецы – карты. Подобные события широко освещаются в региональной прессе и сопровождаются праздничными мероприятиями. Наиболее распространенные божества, которых называли респонденты в своих ответах: Кугу Юмо (верховный бог), Шочын Ава (богиня рождения), Тул Ава (богиня огня), Мардеж Ава (богиня ветра), синкретический культ Микола Юмо, вобравший в себя черты образа христианского святого Николая Угодника и марийского божества Юмо.

По словам большинства информантов, представителей современного марийского населения, они сами относят себя к «крещеным мари» или «чарке мари», то есть христианизированным марийцам. При этом данная часть респондентов может посещать культовые языческие места, изредка участвовать в молениях, не считая себя приверженцами традиционной религии. Некоторые марийцы рефлексируют по поводу сочетания христианских и языческих практик и определяют себя как двое-

¹⁷ Блум Я. Этническая и культурная дифференциация // Этнические группы... С. 98.

¹⁸ Гаврилова К.А. Этнический активизм... С. 175–180.

верцев. Единицы опрошенных определяют свою религиозную идентичность как «чи мари», то есть считают себя некрещенными мари́йцами-язычниками, почитающими исключительно языческих богов. Такая ситуация объясняется сильным влиянием православной церкви в Малмыжском и соседнем Уржумском районах Кировской области и многолетним влиянием русского населения. Что касается воздействия татарской культуры, то оно, в основном, проявляется в культуре питания и лексике.

Образы фольклорных правителей в восприятии местных жителей

В Кировской области распространены исторические легенды о правителях Болтуше (на луговомарийском яз. – Полтыше) и Акпатыре, которых в местной историографии и журналистике называют «национальными героями» или патырами (в переводе с луговомарийского яз. – богатыри). Имя князя Болтуша в большей степени известно жителям города Малмыжа и окраинных поселений, так как в самом городе находится Болтушина гора, в которой, по местной легенде, захоронен мари́йский князь.

Важнейший источник информации о князе Болтуше среди местного населения – произведения М.Г. Худякова, историка и краеведа XX в. Исследователь в своем очерке «История покорения Малмыжского края» опирался на более ранние работы. Среди них – «Предание о покорении Малмыжа» Н.П. Рычкова; данные, собранные этнографами С.В. Шубиным и С. К. Кузнецовым. В 1917 г. К.П. Чайников опубликовал былинку о покорении Малмыжа, записанную со слов местного жителя. Данный перечень дополнили исследования Малмыжского исторического общества, образованного в 1918 г. М.Г. Худяков, опирающийся на данные источники, добавил к ним и свои полевые материалы.

Легенда о Болтуше повествует о захвате побережья Вятки русским царем Иваном Грозным. В XVI в. территории вятских мари́йцев были заняты войсками русского царя. Точной даты взятия Малмыжа (тогда – мари́йское поселение) автор не приводит, указывая, что это мог быть 1550, 1552 или 1553 г.¹⁹ Согласно местной легенде, Болтуш погиб в войне с царскими войсками воеводы А.Ф. Адашева.

В вопросе достоверности образа князя в локальной традиции существуют несколько версий. Некоторые респонденты предполагают, что Болтуш является собирательным образом мари́йского князя, боровшегося с русским завоеванием во времена черемисских войн. Ряд местных жителей, в особенности культурные активисты, видят в Болтуше реального исторического персонажа. В летописных текстах упоминаний о князе Болтуше нет, а среди малмыжских правителей встречается только имя правителя Алека²⁰. В источнике об истории Вятского побережья в XVI столетии, «Повести о стране Вятской» также нет информации о конкретных мари́йских правителях времен Ивана Грозного²¹. Данный источник, написанный в 1706–1710 гг. был, вероятно, основан на более ранних исторических текстах²².

¹⁹ Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край: сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 65.

²⁰ Свечников С.К. Комментарий к работе М.Г. Худякова «История покорения Малмыжского» // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край: сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 228.

²¹ Повесть о стране Вятской 1905. Сайт: «Викитека-свободная библиотека». URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Повесть_о_стране_Вятской_\(Летописец_о_стране_Вяцкой\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Повесть_о_стране_Вятской_(Летописец_о_стране_Вяцкой)) (дата обращения: 26.04.2022).

²² Балыбердин А. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» // Библиотека как культурно-исторический объект: Традиции и тенденции развития, социальные функции: материалы научной конференции. г. Киров, 18–19 декабря 2007 года. URL:

Имя Болтуша фигурирует в местных топонимических преданиях. Так, в честь героя называют местную гору. Место, где легендарный князь погиб от ядра пушки, называют пушкаревским. Существует также легенда о происхождении гидронима реки Шошма. Согласно местному фольклору, жена Болтуша по имени Шошма, увидев, как князь умирает, бросилась в реку, которую с тех пор называют ее именем²³.

В исследованиях и устной традиции сохранились сюжеты о таинственных образах, появляющихся на «могиле» Болтуша. М.Г. Худяковым записаны предания о появлении князя после смерти, о сокрытых им сокровищах²⁴. Согласно собранным автором данным, клад Болтуша можно увидеть в лодке, если долго не моргать или убить человека, бросив его при этом в озеро²⁵. По мнению исследователя, в «посадских» сюжетах о погребении и могиле марийского правителя можно выделить три основных мотива: о месте погребения Болтуша, о способе его захоронения (в лодке или на коне) и о сокровищах, которые можно отыскать на Болтушиной горе²⁶. В фольклоре современных вятских марийцев, в основном, фигурируют нарративы о свечениях, видимых в районе горы:

Мы как-то сидели там с молодым человеком, и видели, как вроде бы летают шары светящиеся какие-то, огненные, пролетали мимо. Не знаю, может НЛЮ, может еще что. Ну считается это место такое, паранормальное, я не один раз там видела огни эти²⁷.

Таким образом, в локальной этнографии можно выделить две ипостаси князя Болтуша: с одной стороны, его представляют в роли богатыря-героя (марийского патыра), с другой стороны – как «заложного» покойника²⁸, являющегося местным жителям.

Образ князя Акпатыра в современном фольклоре более абстрактен. Информанты рассказывают, что Акпатыр – это локальный правитель, целитель, но не производят конкретные легенды о нем в устной форме. По преданию, Акпатыр родился в деревне Кетекмучаш (современное название – Акбатырево), рано осиротел и был усыновлен богатым татаринном, у которого было два сына: Алка и Шиик²⁹. Имя Акпатыра в переводе с татарского означает «белый богатырь», его прозвище, согласно фольклору, объясняется светлыми волосами героя³⁰. Сообщается, что Акпатыр знал татарский, марийский и русский языки и был известен среди вятских марийцев как врачеватель³¹. В легенде, приводимой фольклористом В.А. Акцориным, Акпатыр участвует во взятии крепости Казани на стороне Ивана Грозного³². Этнограф XIX в. С.Г. Кузнецов приводил сведения о том, что Акпатыр (Ахпатыр) был воином, принявшим христианскую веру и служившим русскому правителю. После смерти богатыря марийцы обожествили его, стали молиться Акпатыру для избавления от болезней³³. По одной из легенд, перед смертью целитель сказал сво-

https://web.archive.org/web/20100304033021/http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=82&Itemid=112 (дата обращения: 25.04.2022).

²³ Сабирова Р.Н. Легенды нашего края: сборник легенд и сказаний. Вып. 2. Легенды марийского народа / сост. Р. Н. Сабирова. 2006. С. 12–13.

²⁴ Худяков М.Г. История покорения... С. 75.

²⁵ Худяков М.Г. Легенды о могиле марийского князя Болтуша // Полтыш – князь черемисский... С. 216–217.

²⁶ Там же. С. 217.

²⁷ Записано со слов Н. Г.Ю. Устьянцевым, Малмыжский район, 2017.

²⁸ Там же. С. 222–223.

²⁹ Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола, 2006. Т. 1. С. 18.

³⁰ Александров В.С., Салахияев В.М. Праздничная и бытовая культура марийцев, удмуртов, татар Малмыжского района Кировской области. Малмыж, 2019. С. 25.

³¹ Там же. С. 23.

³² Акцорин В.А. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. 1991. С. 258–260.

³³ Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис в во время сюрема. СПб., 1979. С. 8–9.

им братьям выпустить стрелы, которые упали на Китякской горе, в которой был он и был похоронен³⁴. С тех пор марийцы почитали березу, под которой захоронен Акпатырь³⁵. По материалам Т.Л. Молотовой, Акпатырь фигурирует в локальной традиции в разных ипостасях: как целитель, покровитель марийского народа, обладатель большой силы – богатырь³⁶. Исследователь марийской мифологии и религии Л.С. Тойдыбекова описывает Акпатыря (Акбатыра) как «марийского князя, просветителя, целителя, национального героя», правящего китякскими марийцами³⁷.

В Уржумском районе марийское население подверглось более сильному влиянию русского населения. Местные вятские марийцы, преимущественно, живут в нескольких поселениях: в Шурме, Акмазиках, Зайцево и др. Местные жители редко участвуют в молениях: сакральные рожи посещают представители пожилого возраста. Местных жрецов-картов в районе нет. В то же время уржумские марийцы воспроизводят в фольклоре историческое предание о возникновении поселков и деревень. Так, местным жителям знакомы образы легендарных правителей Тўкана Шура и Акмазика:

Вот были два брата, которые здесь поселились первыми. Тўкан Шур, рогатый князь, и Акмазик, они друг другу топор перебрасывали. Где поселился Акмазик, там возникли Акмазики, Тўкан Шура основал Шурму³⁸.

Важно, что жители некоторых поселков воспринимают легендарных правителей как реальных исторических предков. Князья и патыры в локальном фольклоре выполняют функцию установления связи местных жителей с наследием героического прошлого. Так, жители Уржумского района под фамилией Акмазиковы, выходцы из деревни Акмазики, репрезентуют себя как потомков легендарного правителя (Шурма, Уржумский район, 2015 г.). Согласно местным поверьям, в Малмыже и Большом Китяке до сих пор живут потомки князя Болтуша, что было отмечено этнографом М.Г. Худяковым³⁹. В 1939 г. местный житель Андрей Кузьмич Болтушин написал в МарНИИ (Марийский научно-исследовательский институт, сейчас – Марийский институт языка, литературы и истории имени М.В. Васильева) ныне опубликованное «Письмо о родстве князя Болтуша», в котором представлял свою семью в качестве потомков марийского правителя⁴⁰. Фольклорные герои «встраиваются в семейную историю местных жителей, подчеркивая их сопричастность локальной истории. «Семейная» память и генеалогии отражают восприятие этнической истории местными марийцами⁴¹.

В настоящее время устная традиция не отражает конкретных детализированных сюжетов о локальных правителях. Знания о них весьма расплывчаты и обрывочны. Как правило, информанты обладают информацией о статусе и месте захоронения героев, но не о сюжетах, с ними связанных.

³⁴ Ситников К.И. Словарь марийской мифологии... С. 18.

³⁵ Трухина И. Ак Батырь // Сельская правда, 2007. 9 августа. № 95 (13668). С. 2.

³⁶ Молотова Т.Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. С. 81–92.

³⁷ Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 63.

³⁸ Записано со слов А.А. Г.Ю. Устьянцевым. Шурма, 2015.

³⁹ Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край: сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 79–80.

⁴⁰ Болтушин А.К. Письмо о родстве князя Болтуша // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край: сборник. Йошкар-Ола, 2003. С. 230–234.

⁴¹ Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Труды. Вып. 5. Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996 г.). СПб, 1997. С. 71–72.

Легендарные правители в этнокультурном активизме и коммеморативных практиках

В современной марийской традиции образы Болтуша и Акпатыра героизируются, их наделяют свойствами культурных героев. Память о них ретранслируется через несколько каналов. Так, условный день смерти Болтуша (26 апреля) местные активисты отмечают как «день национального марийского героя». В этот день проводят тематические чтения в библиотеках, выставки, мастер-классы. В праздничных мероприятиях принимают участие также представители других этнических групп: русские, татары. Исследователь К.А. Гаврилова отмечает существенную роль локального культурного активизма в «конструировании» истории деревни с помощью «политики памяти», то есть музейных практик, ведения альбомов и фиксации локальной истории⁴². На более глобальном уровне герои-правители ассоциируются местным населением с условным «золотым веком» истории марийцев, периодом расцвета их культуры. Исторические легенды становятся частью семиотического поля, усиливающего и выражающего этническую идентичность общества⁴³.

В качестве популярных литературных источников о мифической биографии марийских князей фигурируют сборник источников и исследовательских текстов 2003 г. «Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край», выпущенный под редакцией В.Н. Козлова (Л. Шемиэра), руководителя Центра-музея имени Валентина Колумба, и брошюра «Двенадцать марийских героев» А.Г. Акшикова⁴⁴. На данную литературу опираются педагоги и работники культуры, ретранслируя образы локальных героев. Образы правителей-богатырей отражены в профессиональном искусстве. Например, в драме С. Чавайна «Акпатыр» 1935 г. и одноименной опере на марийском языке, написанной в 1963 г. композитором Э. Сапаевым. В этих произведениях Акпатыр представлен воином-гусяром, борющимся в рядах пугачевской армии с самодержавной властью⁴⁵.

Другим важным источником ретрансляции «мифологической памяти» о героях являются коммеморативные объекты-памятники. Практика создания камней и скульптур в честь легендарных богатырей существует в марийской культуре с 1990-х гг. В настоящее время на Болтушиной горе (на которой расположено несколько улиц Малмыжа) находится памятник Болтушу, установленный в 2011 г. Инициаторами открытия памятного объекта явились местные жители, «Центр-музей имени Валентина Колумба» и предприниматель В.П. Воронцов (рис. 1). О нем имеется следующая запись:

В несколько дней сюда был завезен и временно установлен карельский гранит огромного размера. На это дело большое финансовое вложение сделал известный марийский предприниматель Вячеслав Петрович Воронцов. Он приложил немало усилий, чтобы отыскать гранитный камень, также за свой счет обеспечил привоз этого камня на Болтушину гору⁴⁶.

Каждый год, 4 августа, в день почитания Акпатыра и Болтуша, на Болтушиной горе проходят моления с участием жрецов-картов. Периодически в этом месте проходят соревнования по мотокроссу. Культурный объект, посвященный Болту-

⁴² Гаврилова К.А. Этнический активизм... С. 92–93.

⁴³ Smith A.D. Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. P. 56.

⁴⁴ Акшиков А. Двенадцать марийских героев // Ончыко. 2012. № 1. С. 97–104.

⁴⁵ См. видеозапись первой марийской оперы: Акпатыр // MariUver. URL: <https://mariuver.com/2020/04/01/opera-akpatyr/> (дата обращения: 24.04.2022).

⁴⁶ Козлов и Воронцов поставили памятник Полтыш Ону – князю Болтушу // MariUver. URL: <https://mariuver.com/2011/08/11/pam-poltysh> (дата обращения: 25.04.2022).

шу, включает в себя, помимо самого памятного камня, металлическое ограждение, деревянные шесты для жертвенных котлов и ворота с надписью на русском, марийском, удмуртском и татарском языках: «Цвети, процветай, земля предков». По словам местных жителей, у памятника организуют молодежные гуляния в дни школьных выпускных и другие праздники. Можно считать Болтушину гору и памятник на ней своего рода «третьим местом» – неформальным центром местной культурной жизни⁴⁷.



Рис. 1. Памятный камень князю Болтушу, Малмыж, Малмыжский район
Figure 1. Memorial stone to Prince Boltush, Malmyzh, Malmyzh district

Источник: фотография сделана автором.
Source: the photo was taken by the author.

В 1998 г. в деревне Большой Китяк, которую местные жители считают родной для князя Акпатыра, местный предприниматель В.А. Соловьев установил памятник марийскому богатырю на свои средства. Бизнесмен, будучи родом из Большого Китяка, назвал и свое предприятие, колбасный завод, «АкБатыр». На открытие коммеморативного объекта приехали представители марийского жречества, делегация из Республики Марий Эл⁴⁸.

Памятник представляет собой скульптурное изображение Акпатыра в образе мужчины с бородой (рис. 2). На бюсте выбита надпись «Марийлан вий куатым пу-

⁴⁷ *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М, 2014. С. 20.

⁴⁸ *Картошова Л.* У могилы Акпатыра // Сельская правда, 24 августа, 1999. № 101 (124027) С. 2.

эншого» (в пер. с луговомарийского – «Даруй марийцам силу и мощь»). Скульптурная композиция находится у входа на Китякское кладбище и обнесена деревянным забором. Возможно, ввиду близости к кладбищу, памятник Акпатыра находится в лучшей сохранности по сравнению с памятным камнем Болтуша. Местные жители воспринимают скульптурный объект в Китяке как часть местного кладбища, на котором предписано вести себя аккуратно. Рядом с памятником Акпатыра находится и памятник его основателю, поставленный на средства местного марийского мецената В.А. Соловьева.



Рис. 2. Памятник Акпатыру, кладбище деревни Большой Китяк, Малмыжский район
Figure 2. Monument to Akpatyr, cemetery of the village of Bolshoy Kityak, Malmyzhsky district

Источник: фотография сделана автором.
Source: the photo was taken by the author.

Сакрализация фольклорных персонажей

Указанные объекты ландшафта местные жители посещают в День национального героя, они приносят цветы и организуют здесь моления героям легенд. Акпатыра и Болтуша почитают не только как «национальных героев», но и как объекты культа. Рядом с памятником Акпатыру зажигают ритуальные свечи (см. рис. 2), здесь также видны следы приношения жертвенной пищи. Вокруг на деревьях повязаны платки и полотенца, оставленные здесь молящимися. В марийской религиозной культуре верующие вешают эти предметы в культовых местах, в рощах, «обращаясь к высшим силам». Примечательно, что, помимо марийцев, на могилу к Акпатыру также ходят татары, удмурты и русские, прося здоровья, жизненного благополучия, разрешения сложных проблем, исцеления от болезней и др.⁴⁹

⁴⁹ Молотова Т.Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. С. 90.

Житель деревни Большой Китяк, организатор молений, так описывает культы марийских богатырей:

Здесь поминают его, Апатыра, Полтуша. Поминают и молятся. Акпатыр тут похоронен в Китяе, Полтуш похоронен на Болтушиной горе. Это Малмыж, самая высокая там есть, самое высокое место. С Полтушем стояли, когда против этих <...> русских. Нам запретили селиться двадцать верст. Акпатыр сказал, хватит, будем жить мирно. Акпатыр после Полтуша начал, он успокоил свой народ.

– Акпатыр тоже был князем?

– Да, у нас не князья, а большой человек, кугуза⁵⁰.

Практика коллективных молений у памятников фольклорным героям репрезентует приверженность местных марийцев языческим верованиям, хотя, как уже было сказано, не все информанты описывают себя как «двоеверцев» или язычников «чи мари». Несмотря на сохранение некоторых элементов традиционной марийской религии, в советское время и непрерывный характер ритуалов, исследователи видят в ней черты неоязычества⁵¹. Действительно, в современной марийской традиционной религии проявлены тенденции неоязыческих течений: ревиталистский характер, идеи пуризма и борьбы с культурной ассимиляцией, идеи этнической консолидации, эзотерические практики⁵².

Религиозный фактор лежит в основе индивидуальной и групповой идентичности, устанавливает определенный социальный порядок⁵³. Практики традиционной религии, осуществляемые местными марийцами, укрепляют их принадлежность к одной этнической группе. Интересно, что ритуальная составляющая местных верований (посещение «могил» Акпатыра и Болтуша, оставление полотенец на деревьях) не воспринимается многими марийцами как религиозный ритуал. Ритуалы скорее интерпретируются ими как «традиционные», нежели чем религиозные⁵⁴. Данное явление можно объяснить секуляризацией, произошедшей в годы советской власти. Посещение молений местным героям воспринимается как признак принадлежности к этнической группе, наряду с ношением традиционной одежды по праздникам. В данном случае религиозная обрядовость дополняет этническую идентичность. Респонденты часто не имеют четких представлений о своей религиозной идентичности и не считают себя приверженцами языческих верований. В локальном самосознании проявляется личное восприятие религии: у местного населения индивидуальные измерения религиозности превалируют над групповыми. В исследуемом регионе, ввиду поликультурности местного населения, марийцам трудно идентифицировать тот или иной обряд с конкретной религией. Христианские и языческие ритуалы тесно переплетены в обрядовой и праздничной сферах.

Выводы

Культы вятских богатырей Акпатыра, Болтуша и сюжеты о них актуализируют этнорегиональное самосознание марийцев Кировской области. В основании памятников и проведении коммеморативных церемоний, связанных с легендарными героями,

⁵⁰ Записано со слов Н.З. Г.Ю. Устьянцевым. Большой Китяк, Малмыжский район, 2021.

⁵¹ Кнорре Б.К. Марийское язычество под натиском нью-эйджа // *Russian Review*. 2008. № 10. URL: <https://paganantifa.ucoz.ru/publ/1-1-0-31> (дата обращения: 25.04.2022).

⁵² Шнирельман В.А. Русское родноверие (Неоязычество и национализм в современной России). М., 2012. С. 37–39.

⁵³ Seul J.R. 'Ours Is the Way of God': Religion, Identity, and Intergroup Conflict // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. № 5. P. 559–562.

⁵⁴ Weissbrod L. Religion as National Identity in a Secular Society // *Review of Religious Research*. 1983. Vol. 24. № 3. P. 194.

проявляется восприятие местными жителями своей связи с традиционной религией и этническим прошлым. Обрядовые практики почитания фольклорных персонажей символизируют культурные границы социальных групп и репрезентуют этническое единство. Таким образом, в современной культуре марийцев Вятки фигуры легендарных персонажей-правителей проявлены в этнической идее локального населения. Образы Акпатыра и Болтуша акцентируют связь вятских марийцев с местной историей и марийскими традициями, что особенно актуально для данного населения в условиях поликультурных контактов. Информация о легендарных марийских правителях ретранслируется посредством этнокультурного активизма, институтов СМИ, образования, краеведческой литературы. Данный процесс больше выражен в Малмыжском районе, нежели в Уржумском. Фольклорные князья уржумских марийцев (Түкан Шур, Акмазик) не являются объектами культа и менее известны местным жителям, что можно связать с более активным влиянием на марийцев русского населения. При этом марийские богатыри приобретают в восприятии обществу реалистичные черты, считаются местными жителями историческими персонажами. Популяризация персонажей локального фольклора уржумско-вятских марийцев объясняется влиянием актуализации марийской этнической идеи в целом и, в частности, в Республике Марий Эл в последние десятилетия, общей тенденцией к популяризации, «присвоению» фольклорных героев и репрезентации посредством них этнического самосознания.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

References

- Akshikov, A. "Dvenadsat' mariiskikh geroev [Twelve Mari heroes]." *Onchyko*, no. 1 (2012): 97–104 (in Russian).
- Aktsorin, V.A. *Mariiskii fol'klor. Mify, legendy, predaniia* [Mari folklore. Myths, legends, historical legends]. Yoshkar-Ola: mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991 (in Russian).
- Alexandrov, V.S., and Salakhiev, V.M. *Prazdnichnaia i bytovaia kul'tura mariitsev, udmurtov, tatar Malmyzhskogo raiona Kirovskoi oblasti* [Festive and everyday culture of Mari, Udmurts, Tatars of the Malmyzh district of the Kirov oblast']. Malmyzh: MKUK Malmyzhskogo kraevedcheskogo muzeia Publ., 2019 (in Russian).
- Balyberdin, A. "K voprosu o proiskhozhdenii 'Povesti o strane Vyatskoi' [On the question of the origin of the 'Tale of the Vyatka Country']." In *Biblioteka kak kul'turno-istoricheskii ob'ekt: Traditsii i tendentsii razvitiia, sotsial'nye funktsii: materialy nauchnoi konferentsii* [Library as a cultural and historical object: Traditions and development trends, social functions: materials of a scientific conference]. Kirov, December 18–19, 2007, https://web.archive.org/web/20100304033021/http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=82&Itemid=112 (in Russian).
- Bart, F. "Vvedenie [Introduction]." In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries], 9–48. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Bloom, Ya. "Etnicheskaia i kul'turnaia differentsiatsiia [Ethnic and cultural differentiation]." In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Social'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries], 91–103. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Boltushin, A.K. "Pis'mo o rodstve kniazia Boltusha [Letter about the kinship of Prince Boltush]." In *Poltysh – kniaz' cheremisskii. Malmyzhskii kraj: sbornik* [Poltysh, Prince cheremissky. Malmyzhsky Krai: collection], 230–234. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii imeni V.M. Vasil'eva Publ., 2003 (in Russian).
- Brednikova, O. "'Semeinaia' i 'kollektivnaia pamiat' (sposoby konstruirovaniia etnicheskoi identichnosti) ['Family' and 'collective' memory (ways of constructing ethnic identity)]." In *Bio-*

- graficheskii metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv. Trudy. Vyp. 5. Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 14–17 noyabrya 1996)* [Biographical method in the study of post-socialist societies. Works. Issue 5. Materials of the international seminar (St. Petersburg, November 14–17, 1996)], 71–72. St. Petersburg: Tsentr nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 1997 (in Russian).
- Gavrilova, K.A. “Ethnic activism and local strategies for the production of erotic culture in the Mari villages of the Kirov region,” PhD diss., Kuntskammer Museum of Anthropology and Ethnography, 2016 (in Russian).
- Kartoshova, L. “U mogily Akpatyra [At the grave of Akpatyr].” *Selskaia pravda*, no. 101 (1999): 2 (in Russian).
- Khudyakov, M.G. “Istoriia pokoreniia Malmyzhskogo kraia [The history of the conquest of the Malmyzhsky region].” In *Poltysh – kniaz' cheremisskii. Malmyzhskii krai: sbornik* [Poltysh, Prince cheremisskii. Malmyzhsky Krai: collection], 31–86. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii imeni V.M. Vasil'eva Publ., 2003 (in Russian).
- Knorre, B.K. “Mariiskoe iazychestvo pod natisom n'iu-eidzha [Mari paganism under the onslaught of the New Age].” *Russian Review*, no. 10 (2008), <https://paganantifa.ucoz.ru/publ/1-1-0-31> (in Russian).
- Kuznetsov, S.K. *Chetyre dnia u cheremis" vo vremia siurema* [Four days at cheremis during the surem]. St. Petersburg: Imperatorskoe russkoe geograficheskoe obshchestvo Publ., 1879 (in Russian).
- Molotova, T.L. “Religiozniy faktor v sokhraneni i identichnosti vostochnykh mariitsev [The religious factor in preserving the identity of the Eastern Mari].” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2010): 81–92 (in Russian).
- Oldenburg, R. *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta 'tsovok' kak fundament soobshchestva* [Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of 'hangouts' as the foundation of the community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018 (in Russian).
- Olenin-Volgar, P.A. *Kama i Viatka: putevoditel' i etnograficheskoe opisaniie Prikamskogo kraia* [Guide of the Viatka-Volga Shipping Company; The Viatka River and the Viatka Region]. Vyatka: Gubernskaia tipografiia Publ., 1910 (in Russian).
- Popov, N.S. “Etnograficheskie gruppy i diaspory [Ethnic groups and diasporas].” In *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mari. Historical and ethnographic essays], 131–145. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii imeni V.M. Vasil'eva Publ., 2013 (in Russian).
- Rychkov, N.P. *Zhurnal ili dnevnye zapiski kapitana Rychkova po raznym provintsyiam rossiiskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu* [Captain Rychkov's journal or daily notes on various provinces of the Russian state, 1769 and 1770], vol. 2. St. Petersburg: Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1770–1772 (in Russian).
- Sabirova, R.N. *Legendy nashego kraia: sbornik legend i skazanii. Vyp. 2. Legendy mariiskogo naroda* [Legends of our region: a collection of legends and tales. Issue 2. Legends of the Mari people]. Malmyzh: MKUK Mariiskaia tsentral'naia biblioteka Publ., 2006 (in Russian).
- Semibratov, V.K. *Fenomen uezdnogo goroda. Malmyzh v istorii russkoi kul'tury* [The phenomenon of the county town of Malmyzh in the history of Russian culture]. Moscow: Redkaia ptitsa Publ., 2021 (in Russian).
- Seul, J.R. “‘Ours is the Way of God’: Religion, Identity, and Intergroup Conflict.” *Journal of Peace Research*, 36, no. 5 (1999): 553–569, <https://doi.org/10.1177/002234339903600504>
- Shnirelman, V.A. *Russkoe rodnoverie (Neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii)* [Russian rodnoverie (Neo-Paganism and Nationalism in modern Russia)]. Moscow: Bibleisko-Bogoslovskii Institut sv. apostola Andreia Publ., 2012 (in Russian).
- Sitnikov, K.I. *Slovar' mariiskoi mifologii* [Dictionary of Mari mythology], vol. 1. Yoshkar-Ola: [N.s.], 2006 (in Russian).
- Smith, A. D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. New York: Routledge, 2009.
- Svechnikov, S.K. “Kommentarii k rabote M.G. Hudyakova «Istoriya pokoreniia Malmyzhskogo» [Comments on the work of M. G. Khudyakov ‘The history of the conquest of the Malmyzhsky’].” in *Poltysh – kniaz' cheremisskii. Malmyzhskii krai: sbornik* [Poltysh, Prince cheremissky. Malmyzhsky Krai: collection], 228. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii imeni V.M. Vasil'eva Publ., 2003 (in Russian).
- Toydybekova, L.S. *Mariiskaia mifologiia. Etnograficheskii spravochnik* [Mari mythology: An Ethnographic Reference book]. Yoshkar-Ola: MPIK Publ., 2007 (in Russian).
- Trukhina, I. “Ak Batyr [Ak Batyr].” *Selskaia pravda*, no. 95 (2010): 2 (in Russian).

- Ustyantsev, H.Yu. “Sistema mifologicheskikh personazhei v reprezentatsii identichnosti sovremennykh mariitsev [The system of mythological characters in the representation of the identities of modern Mari].” PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, 2022 (in Russian).
- Weissbrod, L. “Religion as National Identity in a Secular Society.” *Review of Religious Research* 24, no. 3 (1983): 188–205, <https://doi.org/10.2307/3511814>
- Zelenin, D.K. *Kama i Viatka: putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraia* [Kama and Vyatka: a guidebook and an ethnographic description of the Kama Region]. Yur'ev: Tipografiia Ed. Bergmana Publ., 1904 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Герман Юрьевич Устьянцев, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 119192, Москва, Ломоносовский пр-кт, д. 27, корп. 4; ustyan-93@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Herman Yu. Ustyantsev, PhD in History, Associate Professor of the Ethnology Department, Lomonosov Moscow State University; bldg. 4, 27, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119192, Russia; ustyan-93@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>
EDN: QNNFKO

Научная статья / Research article

Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева с нижегородским дворянством в период крестьянской реформы

Наталья Матвеевна Селиверстова

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева, Москва, Россия

nseliverstova@mail.ru

Аннотация: Анализируются сложные взаимоотношения военного губернатора Нижегородской губернии А.Н. Муравьева и помещичьего дворянства на момент подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., а также тот след, который они оставили в исторической памяти спустя двадцать лет. Рассматривается персонализированный механизм взаимодействия власти и общества на микросоциальном уровне, способ разрешения конфликтов, в том числе за счет апелляции к высшим инстанциям. Раскрываются субъективные и объективные причины вражды, включавшие опыт противостояния главных протагонистов в ходе декабристского восстания, последовательное расширение круга участников конфликта за счет включения сторонников губернатора в дворянской среде после его отставки. Целью исследования является выявление особенности социального поведения чиновников и дворян через анализ переписки представителей власти и местного дворянства. Автор установил, что бюрократия всегда ориентировалась на выработанную точку зрения монарха, а представители дворянства были гораздо более независимы в словах и поступках. Такой характер поведения соответствовал привилегированной роли высшего сословия в Российской империи, особенно в дореформенный период. Конфликт военного губернатора и местного дворянства продолжил свое существование в противоречивых воспоминаниях об А.Н. Муравьеве и его вкладе в отмену крепостного права в Нижегородской губернии. Среди местного дворянства он оставил недобрую память. В памяти старых чиновников А.Н. Муравьев выглядит выразителем воли царя-освободителя.

Ключевые слова: Великие реформы, просвещенная бюрократия, отмена крепостного права, историческая память, социальное взаимодействие

Для цитирования: Селиверстова Н.М. Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева с нижегородским дворянством в период крестьянской реформы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 546-558. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>

Conflict of Military Governor A.N. Muravyov with Nizhny Novgorod Nobility during the Peasant Reform

Natalya M. Seliverstova

Mendeleev University of Chemical Technology, Moscow, Russia

nseliverstova@mail.ru

Abstract: The author analyzes complex relationships between military governor of the Nizhny Novgorod province A.N. Muravyov and the local nobility during the preparation and implementation of the peasant reform of 1861, as well as the trace that they left in historical memory twenty years later. There are considered the personalized mechanism of interaction between the government and society at the micro-



social level, the method of resolving conflicts, including through appeals to higher authorities. The subjective and objective reasons for the enmity are revealed, including the experience of confrontation between the main protagonists during the Decembrist uprising, the consistent expansion of the circle of participants in the conflict, due to the inclusion of the governor's supporters among the nobility after his resignation. The purpose of the study is to identify the peculiarities of social behavior of officials and noblemen through the analysis of correspondence between government officials and local nobility. The author found that the bureaucracy was always guided by the viewpoint of the monarch, and members of the nobility were much more independent in words and actions. This type of behavior was consistent with the privileged role of the upper class in the Russian Empire, especially in the pre-reform period. The conflict between the military governor and the local nobility was reflected in the controversial memories of A.N. Muravyov and his contribution to the abolition of serfdom in the Nizhny Novgorod province. The officials remembered A.N. Muravyov as an exponent of the will of the Tsar Liberator.

Keywords: Great Reforms enlightened bureaucracy, nobility, abolition of serfdom, historical memory, social interaction

For citation: Seliverstova, N.M. "Conflict of Military Governor A.N. Muravyov with Nizhny Novgorod Nobility during the Peasant Reform." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 546–558 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>

Введение

Изучение государственных институтов России на любом этапе ее существования обладает огромной важностью в силу системообразующей роли, которую играет государство в истории нашей страны. Интерес вызывает не только анализ самих государственных институтов, но и деятельность тех, кто воплощал собой бюрократический аппарат – чиновничества. Период преобразований 60–70-х гг. XIX в., ключевым из которых стала крестьянская реформа, продемонстрировал адаптационные механизмы российского государства в ситуации многочисленных вызовов. Поэтому исследование способов функционирования государственного аппарата, деятельности бюрократии в это переломное время сегодня обладает значительной актуальностью.

Российская провинция сложно переживала год начала крестьянской реформы. После нескольких лет пугающих слухов, борьбы мнений в губернских комитетах по улучшению быта помещичьих крестьян помещное дворянство узнало о том, что правительство подготовило тот вариант проекта, который не устраивал большую его часть. Беда заключалась и в том, что крестьян эта реформа также не удовлетворила. В обстановке общего смятения и недовольства прошли первые месяцы после отмены крепостного права. В разных губерниях вспыхивали волнения крестьян, но и в среде высшего сословия зрело недовольство.

В исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, существует достаточно богатая традиция изучения роли государственных институтов и бюрократии в подготовке и проведении реформ 60–70-х гг. XIX в. в России. Родоначальником этого направления является П.А. Зайончковский, который создал свою собственную школу¹. Его последователями были не только отечественные, но и американские исследователи². Один из них, Б. Линкольн, ввел в научный оборот термин «просвещенная бюрократия» и выделил особенную роль этой группы чиновничества в подготовке и проведении Великих реформ³. В отечественной историографии при описании данной социальной группы использовался термин «либеральная бю-

¹ См.: Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

² См.: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 гг. М., 1984; Тарановский Ф. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 гг. М., 1992. С. 301–317; Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855–1861. Cambridge (Mass), 1976.

³ Lincoln B.W. In the vanguard of reform: Russia's Enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, Ill, 1982.

рократия», который не имел отношения к политическим предпочтениям этих чиновников. Большинство их стремилось к укреплению российского самодержавного государства посредством насущных реформ, не ставя под сомнение характер власти. В настоящее время в российской исторической литературе также преобладает использование термина «просвещенная бюрократия»⁴.

Если большинство исследователей относит формирование просвещенной бюрократии к 30–40-м гг. XIX в., то П.В. Акульшин считает, что это произошло раньше, в начале столетия, в период правления Александра I⁵.

Таким образом, реформаторские процессы начала XIX в. оказываются связаны с преобразованиями середины столетия посредством участия в их реализации одной и той же группы чиновничества, претерпевавшей изменения на протяжении десятилетий, но неизменно стремящейся к «реализации своих реформаторских идеалов через деятельность самодержавного государства»⁶.

Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева и нижегородского дворянства впервые был описан в дореволюционной историографии, в работах нижегородских историков-архивистов⁷, а затем нашел освещение в советской историографии в статье Ф.В. Чебаевского, посвященной деятельности Нижегородского губернского дворянского комитета 1858 г.⁸ Но в этих работах, так же, как и в более поздних исследованиях, главное внимание уделялось событиям до отставки А.Н. Муравьева, а сам конфликт губернатора и местного дворянства не был представлен в качестве отдельного предмета исследования.

В фокусе данной статьи находятся не политические или социальные институты как таковые, но социальное взаимодействие между конкретным представителем власти и местной элитой в один из переломных моментов истории. Такой подход в микросоциальном исследовании позволяет лучше понять динамику исторического процесса, формирование индивидуальных стратегий представителей социальных групп, и в целом представляется весьма перспективным в работах по социальной истории⁹.

Таким образом, особенный интерес представляет анализ взаимодействия одного из представителей первых поколений «просвещенной бюрократии» с провинциальным дворянством в ходе подготовки и реализации крестьянской реформы, а также последующее включение этих событий в контекст исторических воспоминаний о времени отмены крепостного права в Нижегородской губернии.

В силу важности в контексте исследования индивидуального восприятия и оценки событий особую роль играют источники личного происхождения: неопубликованная и опубликованная переписка; в анализе существовавших точек зрения на актуальную повестку дня используется публицистика.

⁴ Долгих А.Н. О «либеральной» и «просвещенной бюрократии» в России первой половины XIX века // История: факты и символы. 2017. № 2 (11). С. 95–102; Ружницкая И.В. «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник РУДН. Серия: История России. 2008. № 1 (11). С. 36–43.

⁵ См.: Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

⁶ Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. С. 625.

⁷ См.: Савельев А.А. Несколько слов о бывшем Нижегородском губернаторе А.Н. Муравьеве // Русская старина. 1898. № 7. С. 69–93; Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее // Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре. Арзамас. 2011. С. 204–247.

⁸ Чебаевский Ф.В. Нижегородский губернский дворянский комитет 1858 г. // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 86–94.

⁹ Revel J. Un parcours critique: douze exercices d'histoire social. Paris, 2006. P. 67.

Нижегородское дворянство и хозяин губернии: истоки и развитие конфликта

Положение дел в Нижегородской губернии в середине XIX в. определялось целым рядом факторов. Это нечерноземная губерния центра России, где крестьяне в основном находились на оброке, занимались промыслами. Здесь действовала Макарьевская ярмарка – крупнейшая в Российской империи, что способствовало обогащению жителей губернии. Оброки зажиточных крестьян, занимавшихся промышленной деятельностью или торговлей, доходили до нескольких тысяч рублей¹⁰. Основной доход помещики получали не от обработки принадлежащей им земли, но за счет эксплуатации крепостных. Этим объясняется негативное отношение значительной части нижегородского дворянства к правительственной программе крестьянской реформы, исходным пунктом которой было бесплатное предоставление личной свободы крестьянству.

В середине XIX в. Нижегородскую губернию возглавлял военный губернатор. В этой должности с 1856 по 1861 г. состоял А.Н. Муравьев, один из зачинателей декабристского движения, впоследствии отошедший от участия в нем, но прошедший через ссылку и вернувшийся через несколько лет к государственной службе, ветеран Крымской войны. Несмотря на долгий и сложный жизненный путь, карьеру, сделанную в царствование Николая I, А.Н. Муравьев не стал убежденным консерваторм.

П.А. Зайончковский писал о том, что накануне реформ 60–70-х гг. XIX в. является

новый тип губернатора, тип либерального просвещенного администратора, как, например, нижегородский губернатор бывший декабрист А.Н. Муравьев, тобольский, а позднее калужский В.А. Арцимович, самарский К.К. Грот¹¹.

Среди названных губернаторов наиболее богатым и разносторонним политическим и жизненным опытом, выходящим за рамки опыта бюрократов николаевского царствования, обладал А.Н. Муравьев.

Рескрипт Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову 1857 г. пришел в Нижний Новгород накануне дворянских выборов. Открывая выборы, А.Н. Муравьев произнес наполненную патриотизмом речь, взывая к именам Минина и Пожарского¹². Это произвело сильное впечатление на собравшееся нижегородское дворянство, и тут же был составлен адрес на высочайшее имя с выраженной готовностью исполнить волю императора. Документ подписали губернский предводитель дворянства Н.Н. Кутлубицкий и 128 дворян, а затем 17 декабря 1857 г. адрес был отправлен с нарочным в столицу¹³.

Вскоре выяснилось, что решение было принято дворянством скорее на эмоциональном подъеме, чем по здравом размышлении. Как практически в каждой губернии, кроме той части дворянства, которая поддерживала аболиционистские намерения правительства, выделилась группа условно называемых «консерваторов», оппонентов первой группы. Их возглавлял С.В. Шереметев, неоднократно избиравшийся губернским предводителем дворянства, прошедший Отечественную войну 1812 г., а впоследствии участник военного подавления восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге. Под его началом вдогонку уже отправ-

¹⁰ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1969. С. 20.

¹¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 210.

¹² Корнилов А.П. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 195.

¹³ Там же.

ленному адресу была послана делегация дворян, намеренных дать объяснения, что они не согласны с основаниями, изложенными в рескрипте, и были введены в заблуждение. Но было поздно. 24 декабря, всего через неделю, последовал ответный рескрипт, третий по счету в Российской империи, повелевающий создать в Нижегородской губернии комитет по улучшению быта помещичьих крестьян¹⁴.

Губернский комитет по подготовке к крестьянской реформе был создан 19 февраля 1858 г., его возглавил новый губернский предводитель дворянства помещик Сергачского уезда Н.П. Болтин. Первоначально комитет действовал достаточно энергично в духе правительственной программы, но после небольшой паузы в заседаниях настрой депутатов изменился, и верх в комитете одержали те помещики, кто добивался выкупа личности крестьянина. В губернском комитете «консервативное большинство» возглавил Я.И. Пятов.

В июле 1858 г. Александр II намеревался посетить нижегородскую ярмарку, и А.Н. Муравьев очень надеялся, что к тому времени губернский комитет уже успеет подготовить свой проект крестьянской реформы. Однако, узнав о готовящемся визите императора, Я.И. Пятов подал отзыв, подписанный двенадцатью членами комитета, где утверждал, что все то, что уже было сделано комитетом на тот момент, сделано

легкомысленно, вследствие какого-то чуждого дворянскому делу веяния, какого-то ничем не объяснимого недоброжелательства к своему сословию некоторых членов¹⁵.

Этим авторы отзыва подчеркивали не только внутрисословный характер обозначившегося конфликта среди членов комитета, но косвенно указывали на влияние извне, по всей видимости губернатора А.Н. Муравьева. После этого большинство нижегородского комитета решило заново переделать ту часть проекта, что прежде уже была согласована всеми его членами. Возмущенный действиями большинства комитета, предводитель нижегородского дворянства Н.П. Болтин отказался от роли председателя комитета в пользу Я.И. Пятова. Вскоре все члены меньшинства, поддерживающие правительственную программу и губернатора, стремившегося выполнить волю императора в вопросе освобождения крестьян, оставили комитет¹⁶. Тогда губернатор закрыл комитет, помешав таким образом исполнению решения большинства.

Для разрешения вопроса в Нижний Новгород был послан А.И. Левшин, товарищ министра внутренних дел С.С. Ланского. Министерский чиновник, стремясь во что бы то ни стало уладить конфликт, в котором прослеживалась не только внутрисословная распря, но и противостояние части дворян с губернатором, назвал ряд постановлений меньшинства «слишком либеральными», а одной из причин произошедшего столкновения – «бестактную торопливость» А.Н. Муравьева¹⁷.

В то же время еще до приезда Александра II в Нижний Новгород 28 июля было получено губернское предписание министра внутренних дел С.С. Ланского, и властям удалось взять под контроль ситуацию, сложившуюся в губернском комитете по подготовке крестьянской реформы¹⁸. Мнение большинства комитета было отвергнуто, так как оно отрицало принцип бесплатного дарования крепостным личной свободы. Я.И. Пятову, который позволял себе грубые замечания в адрес членов комитета, по повелению императора был объявлен строгий выговор, а дво-

¹⁴ Чебаевский Ф.В. Нижегородский губернский дворянский комитет. С. 87.

¹⁵ Корнилов А. П. Губернские комитеты... С. 232.

¹⁶ Снежневский В. И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 234.

¹⁷ Корнилов А. П. Губернские комитеты... С. 234.

¹⁸ Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 238.

рянам, подписавшим его мнение, сделано строгое замечание. При этом предводителю дворянства Н.П. Болтину и членам меньшинства было объявлено высочайшее благоволение, и им было предложено продолжить работу над проектом¹⁹.

Император Александр II приехал в Нижний Новгород 18 августа 1858 г., во время ярмарки. 19 августа император принимал нижегородское дворянство. Он обратился к собравшимся со следующими словами:

Я рад, господа, что могу лично благодарить вас за усердие, которым нижегородское дворянство всегда отличалось <...> Но я слышу с сожалением, что между вами возникли личности, а личности всякое дело портят; это жаль: устраните их <...> Путь указан, не отступайте от начал, изложенных в моем рескрипте, от данной вам программы <...> Господа, делайте так, чтобы было и нам хорошо, и другим не худо... Я вам верю и надеюсь, что вы оправдаете мое к вам доверие <...>²⁰.

Эта речь произвела нужный эффект на собравшееся нижегородское дворянство, и в оставшееся время работа комитета по улучшению быта помещичьих крестьян проходила в более спокойной обстановке, а по ее итогам были составлены два проекта, от большинства и от меньшинства. Вот что написал Н.П. Болтин в письме А.Н. Муравьеву, подводя итоги работы комитета:

Большинство комитета трудно расставалось с интересами прошедшего, другая же его половина, <...> не видя без прав собственности крестьян на земли прочного залога в будущем для благосостояния нашего отечества, постоянно протестовала против большинства и, не разделяя его убеждений, составила свой проект положения²¹.

Противостояние губернатора А.Н. Муравьева и В.С. Шереметева не ограничилось одним эпизодом и олицетворяло конфликт «просвещенного» представителя власти, в прошлом непосредственного участника декабристского движения (причем эти две ипостаси парадоксальным образом были представлены в лице одного человека) и дворянства старой закалки, осознающего всю полноту своих привилегий и безраздельный характер своей власти над крестьянами.

Когда в губернии стало известно о намерении правительства отменить крепостное право, владельцы имений напоследок постарались извлечь максимум материальной выгоды от своей «крещеной собственности». За злоупотребления властью над крестьянами имения таких помещиков попадали в опекуновское управление. В Нижегородской губернии в конце 1858 г. их насчитывалось пять²².

С.В. Шереметев был владельцем крупнейшей вотчины Богородское Горбатовского уезда Нижегородской губернии, в которой проживало 4908 душ мужского пола (м.п.) Это торгово-промышленное имение приносило стабильный доход. Минимальный оброк составлял 25 руб. серебром с души м. п. С.В. Шереметев в конце 1858 г. попытался заставить крестьян выкупиться на волю, при этом предполагалась выплата за рубль оброка 25 руб. капитальной суммы. Крестьяне наотрез отказались от такого грабительского выкупа. Тогда С.В. Шереметев применил силу: побои несогласных, заключение в вотчинную тюрьму и попытка отдать их в солдаты. Отчаявшиеся крестьяне подали коллективную жалобу губернатору А.Н. Муравьеву. Первой инстанцией, призванной заняться разбором дела и увещанием вотчинника, стали предводители дворянства, как нижегородский, так и предводитель

¹⁹ Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 235.

²⁰ Хруцов Д. П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860. Т. 1. С. 372–374.

²¹ Цит. по: Снежневский В. И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 240.

²² Там же. С. 219.

Горбатовского уезда П.Д. Стремоухов. После этого А.Н. Муравьев составил донесение министру внутренних дел.

28 марта 1859 г. по высочайшему повелению в губернию прибыл флигель-адъютант граф А.П. Бобринский. Посланец из столицы быстро нашел общий язык с местным магнатом. 10 апреля 1859 г. он писал А.Н. Муравьеву, что крестьяне села Богородское «приведены в повиновение» «благодаря снисхождению» С.В. Шереметева, который сбавил по 25 коп. с рубля в оброчном годовом налоге²³. В дополнение граф А.П. Бобринский переслал губернатору копии с двух писем, которые ему адресовал С.В. Шереметев. В этих письмах Шереметев оправдывался, отрицал факты притеснения своих крестьян, и позволял себе грубые нападки на А.Н. Муравьева, включая упоминание его политического прошлого и предвзятого негативно-го отношения к дворянству.

Удрученный таким оборотом дел нижегородский губернатор написал министру внутренних дел С.С. Ланскому и графу А.П. Бобринскому письма, в которых детально охарактеризовал С.В. Шереметева и его поступки. Кроме того, он обвинил Стремоухова в том, что тот подвергал наказаниям крестьян, которые обращались с жалобами к начальнику губернии²⁴. В заключении письма к С.С. Ланскому А.Н. Муравьев просил отставки, чтобы избежать того сложного положения, в которое поставили его обвинения со стороны С.В. Шереметева.

Непосредственным ответом на последнее письмо стал выговор, сделанный П.Д. Стремоухову. Несколько позже определилась дальнейшая судьба и самого С.В. Шереметева. На его имя был прислан пакет от министра внутренних дел С.С. Ланского, после чего С.В. Шереметев покинул свое имение, поселившись сначала в Нижнем Новгороде, а затем уехал за границу, где умер в 1866 г. Таким образом, консервативно настроенное нижегородское дворянство лишилось одного из своих признанных лидеров.

Развитие событий после отставки А.Н. Муравьева

Когда в апреле 1861 г. подал в отставку старый знакомый А.Н. Муравьева министр внутренних дел С.С. Ланской и на его место был назначен П.А. Валуев, об отставке задумался и сам нижегородский военный губернатор. Александр Николаевич ушел в отставку 16 сентября 1861 г., после чего был назначен сенатором. 22 октября 1861 г. в Нижнем Новгороде был дан прощальный обед А.Н. Муравьеву, на котором присутствовали представители разных сословий, в том числе и крестьяне. С прощальной речью выступил Н.П. Болтин, на тот момент бывший членом от правительства в губернском по крестьянским делам присутствии²⁵. Он высказал слова искренней благодарности А.Н. Муравьеву, а также искреннее сожаление о его отставке с поста губернатора. Н.П. Болтин особенно отметил, что в крестьянах А.Н. Муравьев видел своих сограждан, достойных справедливости и лучшей доли²⁶. В своей речи он обвинил нижегородских дворян в том, что они всеми силами мешали подготовке крестьянской реформы, и многие из них были бы счастливы вернуть крепостное право.

Эта речь имела большой резонанс не только в Нижегородской губернии, но и за ее пределами. Так, она была опубликована в № 11 за 1862 г. «Московских ведомостей». Оскорбленные речью Н.П. Болтина дворяне написали губернатору

²³ Снежневский В. И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 224.

²⁴ Там же. С. 227.

²⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп.1. Д. 1111. Л. 4.

²⁶ Снежневский В. И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 229.

предводителю дворянству П.Д. Стремоухову жалобу и просили обсудить этот вопрос на губернском собрании дворянства. Письмо подписали все одиннадцать уездных предводителей дворянства.

В письме дворяне особенно подчеркивали два обстоятельства дела. Во-первых, они называли ложью и клеветой слова Болтина Н.П. о стремлении многих помещиков под разными благовидными предлогами вернуть крепостное право. Во-вторых, их особенно возмутило, что эти слова были произнесены публично, при крестьянах, бывших на обеде, и «как бы нарочно приглашенных для того, чтобы слушать возмутительную речь его»²⁷.

В тексте письма его авторы указывают на стремление Болтина посеять рознь между двумя сословиями – дворянством и крестьянством. Но в реальности авторов письма возмутил сам факт приглашения крестьян на прощальный обед с губернатором, а также то, что крестьяне стали свидетелями самого конфликта, который они воспринимали как внутрисословный.

Вслед за первым письмом началась достаточно интенсивная переписка, в которой участвовали нижегородский губернский предводитель дворянства П.Д. Стремоухов, Нижегородский военный губернатор А.А. Одинцов, сменивший на этом посту А.Н. Муравьева, и министр внутренних дел П.А. Валуев. Общим стремлением всех участников переписки первоначально было как можно скорее прекратить возникший конфликт. Однако уже из первого письма П.Д. Стремоухова к П.А. Валуеву становится ясно, насколько его автор солидаризируется с позицией местных дворян, объясняя их правоту:

...г. Болтин присутствует в губернском мировом учреждении в качестве члена от правительства, и присутствие в сем учреждении личности, дозволившей себе оклеветать дворянство, глубоко оскорбительно как для прочих дворян- помещиков Нижегородской губернии в оном заседающих, так и для всего сословия нижегородского дворянства²⁸.

В письме Нижегородского военного губернатора А.А. Одинцова министру внутренних дел П.А. Валуеву от 13 февраля 1862 г. мы можем прочесть интересные строки о том, в чем его автор видит суть случившегося конфликта. По мнению А.А. Одинцова, Н.П. Болтин принадлежал к «партии» губернатора А.Н. Муравьева, придерживался сходных с ним взглядов, и поплатился за это. А.А. Одинцов пишет:

Полагаю, что в Болтине дворяне не столько обвиняют его особу, как всю систему управления Муравьева, Болтин est leur bouc émissaire [это козел отпущения] (пер. с фр. – Н.С.)²⁹.

Автор письма добавляет, что в качестве члена губернского по крестьянским делам присутствия Н.П. Болтин занимает нейтральную позицию. Несмотря на это, опасаясь демарша местных дворян, недовольных присутствием Н.П. Болтина в губернском по крестьянским делам присутствии, А.А. Одинцов считал целесообразным его добровольный отказ от исполнения своих обязанностей³⁰.

В те же дни, предшествовавшие чрезвычайному собранию дворянства, намеченному на 14 февраля 1862 г., А.А. Одинцов написал письмо и П.Д. Стремоухову, в котором призывал не придавать речи Болтина большого значения и попытаться убедить в этом уездных предводителей дворянства. Из телеграммы от 15 февраля

²⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп.1. Д. 1111. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 5–5 об.

²⁹ Там же. Л. 10 об.

³⁰ Там же. Л. 11.

мы узнаем, что попытка «смягчения» дворянства не удалась. А.А. Одинцов сообщает министру внутренних дел:

Дело Болтина уладить не успел. Мне представлено письмо от 78 из 92 дворян здесь собравшихся, чтобы просить вас удалить Болтина из губернского присутствия³¹.

Чтобы попытаться разрешить все более разгоравшийся конфликт, А.А. Одинцов попросил Болтина Н.П. написать письмо предводителю дворянства П.Д. Стремухову. Непреклонный в сознании своей правоты и гордящийся возложенной на него обязанностью члена от правительства губернского по крестьянским делам присутствия, Николай Петрович отказался это сделать, чтобы не унизить собственного достоинства и не выглядеть обвиняемым, ищущим помилования. Об этом он и сообщил в письме, написанном П.А. Валуеву³².

Во это время граф Н.С. Толстой, помещик Нижегородской губернии, написал ответ на статью «Прощание Нижнего Новгорода с А.Н. Муравьевым» и представил его для публикации в «Московские ведомости». Московский цензурный комитет, учтя все обстоятельства дела, не допустил эту статью к печати. Впоследствии этот шаг получил одобрение П.А. Валуева и самого императора Александра II.

Граф Н.С. Толстой был троюродным братом Л.Н. Толстого. Выйдя в отставку, он написал и опубликовал «Заволжские очерки», посвященные описанию природы, хозяйства, обычаев региона. Он полемизирует с анонимным автором статьи «Прощание Нижнего Новгорода с А.Н. Муравьевым» и пытается объяснить, почему большая часть нижегородского дворянства недовольна управлением уже бывшего военного губернатора А.Н. Муравьева. Он пишет, что знает

много людей истинно честных и добрых, заслуживающих глубокого сочувствия, по огорчениям и лишениям, испытанным ими под управлением А. Н. М., от явного неуважения к самым законным требованиям и кровным нуждам людей, разоряемым ложным либерализмом, непонимающим различия между насилием и законностью!³³.

Будучи достаточно тенденциозным, Н.С. Толстой, тем не менее, приводит аргументы для обоснования своих обвинений. Он называет ряд помещиков Макарьевского уезда, которым в 1862 г. крестьяне практически не выплачивали оброк. Причем, как отмечает Н.С. Толстой, до последних двух лет недоимок у этих помещиков никогда не было, а в 1862 г. эти недоимки почти полностью совпадают с суммой оброка³⁴.

Кроме того, Николай Сергеевич отмечал, что в имении его жены Л.Н. Толстой

не только ни гроша оброка не выплачено, но и часть самих земских повинностей, уплачиваемых деньгами, состоят в недоимке³⁵.

Следствием невыплаты оброка явилось падение платежеспособности помещиков, что могло привести к неисполнению ими обязательств как перед казной, так и перед частными кредиторами. Еще хуже обстояли дела в барщинных имениях, где крестьяне, ссылаясь на погоду, отказывались работать на помещика. С точки зрения Н.С. Толстого все эти случаи неисполнения крестьянами повинностей – результат бездействия мировых посредников, набранных в соответствии с наставлениями губернатора.

³¹ РГИА. Ф. 1282. Оп.1. Д. 1111. Л. 9.

³² Там же. Л. 17–18.

³³ Там же. Л. 38 об.

³⁴ Там же. Л. 40 об.

³⁵ Там же. Л. 41.

Что же касается Н.П. Болтина, упрямого и верного хранителя памяти А.Н. Муравьева в Нижнем Новгороде, судьба его была предreshена. Отказавшись идти на уступки, просить извинений, он вынужден был покинуть должность члена от правительства в Нижегородском по крестьянским делам присутствии. Об этом сообщает А.А. Одинцов в письме П.А. Валуеву в июне 1862 г.

По всей видимости, для нижегородского дворянства фигура А.Н. Муравьева олицетворяла человека, враждебного петербургской бюрократии, но одновременно таила спрятанный глубоко в душе страх перед «карбонариями» первой четверти века. Декабристы были фигурой умолчания в дворянской среде вплоть до конца 50-х гг. XIX в. Те из них, кто сделал карьеру в николаевскую эпоху, старались не упоминать об ошибках юности. И в данном контексте А.Н. Муравьев представлял собой заметное исключение, поскольку на протяжении всей жизни сохранял цельность своей личности, взглядов и убеждений, что проявлялось на разных этапах его государственной службы, подчас в самых отдаленных регионах Российской империи³⁶.

Когда он находился на службе в Нижнем Новгороде, в городе ходили по рукам множество стихотворных пасквилей, очернявших личную жизнь и общественную деятельность Александра Николаевича³⁷. Уже по одному этому мы можем понять, что деятельность А.Н. Муравьева вызывала заметный отклик в местном обществе, которое оказалось расколото по отношению и к крестьянской реформе, и к тем, кто ее приводил в действие.

Память о губернаторстве А.Н. Муравьева в Нижнем Новгороде в начале XX в.

О роли А.Н. Муравьева в подготовке крестьянской реформы в Нижегородской губернии, о силе и оригинальности его личности речь идет в очерке В.Г. Короленко «Легенда о царе и декабристе»³⁸. Писатель жил в Нижнем Новгороде с середины 1880-х гг. и застал еще живые воспоминания о губернаторстве Александра Николаевича. При подготовке к написанию очерка он использовал документальные свидетельства, но также и рассказы очевидцев событий. Так, Короленко приводит свидетельства В.М. Воронина, который в 1860–1861 гг. был сначала младшим, а затем уже старшим чиновником по особым поручениям при губернаторе. По словам В.М. Воронина, именно ему по указанию губернатора пришлось передать С.В. Шереметеву пакет с предписанием покинуть имение.

В своем очерке В.Г. Короленко приводит примеры многочисленных сатирических опусов, вышедших из-под пера местного дворянства, едко критикующих А.Н. Муравьева. Один из них, под названием «Муравиада», был опубликован в 1897 г. в «Русской старине»³⁹. Но спустя десятилетия в Нижегородской губернии сохранялись и другие воспоминания о губернаторе-декабристе. Конфликт между А.Н. Муравьевым и местным дворянством продолжился на уровне исторической памяти.

В.Г. Короленко образно описывает встречу молодого царя-освободителя и старого губернатора, участника наполеоновских войн, как ее представил бывший подчиненный А.Н. Муравьева⁴⁰. Для него как писателя-реалиста в этой встрече во-

³⁶ См.: Туманик Е.Н. 1) Управленческий конфликт: декабрист А.Н. Муравьев во главе Тобольской губернии // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVIII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. С. 248–256; 2) Административная деятельность А. Н. Муравьева в Таврической губернии (1835–1837 гг.) (по эпистолярным источникам) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 136–150.

³⁷ Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики... С. 229.

³⁸ Короленко В.Г. Легенда о царе и декабристе // Русское богатство. 1911. № 2. С. 113–140.

³⁹ Муравиада. Русская старина. 1897. № 9. С. 539–559.

⁴⁰ Короленко В.Г. Легенда о царе и декабристе. С. 133–134.

плотилась правда конкретного исторического момента. Император действительно вел дело освобождения крестьян, невзирая на все препятствия и глухое сопротивление значительной части дворянства. Не осмеливаясь нападать на самодержца, противники освобождения крестьян выступали против тех, кто являлся проводником верховной власти, сочувствуя и содействуя отмене крепостного права.

А.Н. Муравьев, каким он представлен в очерке через восприятие чиновника, служившего губернатору, – это сильная личность, способная противостоять своим недругам, используя свой многолетний опыт взаимодействия с людьми разного социального уровня, стремясь исполнить свой долг, водворить справедливость. В.Г. Короленко в А.Н. Муравьеве привлекали цельность, верность на протяжении всей жизни идее справедливости, усвоенной в юношеские годы⁴¹.

Таким образом, несмотря на то что с отмены крепостного права и окончания губернаторства А.Н. Муравьева прошло около двадцати лет, память об этих событиях сохранялась в сознании нижегородцев.

Выводы

Проведенное исследование позволяет наглядно представить, как на микро-социальном уровне осуществлялось взаимодействие между представителями власти различного уровня и поместным дворянством Нижегородской губернии в период подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. Стратегии поведения различных представителей губернского дворянства по отношению к военному губернатору А.Н. Муравьеву зависели от их самоидентификации, главным образом по отношению к реформаторской политике правительства. В условиях конфликта А.Н. Муравьева и местного дворянства для его урегулирования обе стороны используют апелляцию к вышестоящим инстанциям, которые выступают в роли арбитров. Успех действий в данном контексте во многом зависел от личных связей, положения в иерархии, опыта социально-политического взаимодействия. Несмотря на сознание близости общих дворянских корней и сословных ценностей, представители администрации в спорной ситуации всегда ориентировались на выраженную волю самодержца, в то время как помещики демонстрировали большую независимость своих суждений и занимаемых позиций, но только до тех пор, пока их персонально не коснется властная десница. Образ действия местного дворянства был общим как для тех, кто составлял «партию» А.Н. Муравьева, так и для его противников.

Конфликты губернаторов с представителями местных дворянских обществ были не единичными примерами в российской истории XIX в. В основе их часто лежала двойственная социальная идентичность представителей высшей бюрократии: с одной стороны, они являлись представителями высшего сословия; с другой – были встроены в систему государственного аппарата и транслировали волю высшей власти. В данном случае особенный характер конфликту придавала личность военного губернатора, представителя просвещенной бюрократии первой волны, чье формирование как политического деятеля было отмечено важнейшими вехами трех последовательных царствований. А.Н. Муравьев не просто стремился по долгу службы выполнять волю императора на своем посту, но хотел быть первым в числе исполнителей преобразований, которым он искренне сочувствовал. Еще одной отличительной чертой был его подлинный демократизм, подчеркнутое внимание к судьбе крестьянства, проявившиеся еще накануне отмены крепостного права. Этим он отличался от большинства представителей «просвещенной бюрократии». Его личная заинтересованность в деле освобождения крестьян вызывала раздражение у консервативного большинства поместного дворянства Нижегородской губернии.

⁴¹ Короленко В.Г. Легенда о царе и декабристе. С. 140.

На первом этапе конфликта А.Н. Муравьеву удалось в силу занимаемой должности, сильной воли и выработанных за долгие годы чиновной карьеры навыков одержать верх в противостоянии с консервативной частью местного дворянства. Но после его отставки в 1861 г., а также после начала реализации крестьянской реформы происходит консолидация нижегородского дворянства вокруг тех, кто не сочувствовал делу освобождения крестьян и обвинял А.Н. Муравьева во всех проблемах, с которыми столкнулись помещики в ходе преобразований. Отныне конфликт окончательно приобретает черты внутрисословного, в котором вместо отсутствующего А.Н. Муравьева объектом вражды становится его сторонник, бывший губернский предводитель дворянства Н.П. Болтин.

Последствия реформ 60–70-х гг. XIX в. привели к сокращению привилегий, которыми реально обладали представители благородного российского сословия. Тогда, спустя десятилетия, властность и независимость самых влиятельных помещиков и их способность почти на равных соперничать с представителями высшей администрации на местах отходят в область легенд и преданий, в которых нашел свое отражение глубокий конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева и нижегородского дворянства.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 03.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.09.2023

References

- Akul'shin, P.V. "Prosveshchennaia biurokратиia i russkaia provintsiiia v pervoi polovine. XIX v.: Po materialam Penzenskoi, Riazanskoi, Tambovskoi i Tul'skoi gubernii [Enlightened bureaucracy and the Russian provinces in the first half of the XIX century: Based on materials from the Penza, Ryazan, Tambov and Tula provinces]." PhD diss., Moscow Pedagogical State University, 2004 (in Russian).
- Chebaevskii, F. "Nizhegorodskii gubernskii dvorianskii komitet 1858 g. [Nizhny Novgorod Provincial Committee of Nobility in 1858]." *Voprosy istorii*, no 6 (1947): 86–94 (in Russian).
- Dolgikh, A.N. "About 'liberal' and 'enlightened bureaucracy' in Russia in the first half of the nineteenth century." *History: Facts and Symbols*, no 2 (2017): 95–102 (in Russian).
- Eroshkin, N.P. *Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (pervaja polovina XIX veka)* [Serf-owning autocracy and its political institutions (first half of the XIX century)]. Moscow: Mysl' Publ., 1981 (in Russian).
- Field, D. *The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia. 1855–1861*. Cambridge (Mass): Cambridge University Press, 1976.
- Hrushov, D.P. *Materialy dlja istorii uprazdneniia krepostnogo sostojaniia pomeshchich'ih krest'jan v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra II: sbornik* [Materials for the history of the abolition of the serfdom of landlord peasants in Russia during the reign of Emperor Alexander II], vol. 1. Berlin: F. Schneider, 1860 (in Russian).
- Kornilov, A.P. "Gubernskie komitety po krest'ianskomu delu v 1858–1859 gg. [Provincial Committees for Peasant Affairs in 1858–1859]." In *Ocherki po istorii obshhestvennogo dvizheniia i krest'ianskogo dela v Rossii*, 120–312. St. Petersburg: Obshhestv. pol'zy Publ., 1905 (in Russian).
- Korolenko, V.G. "Legenda o tsare i dekabriste [Legend of the Tsar and the Decembrist]." *Russkoe bogatstvo*, no 2 (1911): 113–140 (in Russian).
- Lincoln, B.W. *In the vanguard of reform: Russia's Enlightened bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1982.
- Revel, J. *Un parcours critique: douze exercices d'histoire social*. Paris: Galaade Editions. 2006 (in French).
- Ruzhitskaya, I.V. "The 'enlightened bureaucrats' – a new kind of Russian civil servant: an attempt of characterization." *RUDN Journal of Russian history* 1, no. 11 (2008): 36–43 (in Russian).
- Savel'ev, A.A. "Neskol'ko slov o byvshem Nizhegorodskom gubernatore A.N. Murav'iove [A few words about the former Nizhny Novgorod Governor A. N. Muravyov]." *Russkaia starina*, no. 6–7 (1898): 69–93 (in Russian).

- Snezhnevskiy, V.I. “Krepostnye krest'iane i pomeshchiki Nizhegorodskoi gubernii nakanune reformy 19 fevralia i pervye gody posle nee [Serfs and landowners of the Nizhny Novgorod province on the eve of the February 19 reform and the first years after it].” In *Iarem barshchiny starinnoi... Krepostnichestvo Nizhegorodskogo Povolzh'ia v dokumentakh, issledovaniyakh, memuarakh, khudozhestvennoi literature i fol'klоре: sbornik*, 204–247. Arzamas: AGPI Publ., 2011 (in Russian).
- Taranovsky, T. “Sudebnaia reforma i razvitie politicheskoi kul'tury tsarskoi Rossii [Judicial reform and the development of the political culture of tsarist Russia].” In *Russia's Great Reforms. 1856–1874. Sbornik*, 301–317. Moscow: Moscow University Press, 1992 (in Russian).
- Tumanik, E.N. “Upravlencheskii konflikt: dekabrist A.N. Muravyov vo glave Tobol'skoi gubernii [Administrative conflict: Decembrist A.N. Muravyov at the head of the Tobolsk province].” In *Rol' gosudarstva v khoziaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVIII – nachala XX veka. Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii*, 248–256. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Tumanik, E.N. “Administrativnaia deiatel'nost' A.N. Murav'eva v Tavricheskoi gubernii (1835–1837 gg.) (po epistol'iarnym istochnikam) [Administrative activity of A.N. Muravyov in the Tauride province (1835–1837) (according to epistolary sources)].” In *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv. Sbornik nauchnykh trudov*, 136–150. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2001 (in Russian).
- Zaionchkovskii, P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The abolition of serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1969 (in Russian).
- Zaionchkovskii, P.A. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).
- Zaionchkovskii, P.A. *Provedenie v zhizn' krest'ianskoi reformy 1861 g.* [Implementation of the peasant reform of 1861]. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature, 1958 (in Russian).
- Zakharova, L.G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861.* [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia. 1856–1861]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Матвеевна Селиверстова, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политологии, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 9; nseliverstova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9456-7467>

Natalya M. Seliverstova, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Head of the History and Political Science Department, Mendeleev University of Chemical Technology; 9, Miusskaya Ploshchiad', Moscow, 125047, Russia; nseliverstova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9456-7467>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-559-572>
EDN: OVGCF A

Научная статья / Research article

Деятельность попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в.: региональный опыт антиалкогольной борьбы

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия
✉ apkarimova@mail.ru

Аннотация: Реконструируется региональный исторический опыт антиалкогольной борьбы в дореволюционной России. Подчеркивается важное практическое значение исследуемой проблемы в контексте решения задач по пропаганде здорового образа жизни в современном российском обществе. Привлечен широкий круг историографической литературы и источников, на основании чего показывается, что к началу XX в. в работе уральских попечительств о народной трезвости доминировало культурно-просветительское направление. Автор приходит к выводу, что попечительствам о народной трезвости в конце XIX – начале XX в. не удалось остановить процесс распространения пьянства в регионе. Но, несмотря на ограниченность выдаваемых из казны материальных средств, эти институты внесли заметный вклад в организацию «разумного» досуга уральцев и в развитие культуры уральского социума в целом. Социальная опора попечительств о народной трезвости на Урале являлась одной из предпосылок усиления трезвенного движения в регионе в рассматриваемый период. Действуя в тяжелых условиях казенной винной монополии, трезвенное движение явилось духовно-ментальным ответом общественности (светской и церковной) на вызовы времени, а пропаганда идеи трезвости – паллиативным средством решения данного вопроса.

Ключевые слова: алкоголизация, досуг, культурно-просветительская работа, история повседневности, социальные девиации

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю. Деятельность попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в.: региональный опыт антиалкогольной борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 559–572. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-559-572>

Activities of the Guardianships of National Sobriety in the Urals in Late XIX – Early XX Century: Regional Experience in the Anti-Alcohol Struggle

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
✉ apkarimova@mail.ru

Abstract: The author reconstructs the regional historical experience of the anti-alcohol struggle in pre-revolutionary Russia. There is emphasized important practical significance of the problem under study in the context of solving problems of promoting a healthy lifestyle in modern Russian society.



A wide range of historiographical literature and sources is involved, on the basis of which it is shown that by the beginning of the XX century in the work of the Ural guardianships of national sobriety there dominated the cultural and educational trend. The author comes to the conclusion that in late XIX – early XX centuries the guardianships of national sobriety failed to stop the spread of drunkenness in the region. However, despite the limited material resources allocated from the treasury, these institutions made a significant contribution to the organization of “reasonable” leisure for the Ural residents and to the development of the culture of the Ural society as a whole. The social support of guardianships of national sobriety in the Urals was one of the prerequisites for strengthening the temperance movement in the region during the period under review. Under the harsh conditions of the state-owned wine monopoly, the temperance movement was the spiritual and mental response of the public (secular and church) to the challenges of the time, and the promotion of the idea of sobriety was a palliative means of resolving this issue.

Keywords: alcoholization, leisure, cultural education, history of everyday life, social deviations

For citation: Kazakova-Apkarimova, E.Yu. “Activities of the Guardianships of National Sobriety in the Urals in Late XIX – Early XX Century: Regional Experience in the Anti-Alcohol Struggle.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 559–572 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-559-572>

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения социальных и культурных практик повседневной жизни людей и их досуга в поздней имперской России¹. Одну из них представляет исторический опыт попечительств о народной трезвости, который сохраняет свою преемственность в контексте решаемых в современной России задач по пропаганде здорового образа жизни.

Духовно-нравственный аспект данного вопроса связан с поиском адекватных способов воздействия на народный менталитет. Обращение к антиалкогольной деятельности на общероссийском и региональном уровнях таким образом имеет важное практическое значение. В научном плане реконструкция регионального исторического опыта антиалкогольной борьбы на Урале с учетом деятельности попечительств о народной трезвости способствует углублению научных представлений об акторах трезвенного движения, механизмах и формах антиалкогольной работы, ее региональной исторической специфике, степени эффективности. Что касается методологических подходов, то в данном исследовании культурно-антропологический подход предполагает акторный анализ на институциональном и личностном уровнях.

Как известно, уральские попечительства о народной трезвости (наряду с Самарским), созданные в 1895 г., являлись пионерами в деле пропаганды идеи трезвости в народе и проводниками в жизнь разумных форм культурного досуга. Данный региональный опыт антиалкогольной борьбы заслуживает специального исследовательского внимания.

В отечественной историографии присутствуют различные оценки деятельности обществ трезвости и попечительств о народной трезвости в дореволюционной России. Так, А.Г. Быкова и П.П. Пуглеев высоко оценивают их историческое значение, говоря о благотворном влиянии попечительств о народной трезвости на культуру российского социума, делается вывод о снижении употребления спиртных напитков населением Российской империи в конце XIX – начале XX в.² Другие исследователи российской провинции доказывают, что попечительства о народной трезво-

¹ День трезвости. Сборник методических материалов по подготовке и проведению. Екатеринбург, 2010. С. 4–5.

² Быкова А.Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2012. С. 24–25, 41; Пуглеев П.П. Духовно-просветительную и культурно-досуговую деятельность Попечительства о народной трезвости в конце XIX – начале XX в. и ее роль в борьбе со злоупотреблением спиртными напитками // Наука без границ. 2021. № 3 (55). С. 17–24.

сти не оправдали ожиданий, что нужны региональные исследования для углубления научных представлений по данному вопросу. Подобных взглядов придерживаются, например, А.В. Кузьмина³.

В этой связи автор обращается к разработкам уральских исследователей проблемы. По поводу низкой эффективности попечительств о народной трезвости в борьбе с народным пьянством писали А.В. Власова, Г.Р. Рамазанова и Л.В. Петрич. Однако интерпретируют причины этого явления исследователи по-своему. А.В. Власова объясняет данную ситуацию государственной политикой, а также политическими и социально-экономическими катаклизмами⁴. При этом в другой публикации историк показала полезный вклад Пермского попечительства о народной трезвости в развитие культуры населения (особенно по организации в губернии хорового пения)⁵. Г.Р. Рамазанова, говоря о недостаточной эффективности работы попечительств в Уфимской губернии, связывает ее с уровнем самосознания и менталитетом, слабым участием в их работе городской общественности⁶. На материалах Оренбургской губернии Л.В. Петрич делает заключение, что создание попечительств о народной трезвости во многом носило формальный характер, недостаточно учитывало инициативу снизу⁷.

В целом исследователи справедливо указывают на приоритетную культурно-просветительскую направленность в работе попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в. как на примечательную функциональную особенность данных государственно-общественных институтов. Другие направления их деятельности, предлагаемые законодательством, такие как контроль за торговлей крепкими напитками или создание лечебных приютов для страдающих запоями, являлись не столь заметными. Подводя итоги историографического обзора, приходится констатировать, что уральские историки довольно фрагментарно реконструируют общую картину деятельности попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в.

В предлагаемой статье осуществляется обобщающий теоретико-эмпирический анализ истории попечительств о народной трезвости на Урале в рассматриваемый период с акцентом на результаты их деятельности. **Цель исследования** – выявление региональной специфики деятельности попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в.

Территориальные рамки включают границы Уральского региона в составе Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний. Определение этих географических рамок объясняется важностью проведения конкретно-исторических региональных исследований проблемы. Важно учитывать, что региональные особенности Уральского края в значительной степени обусловлены социально-экономическими факторами (ролью промышленности), а также единством природно-климатических и общностью исторических традиций. В силу горнозаводской специализации реги-

³ Кузьмина А.В. Организационные и правовые основы деятельности попечительств о народной трезвости в Российской империи: на примере Кубанской области и Черноморской губернии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. С. 6.

⁴ Власова А.В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2011. С. 27.

⁵ Власова А.В. Деятельность уральских епархий и приходов Русской православной церкви по противодействию злоупотреблению алкоголем в дореволюционный период // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). С. 111.

⁶ Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 41.

⁷ Петрич Л.В. Деятельность попечительства о народной трезвости Оренбургской губернии как важный элемент организации досуга населения конца XIX – начала XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 1. С. 26.

она уральские города и иные поселения края также имели свою специфику. Выбор именно таких территориально-географических рамок исследования позволяет наряду с традиционными историческими методами исследования сочетать в нем уровни макро-, мезо- и микроанализа.

Реконструировать историю попечительств о народной трезвости на Урале в конце XIX – начале XX в. позволяют исторические источники разных видов: законодательные материалы, статистика, делопроизводственная документация, источники, представленные в периодической печати, а также источники личного происхождения.

Предпосылки и причины зарождения попечительств в Уральском регионе

В рассматриваемый период в регионе был довольно высоким уровень алкоголизации населения, прежде всего земледельческих деревень, в частности в Уфимской губернии, в основном среди русскоязычного населения, в меньшей степени этот процесс затронул мусульманские, в том числе башкирские, деревни⁸.

В уральской периодике начала XX в. можно встретить немало заметок, посвященных алкогольному вопросу. Так, в «Пермской земской неделе» неоднократно ставился вопрос о борьбе с народным пьянством, обсуждались возможные способы отвлечения населения от употребления крепких напитков. По данным на 1906 г., Пермская губерния тратила на водку 21 млн руб., то есть по 7 руб. на душу в год, тогда как сметы уездных и губернского земств едва достигали 6 млн руб. Так, в Верхотурском уезде этот расход составлял 3,5 млн руб., то есть по 13 руб. на душу. В Верхотурском уезде наряду с водкой наблюдалось «чрезмерное потребление пива». Современник сетовал:

Народное пьянство дает крупнейший доход казне, но допустимо ли основывать государственный бюджет на народном бедствии?⁹

Вопрос о борьбе с народным пьянством был включен в повестку дня на съезде крестьянских гласных и кандидатов в гласные от волостей Верхотурского уезда, состоявшемся 29 декабря 1906 г. В поисках путей к ослаблению пьянства предлагался вариант повышения цены на вино, при этом «излишняя доходность» от его продажи должна была пойти на нужды просвещения. Современники полагали, что только путем просвещения возможна серьезная борьба с народным пьянством¹⁰.

Однако со временем ситуация с народным пьянством в регионе только ухудшалась. На Всероссийской выставке гигиены в Санкт-Петербурге летом 1913 г. были представлены экспонаты и сведения по российским губерниям. Что касается Пермской губернии, то значительный интерес представляли данные о потреблении казенного вина в губернии за 1895–1910 гг. Оказалось, что за 16 лет расход по данной статье увеличился почти вдвое, достиг в 1910 г. почти 20 млн руб. Показательно, что бюджет пермских земств составил лишь 9 181 598 руб. Расходы на водку в расчете на жителя увеличились за 16 лет в 1,7 раза, достигая в 1910 г. 5 руб. 35 коп., тогда как земские расходы на одного жителя равнялись 2 руб. 46 коп. Душевое потребление алкоголя в Пермской губернии росло быстрее, чем в других регионах России. Первоначально Пермская губерния отставала от средних российских показателей по потреблению спиртного, картина изменилась за одно десятилетие. «Грустное

⁸ Мигранова Э.В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 493–507. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-493-507>

⁹ О борьбе с народным пьянством // Пермская земская неделя. № 1. 1908. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 6–10.

первенство!»), – сетовала церковная общественность, призывая пастырей на борьбу с «зеленым змием» и «пьянственным прогрессом» посредством открытия обществ трезвости¹¹.

От пьянства сильно страдало заводское население Урала. Периодика начала XX в. пестрела статьями о падении народной нравственности под воздействием процесса алкоголизации. Так, о жителях завода Сылва (Красноуфимского уезда) сообщалось: «В нравственном отношении народ наш заметно падает. Воровство, пьянство развиваются. Винная лавочка выручает 30–35 тыс. руб. в год, а ныне, благодаря постройке железной дороги, и больше 70 тыс. руб.»¹². Автор газетной заметки писал, что Сылвенский завод с шеститысячным населением имел три училища: двухклассное, одноклассное (смешанное) и женское, все они всегда были переполнены учащимися. После окончания курсов в училищах, по его словам, «дети не знали, чем занять свободное от работы время», была «еще потребность в книге, да где книгу-то взять». Сторонник просвещения заключал: «Почему же попечителям о народе не позаботиться бы об устройстве в Сылве библиотеки-читальни. Насколько известно, губернское попечительство о народной трезвости идет навстречу таким начинаниям, снабжая открываемые библиотеки-читальни книгами, платя вознаграждение библиотечарю»¹³. Итак, уральские источники свидетельствуют о востребованности культурно-просветительских учреждений и мер, предлагавшихся попечительствами о народной трезвости на Урале.

Представители уральской общественности были активными сторонниками трезвенного движения, участниками Всероссийских съездов практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в начале XX в. Один из них рапортовал о противоречивых оценках современников по поводу деятельности попечительств о народной трезвости в российских регионах, уклоняясь от высказывания собственного мнения по этому вопросу¹⁴. Другой общественный деятель озвучил резко негативную оценку, указывая, что мысль о необходимости государственного участия в борьбе с народным пьянством была лозунгом строителей государственной винной монополии, «которую теперь общее мнение считает чуть ли не главной причиной, почему у нас народное пьянство усиливается». Не помогли, по его убеждению, и попечительства о народной трезвости¹⁵.

Законодательная основа и практическая деятельность попечительств о народной трезвости на Урале

Говоря о законодательной базе деятельности попечительств о народной трезвости, необходимо подчеркнуть, что эти государственно-общественные институты руководствовались соответствующим уставом (20 декабря 1894 г.)¹⁶. Попечительства должны были осуществлять контроль за торговлей крепкими напитками, заботиться о культурном досуге населения путем открытия чайных, народных читален и другими способами, пропагандировать идеи трезвости, а также поддерживать функционирование лечебных приютов для страдающих запоем¹⁷.

¹¹ К вопросу о борьбе с пьянством // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. 2 сентября. № 38. С. 891–892.

¹² Д. Завод Сылва, Красноуфимского уезда. (О библиотеке-читальне) // Пермская земская неделя. 1908. № 2. С. 35.

¹³ Там же.

¹⁴ Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. 10 февраля. № 6. С. 159.

¹⁵ Там же. 12 мая. № 19. С. 561.

¹⁶ Устав попечительств о народной трезвости (высочайше утвержден 20 декабря 1894 г.) // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 год (високосный). Пермь, 1895. С. 51–54.

¹⁷ Там же. С. 51.

Попечительства о народной трезвости на Урале представляли собой довольно серьезную общественную силу. Так, состав 13 комитетов попечительства Пермской губернии в 1902 г. достигал следующих количественных показателей: обязательных членов насчитывалось 349, членов-соревнователей 1400 (в том числе 128 женщин). Численность участковых попечителей достигала 230 чел. К 1909 г. количество членов комитетов сократилось вдвое¹⁸.

История Пермского попечительства о народной трезвости свидетельствует об отрицательной динамике деятельности попечительств по ряду показателей, что в значительной степени было связано с финансовой политикой (уменьшением его финансирования примерно в три раза после 1907 г.). Неудивительно, что за этим последовало резкое сокращение расходов почти по всем направлениям деятельности попечительства. Сократился и его состав (уменьшилось число членов-соревнователей, привлекаемых к работе на добровольных началах). Аналогичным образом обстояло дело и в Уфимской губернии, где число членов-соревнователей Попечительства о народной трезвости к 1906 г. сократилось вдвое (сказались также общественно-политические факторы, связанные с влиянием Первой русской революции и последствиями внешней политики российского правительства).

Бюджет уральских попечительств о народной трезвости по причине убыточности их предприятий формировался исключительно из казенных источников. Так, Пермское попечительство ежегодно до 1907 г. получало до 70 тыс. руб. В последующие три года на нужды попечительства выдавалось в среднем 22 тыс. руб. За 15 лет расходы составили 838 521 руб., свыше половины (454 633 руб.) тратилось на содержание чайных. Другая часть средств ушла на театральные представления (68 341 руб.), народные чтения (55 755 руб.), читальни, библиотеки и книжные склады (206 630 руб.), на покупку земель и домов (21 341 руб.). Выдавались пособия учреждениям и лицам, занимавшимся борьбой с пьянством (за 15 лет на них было потрачено 31 397 руб.)¹⁹.

С первых лет культурно-просветительской деятельности попечительства «солидное развитие» получили в Пермской губернии чайные и чайно-столовые: в 1895–1896 гг. их насчитывалось до 60, в 1897–1901 гг. – свыше 100, в последующие три года – 94 (при 596 тыс. посетителей). В дальнейшем количество этих учреждений резко сократилось: в 1909 г. – всего 6 чайных при 15 тыс. посетителей²⁰.

Из отчета о деятельности Пермского попечительства за 1903 г. следует, что чайных в отчетном году было 96, из них при 27 были устроены дешевые столовые. Для понимания уральской повседневности научный интерес представляет описание чайных:

Чайные находятся в приличных помещениях и содержатся с должной опрятностью. Почти во всех чайных вывешены портреты благополучно царствующего государя императора Николая II и государыни императрицы Александры Федоровны, а также портреты других государей Дома Романовых, изображения св. Серафима Саровского, картины из истории России, портреты Иоанна Кронштадтского, выдающихся писателей²¹.

Чайные были обеспечены местными и столичными периодическими изданиями, допущенными для народа, а некоторые и музыкальными инструментами («фисгармонией», «граммофоном», «феникс-органом» и другими). В некоторых чайных можно было поиграть в шахматы, шашки, лото и даже бильярд. За игру в шашки,

¹⁸ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909). СПб., 1910. С. 83–85.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Пермь, 1904. С. 39.

шахматы и лото плата не взималась, а за игру на биллиарде надо было заплатить от 5 коп. за партию (при этом велось наблюдение, чтобы игра в чайных «не имела денежного интереса») ²². Доступ в чайные пьяным был «воспрещен». Посещались чайные почти исключительно «простым народом». Чайные пользовались особым спросом зимой, а также в воскресные, праздничные и базарные дни. Летом чайные посещались реже, так как крестьяне в это время занимались преимущественно полевыми работами.

Выручка чайных в большинстве случаев едва покрывала половину расходов на их содержание. Требовались немалые затраты из казны на их содержание, не всегда находились необходимые средства. Так, Осинским уездным комитетом в 1903 г. из 5 чайных было закрыто 4 «за недостатком средств на содержание их». Единственная чайная, оставленная этим комитетом, находилась на берегу реки Камы, вблизи пристаней г. Осы и имела исключительное значение: в весеннее и осеннее время, когда на пароходных пристанях, удаленных от города, бывало большое стечение рабочего люда для погрузки и выгрузки товаров, «рабочие находили в чайной единственное место поесть, напиться чаю и отдохнуть в тепле». Чайная располагалась в предоставленном ей бесплатном здании. Чердынским уездным комитетом в том же году была закрыта чайная в с. Искор и открыта в с. Ныроб. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что в Ныроб стекалось значительное количество богомольцев. Большинство чайных арендовали здания. Впрочем, были примеры бесплатного предоставления им помещений: в с. Рождественском Соликамского уезда в доме княгини Абамелек-Лазаревой и в городе Далматове в городском здании.

Посетителям чайных отпускались к чаю по себестоимости хлеб и крендели. Для удовлетворения потребностей населения в 18 чайных продавался на вынос чай и сахар, в 14 табак и табачные изделия, курительная бумага и спички, письменные принадлежности, марки. Кроме этого, в некоторых чайных продавались конфеты, орехи, варенье, пряники, лимоны и другие продукты ²³.

В целях нравственного воспитания и предотвращения народа от «неумеренного употребления крепких напитков» в Пермской губернии организовывались народные чтения, создавались библиотеки, книжные склады, воскресные школы и вечерние классы. Народные чтения стали проводиться на третий год после организации попечительства о народной трезвости в Пермской губернии. В 1899 г. состоялось 537 чтений в 172 пунктах. В начале XX в. в губернии примерно 1500 чтений проводились в среднем в 220 пунктах (при числе посетителей свыше 200 тыс.). С 1907 г. это направление в деятельности попечительских комитетов резко сократилось, в 1909 г. – до 82 чтений в 30 населенных пунктах (при численности посетителей не более 60 тыс.) ²⁴.

Деятельность комитетов по устройству народных развлечений, имеющих «целью косвенное воздействие на население по отвлечению его от злоупотребления крепкими напитками», была широкой. Так, в 1903 г. было 203 театральные представления при 114 тыс. посетителей. Данное направление было успешным на протяжении трех лет, затем пришло в упадок. Хоры и оркестры до 1906 г. привлекали пермяков, достигая 405 ежегодно ²⁵.

Важно подчеркнуть факты привлечения активных и творческих общественных деятелей к работе в уральских попечительствах о народной трезвости, что непо-

²² Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Пермь, 1904. С. 39.

²³ Там же. С. 40.

²⁴ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909). СПб., 1910. С. 83–85.

²⁵ Там же.

средственно сказывалось на эффективности их деятельности. Примером может служить личность известного музыкального деятеля, хорового дирижера, педагога и певца А.Д. Городцова. Один из его биографов, ссылаясь на критику современниками чиновничье-бюрократического характера Попечительства о народной трезвости, утверждает, что именно Городцов в качестве сотрудника попечительства был инициатором создания народных хоров²⁶. Инициировал Городцов и курсы певческой грамоты в губернии. Подчеркивая обаяние его личности, слушатели курсов единодушно отмечали, что очень многое давали им беседы с ним²⁷. Триумфом в деятельности Городцова стал 1913 г., когда уральская провинция массово и усиленно осваивала музыкальную классику – «Жизнь за Царя» (в адаптированном варианте)²⁸.

О результатах деятельности А.Д. Городцова и его сподвижников по сохранению и развитию русского народного искусства, его достижениях в деле повышения народной музыкальной грамотности знали не только на Урале и в России. В 1909 г. Городцов откликнулся на предложение об участии во Всемирной выставке в Париже и представил на выставку каталог нотной библиотеки с кратким отчетом о работе певческих курсов и классов в Пермской губернии. В составе музыкально-педагогической библиотеки Пермского попечительства о народной трезвости к 31 декабря 1908 г. насчитывалось 53 тыс. 241 экземпляр нотных произведений, при попечительстве имелся богатый склад музыкальных инструментов (скрипок и клавишных)²⁹.

Ежегодно в Пермской губернии под руководством попечительства о народной трезвости проводилось от 68 (в первый год) до 15 (в среднем) народных гуляний, затем их численность сократилась до одного, а в дальнейшем и это направление считалось «делом поконченным». Количество танцевальных вечеров исчислялись сотнями, достигнув в 1902 г. 415, в 1903 г. сократилось до 104, а к 1909 г. танцевальные вечера стали единичными явлениями. Интерес к концертной деятельности был таким же непостоянным. Так, в 1901 г. концертов было 1010, в последующем – 640, потом «пошли на резкое уменьшение», в 1906 г. их было лишь два и один за три последующих года³⁰.

Помимо заботы о культурном досуге населения Пермское попечительство о народной трезвости занималось благотворительностью. В 1902–1906 г. Пермское попечительство наладило работу двух (некоторое время трех) ночлежных приютов. Попечительство заботилось о предоставлении юридической помощи нуждающимся в ней. Правда, юридическое бюро для бедняков появилось в губернии только в 1909 г. К слову сказать, с 1904 г. при Оренбургском попечительстве действовало два юридических бюро «для бедного люда»³¹. Л.В. Петрич указывает, что в 1908 г. все уездные комитеты (за исключением Троицкого) имели собственные народные дома³².

Пермское попечительство только с 1898 г. приступило к строительству народных домов в губернии: около Екатеринбурга в Верх-Исетском заводе (деревянный, открыт в конце 1900 г., зрительный зал был спланирован на 800 человек, постройка потребовала 27 тыс. руб.), второй в Уфалейском заводе Екатеринбургского уезда (тоже деревянный, строительство обошлось в 3000 руб., начал действовать

²⁶ *Ефремов И.В.* Подвижник народной культуры А.Д. Городцов. Пермь, 1983. С. 23–24.

²⁷ Там же. С. 39.

²⁸ Отчет руководителя народных хоров Пермского Попечительства о народной трезвости за 1913 год. Пермь, 1915. С. 21–22.

²⁹ *Ефремов И.В.* Подвижник народной культуры А.Д. Городцов. Пермь, 1983. С. 71–83.

³⁰ *Булгаковский Д.Г.* Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909). СПб., 1910. С. 83–85.

³¹ Там же. С. 27–28, 76–77, 83–85.

³² *Петрич Л.В.* Деятельность попечительства о народной трезвости Оренбургской губернии как важный элемент организации досуга населения конца XIX – начале XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 1. С. 26.

в 1900 г.). В начале XX в. строился каменный народный дом в Мотовилихе со зрительным залом на 800 чел. (на его постройку было выделено 40 тыс. руб.). Земский статистик П.А. Голубев указывал на тот факт, что главное внимание Пермского попечительства о народной трезвости было направлено на устройство чайных и певческих хоров. Современник писал:

Трудно сказать, что представляют из себя эти народные хоры, но во всяком случае заменить народные чтения, библиотеки и народные спектакли они не могут. Между тем, чайные и народные хоры до последнего времени отнимали у попечительства главную часть отпускаемых из казны средств³³.

Голубев указывал на значительность средств, предоставляемых казной попечительству (от 64 тыс. до 69,5 тыс. руб.). Между тем на библиотеки-читальни, книжные склады и народные чтения затрачивалось менее, чем на одно пение. Для современника было «очевидно», что «пермское попечительство весьма мало придавало значения театру, народной аудитории и библиотеке»³⁴. Известный общественный деятель смело критиковал попечительство за односторонность политики и ее малоэффективность:

...чайные предполагают отвлечь пьяниц от вина, а устройство хоров удовлетворить религиозно-эстетическую потребность народа. Конечно, ни то, ни другое не достигается: хор, как мы сказали уже не заменит ни спектакля, ни аудитории, ни библиотеки, а пьяницы, привыкшие проводить время вне дома, не посещают чайных и эти последние стоят пустыми, ибо остальной люд при обычных условиях не привык проводить время вне дома; если же он имеет возможность пить чай, то делает это дома или у соседей³⁵.

Критикуя политику Пермского попечительства о народной трезвости, П.А. Голубев указал, как на субъективные причины, обусловленные административным составом и соответствующими взглядами на приоритетные направления попечительской работы, так и на объективную причину – повышение потребления вина с введением казенной винной монополии в регионе. Борьба с этим явлением путем устройства чайных, по его убеждению, не давала должных результатов. Поддерживая идею открытия народного дома (Пушкинского народного дворца) в Перми, Голубев был убежден, что нужна более широкая культурно-просветительская работа на этом поприще, требующая привлечения больших общественных сил (прежде всего, интеллигенции)³⁶.

Численность чайных и чайно-столовых, созданных Попечительством о народной трезвости в Оренбургской губернии, колебалась: в 1895 г. их насчитывалось 20, примерно столько же их было на протяжении пятнадцати лет работы попечительства. Исключением явился 1906 г., число чайных снизилось до девяти, а потом еще упало до пяти. С 1902 по 1906 гг. при Попечительстве действовал постоянный двор.

Оренбуржцы любили театральные представления, чему в немалой степени способствовало попечительство. В 1895 г. их было 4, в следующем 18, а в 1906 г. – 99 (с пятью тысячами зрителей). Организация хоров и оркестров, концертов и танцевальных вечеринок, народных чтений также являлись типичными формами работы данного попечительства. Например, в 1906 г. состоялось 1108 народных чтений в 82 пунктах губернии (с 140 тыс. посетителей). Успешной была деятельность попечительства по организации библиотек – с 9 до 146 в 1907 г.³⁷

³³ Голубев П.А. К вопросу о постройке народного дворца в Перми. М., 1901. С. 2–6.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909). СПб., 1910. С. 76–77.

Для сопоставления приведем статистику, представленную в статье Г.Р. Рамазановой о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости. К 1900 г., по ее данным, в Уфимской губернии было создано 62 чайных, было проведено 914 народных чтений в 63 пунктах³⁸. Со временем географический охват населения Уфимской губернии в деле организации народных чтений расширился. Если в 1895 г. в Уфимской губернии народные чтения проводились в двух пунктах, то в 1906 г. – в 170. Данное направление являлось ключевым в работе Попечительства о народной трезвости в Уфимской губернии. За пятнадцать лет попечительство провело 14400 чтений. Пиком активности попечительства в данном деле был 1904 г., когда на 1977 чтениях присутствовало 268 тыс. посетителей. С уменьшением финансирования Уфимского попечительства о народной трезвости наряду с другими уральскими попечительствами привело к резко «ослаблению» его деятельности.

В Уфимской губернии в 1904 г. функционировали четыре воскресные школы, а в 1910 г. только одна; вечерних классов – от одного до четырех. В этих учебных заведениях училось 1040 мужчин и женщин³⁹.

С 1897 по 1909 гг. было дано 730 театральных представлений. За 13 лет было организовано 492 народных гуляния, 127 танцевальных вечеров и дан 91 концерт. Численность чайно-столовых с 16 в первые два года деятельности попечительства (1895–1896 гг.) увеличилось до 67 в 1897 г., к 1906 г. сократилась до 26 (в дальнейшем они остались преимущественно в городах). В 1902–1909 гг. их посетило 2 млн 300 тыс. посетителей.

Элементы благотворительности были присущи и Уфимскому попечительству о народной трезвости. Так, попечительством с 1902 г. содержался ночлежный приют. В начале XX в. при нем действовало от трех до семи постоянных дворов⁴⁰.

С 1901 г. действовало Вятское попечительство о народной трезвости, которое заботилось прежде всего об устройстве чайных и столовых, «где народ мог бы получать пищу и питье, удовлетворять потребности общения, обогреться, отдохнуть и вообще с пользой для себя провести время»; о создании библиотек, читален, народных чтений, книжных лавок и проведении народных развлечений путем «удовлетворения его эстетических потребностей»⁴¹.

К 1 января 1904 г. (за два с половиной года деятельности) попечительством было создано 21 чайная-столовая, 70 стационарных чайных и 1 подвижная (всего 92). Пять чайных находились в собственных домах, а восемьдесят одна чайная арендовала помещения, кроме того, пяти чайным удалось найти бесплатные квартиры⁴².

Попечительство возлагало особые надежды на чайные как «крупнейшие учреждения попечительства», при которых функционировали библиотеки, читальни, книжные лавки, устраивались народные чтения⁴³. Исследователь А.А. Марков замечает, что по роду своей деятельности чайные-читальни приближались к народным домам⁴⁴. Вятчане посещали их весьма охотно. Количество чайных в 1904 г. достигло своего пика – 92 (1701000 посещений). При некоторых из них были ночлежные до-

³⁸ Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 41.

³⁹ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств... С. 128.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 83.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 91.

⁴⁴ Марков А.А. Чайные-читальни Вятского попечительства о народной трезвости // Герценка: Вятские записки. Вып. 2. Киров, 2001. С. 18–22.

ма и постоянные дворы. В 1904 г. насчитывалось 10 ночлежных домов и один постоянный⁴⁵.

Современники подчеркивали размах деятельности попечительства по проведению народных чтений. Так, в 1905 г. в 252 пунктах было проведено 2251 чтение. За время существования попечительства статистика была впечатляющей: 10 тыс. чтений с посещением их 1 352 000 слушателей⁴⁶.

В четырех воскресных школах и таком же количестве вечерних классов, действовавших под контролем попечительства, в 1906 г. в Вятской губернии училось до 1900 человек. При попечительстве успешно действовали книжные склады, продавались книги: и в 1905 г. с 47 складов продали 1957 экземпляров; за весь период их работы было продано свыше 9 тыс.

Программа развлечений для народа в Вятской губернии являлась достаточно широкой. В начале XX в. театральных представлений было дано 258 (число посетителей доходило до 48 тыс.). В 1904 г. состоялось 68 представлений (14 тыс. присутствующих). Танцевальные вечера и елки прошли в количестве 105, состоялось 25 народных гуляний, было организовано 60 концертов. Хоры в Вятском крае не получили такого распространения, как в соседней Пермской губернии, в 1903 г. функционировал 21 хор⁴⁷.

Медико-социальная функция попечительств о народной трезвости на Урале была весьма скромной. Непосредственную заботу о страдающих алкоголизмом проявляло, например, попечительство о народной трезвости в Оренбургской губернии. С 1897 г. 3 чел. получали врачебную помощь, в последующие два года – 5 чел., в 1903 г. – 1 чел., в 1904 г. – 4 чел., а в 1905 г. – уже 12 чел.⁴⁸

Что касается контроля уральских попечительств о народной трезвости над торговлей спиртными напитками, то данное направление в их работе было весьма скромным. Справедливости ради следует привести некоторые факты работы в этом русле. Так, в 1903 г. в Пермской губернии были возбуждены ходатайства перед управляющим акцизными сборами о закрытии казенных винных лавок в селах Кабанском, Тазовском, Волковском, Шитинском и Осиновском и деревнях Кургановой и Полушкиной, а также пивных лавок в селе Шутинском и деревне Путиловой. Винные и пивные лавки, за исключением винной лавки в селе Осиновском, были закрыты⁴⁹.

Важным критерием оценки востребованности культурно-просветительских институтов попечительств о народной трезвости на Урале и деятельности попечительств в целом является отношение к ним самого населения. Уездные комитеты Вятского попечительства о народной трезвости в 1903 г. рапортовали, что городское и сельское население губернии относилось к попечительству «весьма сочувственно», «прекрасно», «доверчиво», «охотно посещало его учреждения», «ценило их несомненную для себя пользу», «среди городского и сельского населения попечительство имело убежденных и преданных делу сотрудников, охотно отдававших попечительству часть своего досуга». Председатель губернского комитета Вятского попечительства о народной трезвости, которым являлся губернатор, приводил при-

⁴⁵ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств... С. 27–28.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 76–77.

⁴⁹ Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Пермь, 1904. С.11.

мер и материального содействия попечительству: почетный гражданин В.Ф. Булыгин в 1902 г. пожертвовал Яранскому комитету дом бывшего трактира. Отремонтированное помещение было использовано для чайной попечительства в селе Корляках. Интеллигенция Омутнинского завода пожертвовала двадцать семь предметов для формирования музея и «физического кабинета» при народном доме Омутнинского завода. Наконец, деятельностью попечительства «живо интересовалось» и «сотрудничало ему сугубо» духовенство, будучи часто в составе попечительства, а также откликаясь на его начинания «как пастырь церкви», устраивая народные чтения, собеседования и заведя учреждениями попечительства.

Если же проанализировать отзывы уездных комитетов по поводу состояния народной трезвости на Урале, то можно видеть, что желаемого переворота в умах людей не произошло. Так, Стерлитамакский комитет Уфимского попечительства о народной трезвости свидетельствовал: «Улучшение в народе на пути к трезвости незаметно. А также незаметно, что в народе прививаются здоровые понятия о вреде неумеренного употребления крепких напитков. Деятельность попечительства до сих пор не имела благотворных результатов, в смысле отрезвления народа, и вся свелась она в настоящее время исключительно лишь к народным чтениям и библиотекам-читальням, но и те, можно сказать, почти бездействуют». Осинский уездный комитет Попечительства о народной трезвости в Пермской губернии сожалел о невозможности справиться с «Зеленым Змием»⁵⁰.

В Челябинском уезде Оренбургской губернии также не удалось преодолеть этот порок. В отчетах сотрудников попечительства отмечалось:

Крутого поворота в населении на путь трезвости незаметно <...> Как члены комитета, так и общество в целом ожидали быстрых и верных благоприятных результатов в деле отрезвления народа. На самом же деле надежды эти, естественно, не оправдались, и комитет и общество не видят конца в борьбе с упорным врагом – народным пьянством⁵¹.

Материальной причиной являлась «капитальная ошибка», связанная с несообразными для бюджета попечительства расходами на постройку в Челябинске здания народного дома. В поиске средств на погашение долгов комитет тратил много сил, на борьбу собственно с пьянством уделялись «крохи». При этом «отношения городского и сельского населения и общественных учреждений к попечительству» были «сочувственные»⁵². По отзывам очевидцев, население охотно посещало культурно-просветительские учреждения попечительства. Частные лица в городе и уезде охотно помогали комитету в его предприятиях и поступали членами-соревнователями.

В Пермской губернии не смогли точно ответить на вопрос, насколько заметно улучшение в народе в плане приобщения к трезвости, считая этот вопрос весьма сложным. Подчеркивалось многообразие причин народного пьянства (культурных и экономических). Участковые попечители и члены-соревнователи сообщали о заметном уменьшении пьянства в народе. Сказывался результат проведения народных чтений и деятельности библиотек, которые охотно посещались пермяками. Вместе с тем были в работе и материальные трудности, которые осложняли работу пермского попечительства. Некоторые инициативы не удавалось реализовать по причине ограниченности материальных средств, отмечалась, например, недостаточность книг в библиотеках⁵³.

⁵⁰ Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств... С. 207.

⁵¹ Там же. С. 222–223.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 227–228.

Выводы

Вклад попечительств о народной трезвости в развитие культурного досуга уральского социума в рассматриваемый период представляется весомым. Значительной выглядит численность культурно-просветительских учреждений на Урале, созданных по инициативе попечительств о народной трезвости. Несмотря на ограниченность материальных средств (выдаваемых из казны) и возрастающие потребности населения в культурном плане, эти институты внесли заметный вклад в организацию «разумного» досуга уральцев. Социальная опора попечительств о народной трезвости на Урале (состоявшая из общественных деятелей, трудившихся членами-соревнователями на добровольных началах, представителей администрации, судебных и земских органов, государственных учебных заведений) являлась одной из предпосылок усиления трезвенного движения в регионе в конце XIX – начале XX столетия. Наконец, важно подчеркнуть значение личностного фактора в работе попечительств о народной трезвости. Под влиянием общественной инициативы и самоотверженного труда многих членов российского дореволюционного общества пьянство и невежество ослабевали или отступали.

Вместе с тем проведенное исследование показало, что, несмотря на размах работы попечительств о народной трезвости в конце XIX – начале XX в., проблема народного пьянства в России так и не была решена. Девиантное поведение, в частности, было весьма распространено в заводской среде уральских губерний.

Особенность состава попечительств о народной трезвости (с преобладанием административного в противовес общественному элементу), наряду с такими факторами, как казенная винная монополия и недостаточное финансирование попечительств, существенно снижали эффективность деятельности рассматриваемых институтов в различных губерниях Российской империи. При этом сказывалась региональная специфика и влияние субъективного фактора в деле руководства попечительствами.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 13.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2023

References

- Bulgakovskii, D.G. *Ocherk deiatel'nosti popechitel'stv o narodnoi trezvosti za vse vremia ikh sushhestvovaniia (1895–1909)* [Essay on the activities of the guardianships of people's sobriety for the entire time of their existence (1895–1909)]. St. Petersburg: Otechestvennaia tipographiia Publ., 1910 (in Russian).
- Bykova, A.G. “Alcohol issue in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries,” PhD thesis, Omsk State Pedagogical University, 2012 (in Russian).
- Vlasova, A.V. “Social activity of the Russian Orthodox Church in the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries,” PhD thesis, Udmurt State University, 2011 (in Russian).
- Vlasova, A.V. “Activities of the Ural dioceses and parishes of the Russian Orthodox Church to counteract alcohol abuse in the pre-revolutionary period.” *Bulletin of the Chelyabinsk State University* 176, no. 38 (2009): 110–113 (in Russian).
- Golubev, P.A. *K voprosu o postroike narodnogo dvortsa v Permi* [On the issue of building a people's palace in Perm]. Moscow: [N.s.], 1901 (in Russian).
- Efremov, I.V. *Podvizhnik narodnoi kul'tury A.D. Gorodkov* [The devotee of folk culture A.D. Gorodkov]. Perm': Kn. izd-vo Publ., 1983 (in Russian).
- Kuzmina, A.V. “Organizational and legal foundations of the activities of guardians of people's sobriety in the Russian Empire: on the example of the Kuban region and the Black Sea province,” PhD thesis, Belgorod State National Research University, 2021 (in Russian).
- Markov, A.A. “Chainye-chital'ni Viatskogo popechitel'stva o narodnoi trezvosti [Tea-reading rooms of the Vyatka guardianship of people's sobriety].” *Gertsenka: Viatskie zapiski*, no. 2 (2001): 18–22 (in Russian).

- Migranov, E.V. “Alcohol abuse and the fight against it in Ufa Province in the late 19th and early 20th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (2021): 493–507 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-493-507>
- Petrich, L.V. “The activity of guardianship of the people's sobriety of the Orenburg province as an important element in the organization of leisure of the population of the late 19th – early 20th centuries.” *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 1, no. 1 (2019): 22–28 (in Russian).
- Puglev, P.P. “Spiritual, educational, cultural and leisure activities of the Guardianship of People's Sobriety in the late 19th – early 20th centuries, and its role in the fight against alcohol abuse.” *Science without borders* 55, no. 3 (2021): 17–24 (in Russian).
- Ramazanov, G.R. “Social deviations in the cities of the Ufa province at the end of the 19th – beginning of the 20th century.” *Bulletin of the Chelyabinsk State University* 21, no. 1 (2011): 39–45 (in Russian).
- Shevchenko, I.A. “Anti-alcohol issue in the State Duma of Russia III convocation.” *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice* 74, no. 12 (2016): 207–2011 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН; 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; Apkarimova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7852-3539>

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16, S. Kovalevskoi St., Yekaterinburg, 620990, Russia; Apkarimova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7852-3539>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-573-586>
EDN: NYJMPJ

Научная статья / Research article

Становление системы санитарно-медицинского обслуживания рабочих Каспийско-Волжских рыбных промыслов во второй половине XIX – начале XX в.

Сергей Вадимович Виноградов  , Юлия Геннадьевна Ещенко 

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

 vinogradov-7@yandex.ru

Аннотация: Исследуется история становления системы санитарного надзора и медицинского обслуживания рабочих Каспийско-Волжских рыбных промыслов. Рассматривается рыбопромысловое законодательство XIX – начала XX в. Констатируется, что, несмотря на наличие утвержденных правил, рабочие промыслов были фактически лишены квалифицированной медицинской помощи, обеспечение которой было отдано в частные руки рыбопромышленников. Авторы приходят к выводу, что надзор за санитарным состоянием промыслов не был эффективным из-за комплекса причин: нерешенности кадровых проблем, большой территориальной протяженности санитарных участков при недостатке транспортных средств для перемещения санитарных врачей, сложностей бюрократического взаимодействия между Управлением рыбных и тюленых промыслов, региональными органами власти и рыбопромышленниками и др. Недостатки санитарно-медицинского обслуживания промыслов, а также специфика географического положения и природно-климатических условий Астраханской губернии способствовали широкому распространению разнообразных эпидемических заболеваний. Отсутствие государственной бесплатной системы здравоохранения и квалифицированных медицинских кадров не позволяло предотвращать возникновение и распространение инфекционных заболеваний, что приводило к высокой смертности среди промысловых рабочих.

Ключевые слова: Каспийский регион, врачебная помощь, история повседневности, уровень жизни, бытовые условия, санитарное благоустройство

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», <https://rscf.ru/project/23-28-00547/>

Для цитирования: Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Становление системы санитарно-медицинского обслуживания рабочих Каспийско-Волжских рыбных промыслов во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 573–586. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-573-586>

Establishment of the System of Sanitary and Medical Services for Workers of the Caspian-Volga Fisheries in the Second Half of the XIX – Early XX Century

Sergey V. Vinogradov  , Yulia G. Eshchenko 

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

 vinogradov-7@yandex.ru

Abstract: The authors examine the history of the establishment of the system of sanitary inspection and medical care for workers of the Caspian-Volga fisheries. There is considered the fishing legislation of the XIX – early XX century. It is stated that, despite the approved rules, fishery workers actu-

© Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ally had no qualified medical care, the provision of which was entrusted to the owners of the fishing business. The authors come to the conclusion that the supervision of the sanitary condition of the fisheries was not effective due to a number of reasons: unresolved personnel problems, the large territorial expanses of sanitary areas with a lack of vehicles for sanitary doctors, the difficulties of bureaucratic interaction between the Department of Fisheries and Seal Fisheries, regional authorities and owners of the fishing business, etc. The shortcomings of the sanitary and medical services for fisheries, as well as the specific geographical location and natural and climatic conditions of the Astrakhan province contributed to the wide spread of various epidemic diseases. Due to the lack of the public free healthcare system and qualified medical personnel, there emerged infectious diseases, which led to high mortality among fishery workers.

Keywords: Caspian region, medical care, history of everyday life, standard of living, living conditions, sanitary improvement

Acknowledgements and Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00547 “Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914.” (using the example of the formation of industrial and fishing clusters in the Volga-Caspian fishing region),” <https://rscf.ru/project/23-28-00547/>

For citation: Vinogradov, S.V., and Eshchenko, Yu.G. “Establishment of the System of Sanitary and Medical Services for Workers of the Caspian-Volga Fisheries in the Second Half of the XIX – Early XX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 573–586 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-573-586>

Введение

Становление системы здравоохранения в Российской империи происходило разными темпами в регионах страны. Сеть медицинских учреждений была распределена неравномерно, поэтому доступность врачебной помощи зависела от географических, демографических и климатических особенностей территорий, уровня материального благополучия населения. Кроме того, существовали специфические категории населения, медицинское обеспечение которых не всегда учитывалось в законодательных документах. К числу таких категорий можно отнести рабочих рыбных промыслов, для которых становление на государственном уровне системы медицинского обеспечения и санитарно-врачебного надзора относилось к более позднему времени, чем оформление медицинского обслуживания губернского и уездного населения. Авторы ставят целью исследовать историю становления системы медицинского обеспечения рабочих во второй половине XIX – начале XX в. в крупнейшем рыбопромысловом районе Российской империи – на Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах.

Исследованию Каспийско-Волжских рыбных промыслов посвящено значительное количество исторических работ. Однако данная ведущая отрасль хозяйства региона традиционно рассматривалась исследователями, в первую очередь, с экономических позиций: рентабельности промыслов, вклада в доходную часть бюджета, объема снабжения населения рыбной продукцией, размера заработков промысловых рабочих и т. п. Отдельные аспекты анализа социального положения ловецкого населения нашли отражение в обобщающих работах, посвященных развитию рыбопромыслового хозяйства на Каспии и Нижней Волге как в исследуемый хронологический период¹, так и в советский². Ряд статей посвящен вопросам становления

¹ *Крайнюченко П.В.* Рыбные промыслы на Юге России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998; *Воронова А.А.* Рыбные промыслы Нижней Волги и Каспия в XIX – начале XX вв. Астрахань, 2005.

² *Ишин В.В.* Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленностью Российской Федерации 1918–1991 гг. М., 2001; *Калгин В.Е.* Развитие рыбной промышленности Нижнего Поволжья в 1918–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2005; *Алексеева А.И.* Политика Советского государства в сфере рыбной промышленности во второй половине XX в. (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2010.

санитарно-медицинского обслуживания рабочих на нефтепромыслах, рыбных и соляных промыслах в пореформенный период³. Предметом исследования становились система медицинского обслуживания в Астраханской губернии⁴ и борьба с возникновением и распространением эпидемических заболеваний среди населения⁵. Тем не менее следует констатировать отсутствие работ, посвященных анализу законодательной базы в сфере медицинского обслуживания рыбопромысловых рабочих во второй половине XIX – начале XX в. и ее эффективности для охраны жизни и здоровья.

Источниковая база исследования представлена, в первую очередь, комплексом законодательных и нормативно-правовых документов. Это императорские именные указы, высочайше утвержденные уставы, положения и правила, регламентировавшие работу Каспийско-Волжских (Каспийских) рыбных и тюленьих промыслов, инструкции и распоряжения по рыболовству Министерства земледелия и государственных имуществ (с 1905 г. – Главного управления землеустройства и земледелия), которые содержали разъяснения и комплекс мер по введению в действие именных указов и законов, перечень изменений и дополнений, вносившихся в действовавшее законодательство о промыслах.

Другой группой источников являются опубликованные делопроизводственные материалы. Значительный интерес здесь представляют ежегодные отчеты и обзоры астраханского Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (далее – Управления), протоколы заседаний Общества астраханских врачей; медико-санитарные отчеты санитарных врачей промыслов. Весьма информативными для исследования стали материалы губернских съездов врачей, выпуски трудов и периодические издания Общества астраханских врачей, труды Астраханской научно-промысловой экспедиции и др., в которых содержатся сведения о реальной ситуации с медицинским обслуживанием на промыслах. Данная группа источников позволяет понять, насколько эффективными являлись центральные законодательные инициативы и какие практические проблемы возникали при их реализации.

Территория и специфика Каспийско-Волжского рыбопромыслового хозяйства

К началу XX в. Каспийско-Волжские рыбные и тюленьи промыслы были расположены на обширном пространстве, площадью около 2,276 тыс. кв. км на территории двух губерний (Астраханской и Саратовской) и трех областей (Уральской, Тер-

³ *Ахмадов Т.З., Егорышева И.В.* Становление медицинской помощи рабочим на Северо-Восточном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 5. С. 56–58; *Воронова А.А.* Санитарно-медицинское обслуживание на Каспийско-Волжских рыбных промыслах в конце XIX – начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 105–108; *Нуртазаева Н.Р.* Бытовые и санитарно-медицинские условия жизни на Астраханских соляных промыслах в конце XIX – начале XX вв. // Инновации и перспективы современной науки. Исторические, социогуманитарные и философские науки. Астрахань, 2018. С. 80–84; *Хайрлапова М.М.* Санитарно-медицинские условия труда на соляных промыслах Астраханской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 220–224. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8811>

⁴ *Чуйков Ю.С., Чуйкова Л.Ю.* О санитарно-гигиеническом состоянии г. Астрахани в XIX в. – по материалам книги Ф.М. Ольдекопа // Астраханский вестник экологического образования. 2018. № 6 (48). С. 89–102; *Бадугинова М.В.* Здравоохранение Калмыцкой степи Астраханской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1-2. С. 23–25.

⁵ *Михель Д.В., Михель И.В., Сироткина И.Е.* Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. №3. С. 113–139; *Ковтох Г.С., Каден А.Г., Комиссарова Е.В., Фалалеев П.И.* Общественные инициативы по созданию санитарно-эпидемиологической службы в Нижнем Поволжье в начале XX в. // Лечебное дело. 2020. № 3. С. 84–90. <https://doi.org/10.24412/2071-5315-2020-12261>

ской и Закаспийской). На этом пространстве, по сведениям за 1911–1912 гг., находилось 416 промыслов (183 речных и 233 морских), а также многочисленные ловецкие станы (места временного проживания ловцов), тони (участки реки, где осуществлялась ловля рыбы неводами, с местами временного пристанища ловцов при них) с населением общей численностью до 65 тыс. чел.⁶ и др. Большая часть рабочего населения была сосредоточена на промыслах в устье Волги, где располагались наиболее крупные промысловые хозяйства. Поэтому территориальные рамки исследования ограничены Астраханской губернией, на пространстве которой были сосредоточены основные центры рыбодобычи.

Все население промыслов делилось на две группы: круглогодичных рабочих, проживавших и работавших на промыслах постоянно, для которых данный вид деятельности был основным видом занятий, и временных (сезонных) рабочих, нанимавшихся на определенный срок, но составлявших большую часть промыслового населения. Количество сезонных рабочих колебалось в зависимости от времени года и достигало максимальных показателей в период с 1 марта по 15 мая (весенняя путина) и с 15 августа по 1 ноября (осенняя путина).

Традиционно, через поток сезонных рабочих, перемещавшихся по территории Астраханской и сопредельных губерний и областей несколько раз в год, происходило распространение по всей территории юга страны и Поволжья различных эпидемических заболеваний, которыми в силу своих географических и климатических особенностей была «богата» приграничная Астраханская губерния, являвшаяся, к тому же, местом пересечения многочисленных торговых путей из стран Востока, Средней Азии, Персии и т. д. Формирование рынка свободной рабочей силы в пореформенный период активизировало трудовую миграцию на рыбные промыслы, вовлекая в нее население центральных и уральских губерний и расширяя тем самым ареал распространения инфекционных заболеваний на всю европейскую часть страны.

Дополнительные сложности создавало наличие в губернии значительной доли кочевого населения Калмыцкой степи и Внутренней (Букеевской) Орды, которое также было активно задействовано на рыбных промыслах. Ввиду особенностей кочевого образа жизни и специфики бытовых условий такие заболевания, как оспа и чума, были эндемичны для данной категории населения.

Формирование нормативно-правовой базы медико-санитарного обслуживания промысловых рабочих

Начало формирования нормативно-правовой базы системы медицинского обслуживания на рыбных промыслах относится к середине XIX – началу XX в. В это время осуществляется выработка и утверждение норм и требований к организации медицинской помощи, созданию благоприятных условий проживания рабочих на промыслах.

Первоначально для промыслов побережья Каспийского моря принимались единичные постановления частного плана, после обращения в Министерство государственных имуществ представителей администраций на местах. Так, в 1844 г. после запроса главноуправляющего Закавказским краем было решено определить постоянного врача к Сальянским рыбным промыслам (в устье реки Куры) с назначением ему содержания из доходов тех промыслов наравне с уездными врачами, то есть в год по 600 руб. серебром жалованья и «квартирных» по 180 руб. серебром⁷.

⁶ Мышкин М.А. Организация медицинской помощи рабочим на рыбных промыслах Волго-Каспийского района // Известия Общества астраханских врачей. 1913. № 4. С. 244.

⁷ Высочайше утвержденное положение Комитета по делам Закавказского края «Об определении врача к Сальянским рыбным промыслам в Каспийской области» от 28 марта 1844 г. // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). СПб., 1845. Т. 19. Отд. 1. № 17778. С. 224.

При сдаче государственных промыслов в аренду расходы на содержание больницы, выплату жалованья врачам и фельдшерам на казенных промыслах, как правило, перекладывались на откупщиков. Так, больница и аптека на Сальянских и Кизил-Агачских рыбных промыслах были отданы в ведение откупщиков данных промыслов в 1851–1855 гг. – личных почетных граждан Мириманова и Аршакуни, которые несли все расходы по содержанию больницы и аптеки, а отпускаемые ранее ежегодно на эти цели из казны 3 тыс. 720 руб. серебром «исключались из подлежащей к оплате откупной суммы»⁸.

25 мая 1865 г. был утвержден Устав Каспийских рыбных и тюленьих промыслов⁹. Устав регламентировал правила лова и проведения работ на промыслах и рыбообрабатывающих предприятиях при них, систему штрафов. Заведывание промыслами было возложено на созданные в Астрахани (взамен астраханской Комиссии рыбных и тюленьих промыслов) Правление, Комитет и полицию рыбных и тюленьих промыслов¹⁰. Однако ни обеспечение медицинского обслуживания рабочих, ни меры по соблюдению санитарных норм на промыслах не нашли отражения в данном документе.

Тем не менее во второй половине XIX в. появляется ряд региональных общественных инициатив, указывавших на необходимость создания полноценной медицинской части на промыслах. Так, на заседании Общества астраханских врачей 14 ноября 1881 г. обсуждалось предложение об обустройстве больниц на рыбных промыслах Астраханского и Красноярского уездов Астраханской губернии. Предполагалось, что это будут больницы двух типов – постоянные и передвижные, отданные в полное распоряжение состоявшего при них врача. Предложение было направлено на рассмотрение в губернскую канцелярию, но осталось лишь проектом¹¹.

К 1880-е гг. на государственном уровне формируется понимание опасности отсутствия надлежащих санитарных условий на рыбных промыслах в связи с угрозой распространения эпидемических заболеваний по стране. Начинается выработка мер по созданию промысловых медицинских подразделений. Во время подготовки к принятию нового устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов была поставлена задача создания в нем особого раздела, посвященного врачебно-санитарной части. Проект разрабатывался специально созданной комиссией при Департаменте земледелия и сельской промышленности. Подготовленный проект был направлен в Астрахань, в Комитет Каспийских рыбных промыслов, для ознакомления и внесения, в случае необходимости, корректив и дополнений. Одновременно с этим в 1887 г. медицинским департаментом Министерства внутренних дел был командирован в Астрахань доктор Стабровский для изучения санитарного состояния Астраханских рыбных промыслов, в 1889 г. с той же целью был командирован врачебный инспектор М.И. Арустамов¹².

Проект медицинской части устава также проходил обсуждение на заседаниях Общества астраханских врачей. Критике было подвергнуто смешение врачебной и санитарной части, в результате чего на одних и тех же врачей были возложены обя-

⁸ Именной указ «Об отдаче в ведение откупщиков Сальянских и Кизил-Агачских рыбных промыслов больницы и аптеки, при тех промыслах устроенных» от 12 июня 1851 г. // ПСЗРИ. Собрание второе... СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 25296. С. 407–408.

⁹ Устав Каспийских рыбных и тюленьих промыслов от 25 мая 1865 г. // ПСЗРИ. Собрание второе... СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42136. С. 540–559.

¹⁰ Там же. С. 544.

¹¹ Деминский И.А. Очерк деятельности Общества астраханских врачей за 40 лет (1869–1909) // Известия Общества астраханских врачей. 1909. № 8. С. 8.

¹² Арустамов М.И. Организация медицинской помощи на рыбных промыслах. Доклад на заседании Общества астраханских врачей 3 декабря 1890 г. // Труды Общества астраханских врачей за 1891–1892 гг. Астрахань, 1895. Вып. 2. С. 23.

занности и амбулаторной помощи больным, и содержания больниц, и надзора за санитарным состоянием на промыслах. По проекту Департамента все промыслы планировалось разделить на три врачебных участка, астраханский Комитет посчитал необходимым увеличить число участков до пяти. Однако учитывая, что промыслы были расположены на огромной территории от г. Камышина до дельты Волги с многочисленными рукавами и притоками, а также в Каспийском море, даже объехать все промыслы в период путины не представлялось возможным ни трем, ни пяти врачам. Тем не менее, даже это решение было шагом вперед по сравнению с существовавшим положением дел. По итогам обсуждений медицинским сообществом была проанализирована информация о наиболее заселенных промыслах, рассчитано среднее количество больных по отношению ко всему населению промыслов и пр. В результате этого были определены географические рамки 5 санитарных участков с врачом на каждом из них под руководством старшего санитарного врача.

В лечебном отношении было решено основываться на существовавших положениях законодательства по отношению к хозяевам фабрик и заводов, на которых была возложена обязанность самостоятельно осуществлять обеспечение своих рабочих медицинской помощью¹³.

По результатам длительных согласований 3 июня 1902 г. были утверждены Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах, их управлении, промысловом надзоре и врачебно-санитарной части указанных промыслов¹⁴. На местах заведывание промыслами осуществляли подотчетные Главному управлению Комитет рыбных и тюленьих промыслов, Управление рыбных и тюленьих промыслов и промысловый надзор. В компетенцию Комитета, в числе прочего, входил надзор за врачебно-санитарной частью промыслов. При рассмотрении вопросов санитарно-гигиенического состояния и медицинского обеспечения в состав Комитета в качестве временных членов могли входить старший врач промыслов, астраханский губернский врачебный инспектор и старший войсковой врач Астраханского казачьего войска¹⁵. На Комитет возлагалась задача подготовки, обсуждения и издания специальных постановлений по мерам защиты жизни и здоровья промысловых рабочих и потребителей рыбных товаров. Проекты постановлений, в зависимости от территориальной принадлежности, согласовывались с губернаторами и начальниками областей и/или наказным атаманом Астраханского казачьего войска и после этого представлялись на утверждение министру земледелия и государственных имуществ.

В обязанности Управления рыбных и тюленьих промыслов в части поддержания санитарно-гигиенического состояния на промыслах входило назначение участковых санитарных врачей и осуществление мер по предотвращению гибели на водах ловцов во время работы¹⁶.

Таким образом, на врачебно-санитарную часть на промыслах, находившуюся в ведении Комитета и Управления рыбных и тюленьих промыслов, было возложено решение задач санитарного контроля за состоянием промыслов, приготовлением и продажей рыбной продукции. Общее наблюдение возлагалось на старшего санитарного врача промыслов, назначавшегося министром земледелия и государственных имуществ по согласованию с министром внутренних дел (так как медицинский департамент входил в состав Министерства внутренних дел). Санитарные осмотры

¹³ Арустамов М.И. Организация медицинской помощи на рыбных промыслах. Доклад на заседании Общества астраханских врачей 3 декабря 1890 г. // Труды Общества астраханских врачей за 1891–1892 гг. Астрахань, 1895. Вып. 2. С. 25.

¹⁴ Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах от 3 июня 1902 г. // ПСЗРИ. Собрание третье (1881–1913). СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1. № 21569. С. 502–519.

¹⁵ Там же. С. 507.

¹⁶ Там же. С. 507–509.

промыслов, находившихся на подведомственной им территории, и подготовку докладов старшему врачу промыслов в случае обнаружения недостатков, осуществляли также губернские врачебные инспекторы Астраханской и Саратовской губерний, областной врач Терской области, областной врачебный инспектор Уральской области, военно-медицинский инспектор Закаспийской области и старший войсковой врач Астраханского казачьего войска.

Все промыслы в санитарном отношении были поделены на участки, заведывание которыми возлагалось на участковых врачей. Участковые санитарные врачи, как указывалось выше, назначались Управлением рыбных и тюленьих промыслов по согласованию со старшим врачом промыслов и соответствующими губернскими, областными, войсковыми врачебными инспекторами и врачами¹⁷. В обязанности участковых санитарных врачей входили: осмотр жилья рабочих, хлебопекарни и кашеварни на промыслах, бани, запасов продовольственных товаров; проверка качества питания рабочих, рыбной продукции и мест ее изготовления и хранения; изучение организации медицинской помощи рабочим, соответствия больниц и амбулаторий требованиям санитарных правил, наличия в достаточном количестве и надлежащем качестве лекарственных и дезинфекционных средств, больничного инвентаря и др.¹⁸ Как видно, непосредственное оказание медицинской помощи населению в обязанности санитарных врачей не входило.

В каждом промысле, где находилась больница, полагалось иметь и заразное отделение – в виде отдельно стоящего помещения или здания с числом кроватей не менее половины числа коек промысловой больницы. Все больницы на промыслах должны были возглавляться врачами и иметь в штате как минимум одного фельдшера. Неотложная первая медицинская помощь рабочим на промыслах оказывалась за счет владельца промыслов, при несчастных случаях за счет рыбопромышленника также осуществлялось амбулаторное и стационарное лечение¹⁹. При отсутствии больницы на промыслах оборудовались амбулатории, которые представляли собой помещения из двух комнат: одна для осмотра больных с кроватью, другая – для хранения лекарств, перевязочных и дезинфицирующих средств²⁰. При амбулатории постоянно проживал фельдшер. В обязанности промыслового фельдшера входил ежедневный обход жилых помещений рабочих (казарм) с обязательным посещением лиц, не вышедших на работу по состоянию здоровья, оказание первой медицинской помощи, уход за коечными больными (в случае наличия больницы при промысле), оспопрививание, наблюдение на порядком в больнице/амбулатории, кухне, отхожих местах при больнице и казармах, дезинфекция жилья и одежды больных инфекционными заболеваниями, ведение медицинской отчетности по книгам и ведомостям, устанавливаемым врачебно-санитарным надзором.

Промысловые врачи обеспечивали не только медицинскую помощь нуждавшимся, но и осуществляли наблюдение за санитарным состоянием промысла, давали распоряжения фельдшерам относительно лечения больных, представляли в Управление промыслами отчеты о своей деятельности за время каждой путины²¹.

¹⁷ Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах... С. 515.

¹⁸ Медико-санитарный отчет по Волго-Каспийским рыбным промыслам за 1914 г. Астрахань, 1915. С. 5.

¹⁹ Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах... С. 515.

²⁰ Обязательные постановления по санитарному благоустройству Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, расположенных в пределах Астраханской, Саратовской и Самарской губерний и Терской, Закаспийской и Уральской областей, за исключением территории Уральского казачьего войска, и охранению здоровья рабочих на сих промыслах // Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. 2-е изд. Астрахань, 1913. С. 111.

²¹ Там же. С. 112.

В 1904 г. были приняты постановления по санитарному благоустройству Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Изданные первоначально только для промыслов, расположенных на территории Астраханской губернии (27 июля 1904 г.), позже, к 1905 г., после согласования с военным министром и министром внутренних дел, действие постановлений было распространено и на другие территории: Саратовскую губернию, Терскую, Закаспийскую и Уральскую области. По многим пунктам постановления повторяли либо конкретизировали статьи, содержащиеся в специальной главе Правил о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах 1902 г., посвященной обустройству лечебно-санитарной части на промыслах, требованиям к жилью и вспомогательным помещениям, организации быта рабочих на промыслах.

По постановлениям вводился обязательный учет как годовых, так и срочных промысловых рабочих. Хозяин, заведующий или смотритель промысла должен был вести книгу о движении промыслового населения, в которую ежедневно вносилось общее число рабочих с семьями на промысле, а также число заболевших и не вышедших работу. В этой же книге врач, обслуживавший промысел, указывал дату каждого своего посещения и информацию о заболевших. Рыбпромышленники были обязаны два раза в год – к 1 марта и 1 августа (то есть перед началом весенней и осенней пугины) извещать санитарно-врачебный надзор о том, кто у них состоял врачом и фельдшером с представлением именных документов медиков. Владельцы промыслов, которые не имели своей больницы и врача в силу малочисленности рабочих, предоставляли сведения о том, с какими промыслами они заключили соглашение о совместном приглашении врача/фельдшера для медицинского обслуживания промыслового населения²².

Ввиду большой плотности промыслового населения, особенно в период пугин, а также сложных бытовых условий, вредных и неблагоприятных для состояния здоровья условий работы в воде, на рыбообрабатывающих и копильных предприятиях особое внимание промысловых врачей и фельдшеров обращалось на заболевание рабочих и членов их семей острозаразными заболеваниями: оспой, корью, скарлатиной, дифтерией, тифом, холерой и чумой. О каждом случае указанных болезней врач или фельдшер должен был немедленно сообщать старшему санитарному врачу промыслов на особо установленных карточках. В случае же появления на промысле больных с симптомами, подозрительными на холеру или чуму, промысловый врач или фельдшер, помимо сообщения старшему врачу, обязан был связываться с Астраханской врачебной инспекцией по телеграфу или с нарочным за счет владельца промысла.

Впервые был установлен минимум социальных гарантий. Рабочий промыслов, по болезни лишенный возможности осуществлять работу и нуждавшийся в стационарном лечении, имел право получить его в промысловой больнице, вне зависимости от продолжительности болезни (на протяжении всего времени, пока действовал договор найма с рыбопромышленником). Запрещалась отправка на промысел инфекционных больных до их полного выздоровления. Рыбпромышленникам запрещалось делать вычеты из жалованья рабочих за те дни, когда они не выходили на работу по состоянию здоровья, при условии подтверждения со стороны промыслового врача или фельдшера. Однако на лечение хронических заболеваний в промысловой больнице рабочий права не имел. В таких случаях в обязанность владельца про-

²² Обязательные постановления по санитарному благоустройству Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, расположенных в пределах Астраханской, Саратовской и Самарской губерний и Терской, Закаспийской и Уральской областей, за исключением территории Уральского казачьего войска, и охранению здоровья рабочих на сих промыслах // Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. 2-е изд. Астрахань, 1913. С. 112–113.

мысла ставилась задача своевременного направления рабочего на лечение в другую больницу²³.

Таким образом, можно констатировать, что к началу XX в. была законодательно проработана организация системы медицинского обслуживания и санитарного контроля на промыслах. Однако реализация заложенных в нормативных документах положений на практике сопровождалась значительными сложностями.

Санитарно-медицинское состояние Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов

В исследуемый период проблема обеспечения населения квалифицированной врачебной помощью была достаточно острой для многих провинциальных территорий Российской империи²⁴. Даже к 1913 г. лучшим показателем было соотношение «один врачебный участок на 10 тыс. населения», а в ряде отдаленных губерний один врачебный участок охватывал более чем 50 тыс. человек, что, естественно, не позволяет говорить о какой-либо обеспеченности населения медицинской помощью²⁵.

На промыслах ситуация была сложнее, чем по стране. Медицинское обслуживание было отдано в частные руки, это еще раз закрепили Правила 1902 г. Государственные медицинские учреждения не обслуживали рыбные промыслы. Необходимый медицинский персонал приглашался рыбопромышленниками самостоятельно. В результате промысловые рабочие обслуживались, за редкими исключениями, только фельдшерами²⁶. К примеру, в 1902 г. на подотчетных астраханскому Управлению промыслах был всего один постоянный врач и двое были приглашены на период путины²⁷.

Несколько лучше обстояло дело с санитарными участковыми врачами. С введением Правил 1902 г. весь район рыбных промыслов, находившийся в ведении астраханского Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов от г. Камышина до г. Красноводска на Каспийском море, был разделен на 5 санитарных участков²⁸ (как видим, здесь были учтены рекомендации Комиссии и медицинского сообщества губернии). Для заведывания каждым из них был приглашен отдельный врач (3 врача имели постоянное место проживания в городе Астрахани, один – в Красном Яру, один – в Царицыне), а общее руководство санитарным делом было поручено старшему врачу промыслов (постоянное место жительства в Астрахани). На старшего санитарного врача возлагались обязанности организации мер по борьбе с заразными заболеваниями, выдача заключений по текущим вопросам работы промыслов, консультативная работа в Управлении рыбных и тюленьих промыслов, заведывание медико-санитарным бюро Управления для разра-

²³ Обязательные постановления по санитарному благоустройству Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, расположенных в пределах Астраханской, Саратовской и Самарской губерний и Терской, Закаспийской и Уральской областей, за исключением территории Уральского казачьего войска, и охранению здоровья рабочих на сих промыслах // Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. 2-е изд. Астрахань, 1913. С. 113–114.

²⁴ Цысь В.В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском севере в XIX – начале XX вв. // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 497–512. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512>.

²⁵ Корноухова Г.Г. Заболеваемость, смертность и медицинское обслуживание в советской провинции 1920–1930-х гг. (по материалам Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 2. С. 52.

²⁶ Второе совещание о холере // Известия Общества астраханских врачей. 1908. № 2 (прил.). С. 1–7.

²⁷ Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1902 г. Астрахань, 1907. С. 6.

²⁸ Попов С.М. Холерная эпидемия на рыбных промыслах. С. 13–14.

ботки статистики по заболеваемости и смертности населения, статистики движения населения на промыслах и др.²⁹

При исполнении своих обязанностей санитарные врачи руководствовались Правилами 1902 г., обязательными правилами по благоустройству рыбных промыслов 1904 г. и инструкцией для санитарных врачей. Работа санитарных врачей, как правило, осуществлялась в период весенней и осенней путин. Поездки на промыслы санитарные врачи осуществляли на судах Управления, поэтому врачи были достаточно ограничены и в количестве выездов на участок, и в продолжительности поездки. Ввиду нехватки транспорта Управление часто совмещало несколько видов надзора: к примеру, паровое судно отдавалось в распоряжение комиссии по надзору за рыболовством, а врач был вынужден корректировать свой план осмотра участка согласно работе рыболовных инспекторов. В результате этого, даже согласно официальным отчетам участковых санитарных врачей и старшего врача промыслов, за год врач мог осмотреть только около половины находившихся в его ведении промыслов, десятую часть всех тоней и четверть от всех ловецких станов. Подобная ситуация повторялась ежегодно. Кроме того, штат участковых санитарных врачей не всегда был укомплектован. Так, в медико-санитарном отчете за 1914 г. старший врач промыслов отмечал, что один из участков, «за отсутствием желающих поступить на него», оставался вакантным в течение года³⁰.

Санитарный надзор в эпидемически неблагополучной Астраханской губернии был крайне необходим. Так, осенью 1905 г. были зафиксированы заболевания чумой среди рабочих Алгаринского промысла в Красноярском уезде³¹. В 1914 г. имела место вспышка брюшного и сыпного тифов на промыслах Беззубикова (Образцовском, Зензелинском) в Астраханском уезде и промыслах Агабабова (Чуркинском, Федоровском и Дамбинском) в Красноярском уезде³² и др. Нередки были случаи гибели участковых санитарных врачей, заразившихся во время работы на промыслах. Так, в мае 1909 г. от сыпного типа скончался санитарный врач 4-го участка Ф.И. Мартемьянов. Заступивший на его место С.П. Ситкин умер весной 1914 г. от быстро развившегося сепсиса на фоне сыпного тифа³³.

При организации системы мероприятий по борьбе с распространением эпидемий существовал ряд нерешенных проблем. Несмотря на создание высочайше утвержденной комиссии, на которую была возложена задача предотвращения возникновения и распространений эпидемий, финансирование осуществлялось за счет тех объектов, на территории которых проводились противоэпидемические мероприятия: меры в городах осуществлялись за счет городских бюджетов, на водных путях – на средства Министерства путей сообщения, на территории губерний – за счет средств земств и др.³⁴ Проведение мер по предотвращению эпидемий на промыслах возлагалось на санитарных врачей и рыбопромышленников, оплачивавших работу врачей и фельдшеров по оказанию медицинской помощи рабочим, и контролировалось астраханским Управлением Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов.

Следует отметить, что в некоторых случаях данная система демонстрировала эффективность. Показательна в этом отношении борьба с эпидемией холеры в 1907 г. После получения информации о появлении холеры в Самаре 3 июля 1907 г. все са-

²⁹ Медико-санитарный отчет по Волго-Каспийским рыбным промыслам. С. 5.

³⁰ Там же. С. 3, 15–16.

³¹ Протокол экстренного заседания Общества астраханских врачей от 25 ноября 1905 г. // Известия Общества астраханских врачей. 1908. № 1 (прил.). С. 3–6.

³² Медико-санитарный отчет по Волго-Каспийским рыбным промыслам. С. 24.

³³ Некролог // Известия Общества астраханских врачей. 1914. № 1–6. С. 67–68.

³⁴ *Мартемьянов Ф.И.* К вопросу о мероприятиях против холеры // Известия Общества астраханских врачей. 1908. № 2. С. 11.

нитарные участковые врачи были уведомлены об ожидавшейся эпидемии. В конце июля рыбопромышленникам был письменно направлен перечень мер, которые они должны были предпринять на своих промысловых участках как заблаговременно, так и в случае выявления заражений. Работа участковых санитарных врачей была активизирована, Управлением были выделены дополнительные баркасы и пароходы для регулярного объезда промыслов, наблюдения за эпидемической ситуацией и оперативного реагирования на первые случаи заражения. При посещении промыслов санитарные врачи распространяли брошюры о холере и правилах по санитарному благоустройству промыслов, разъясняя практическое применение способов изоляции, дезинфекции и лечения холерных больных.

Также Управление снабдило все свои суда и стантовые смотрительские квартиры медикаментами и дезинфекционными средствами.

Случаи холеры в Астрахани были зарегистрированы летом 1907 г. Всего заболело 203 человека, из которых умерло 108 (более 50 %) ³⁵. Несмотря на высокий процент смертности, благодаря предпринятым мерам заболевание не приняло масштаба эпидемии. В конкретном случае это объяснялось тем, что холера была занесена на промыслы в относительно позднее время – во второй половине августа, и тем, что была проведена подготовительная работа, имелись медикаменты и дезинфицирующие средства.

Проанализировав отчеты старших врачей промыслов и доклады врачей, работавших непосредственно с промысловым населением, по происшествии нескольких лет после введения Правил о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах 1902 г., можем констатировать, что наличие законодательно утвержденных требований и норм слабо повлияло на реальное положение с медицинским обслуживанием рабочих. Так, к 1913 г. из 233 морских промыслов только на 10 имелись больницы с койками для соматических и заразных больных, а на 53 промыслах – приемные покои с общей численностью койко-мест 108. Несколько лучше обстояло дело на речных промыслах: больницы имелись на 45 промыслах из 66 имевшихся на территории Астраханской губернии, а еще на 15 промыслах – приемные покои. Однако, ввиду большой численности промыслового населения, одно койко-место приходилось примерно на 80 чел. на морских промыслах и на 51 чел. на речных ³⁶, чего было явно недостаточно, особенно с учетом регулярных эпидемий.

В 1913 г. все промыслы Астраханской губернии с их многочисленными ловецкими станами и тонями обслуживались 15 врачами и 97 фельдшерами (56 фельдшеров проживали на промыслах постоянно при больницах и приемных покоях). Из пятнадцати врачей только один жил на промыслах постоянно, два врача находились на промыслах в период весенней и осенней путины, и еще один врач, проживая в Астрахани, вел ежедневный амбулаторный прием и наблюдал за коечными больными. Остальные врачи имели в заведывании до двенадцати или больше промыслов, расположенных нередко на большом расстоянии друг от друга. В результате этого врачи и фельдшеры, проживавшие не на промыслах, могли посетить их не чаще одного раза в неделю в период путины, и еще реже в остальное время. Особенно сложно обстояло дело на небольших промыслах с числом рабочих менее ста, на которых, как отмечалось, «по разу в год видят фельдшера, а не то, что врача» ³⁷.

Контингент фельдшеров в большинстве своем состоял из отставных ротных. Выпускников военно-фельдшерских школ среди них почти не было, а медицинские знания ограничивались практической работой при госпиталях. На промыслах суще-

³⁵ Попов С.М. Холерная эпидемия на рыбных промыслах. С. 15.

³⁶ Мышкин М.А. Организация медицинской помощи рабочих на рыбных промыслах... С. 245.

³⁷ Там же. С. 246.

ствовала система регистрации больных и медицинской статистики. Но, так как значительная часть статистического материала представлялась фельдшерами, он не мог использоваться для составления объективной картины заболеваемости на промыслах. Отсутствие научно достоверных сведений, постановка неправильных диагнозов на местах приводили порой к катастрофическим последствиям. Информация о начале чумных и холерных эпидемий приходила с большой задержкой, когда уже была заражена значительная часть населения, инфекция распространилась на соседние промыслы и населенные пункты, а время для оперативного реагирования было упущено³⁸.

Родовспомогательная помощь была представлена тремя акушерками на промыслах крупных фирм, на остальных были только повитухи из числа промысловых работниц, хотя потребность в данном медицинском персонале явно существовала: в 1908 г. на промыслах было зарегистрировано 118 родов, в 1909 г. – 100, в 1910 г. – 152³⁹.

Не оправдала себя на практике мера, предписывавшая объединяться владельцам небольших промыслов для совместного учреждения больницы и приглашения врача. Препятствиями здесь являлись экономия средств, недостаток личной инициативы рыбопромышленников, сложные взаимоотношения между владельцами соседствовавших промыслов, удаленность промыслов друг от друга. Контроль за организацией медицинского обеспечения на промыслах осуществлял санитарный надзор, но, по факту, его визиты с инспекцией на промыслы были достаточно редки, что также не способствовало желанию владельцев нести дополнительные расходы на обустройство медицинской части. За 10 лет, с момента принятия данного решения, имели место только два случая объединения промыслов для создания больницы, и оба в непосредственной близости от губернского центра. Это были пригородные промыслы по реке Болде, находившиеся во владении 11 рыбопромышленников, открывших на общие средства больницу, и объединение 13 промыслов на Форпосте, имевшее свою больницу с постоянно работавшим в ней врачом⁴⁰. Форпостинские ватаги служили главным складским и перевалочным пунктом для рыбной продукции, привозимой со всего Каспийского моря и с части речных промыслов. На ватагах работало большое количество поденных рабочих, в том числе и из Астрахани, поэтому от наличия постоянного врача зависело благополучие не только конкретного промысла, но и губернского центра⁴¹.

Таким образом, даже после принятия врачебно-санитарных правил на многих промыслах, как речных, так и морских, особенно на малолюдных, удаленных от санитарного надзора и населенных пунктов, а также на многочисленных рыбопромышленных станах медицинское обслуживание либо практически отсутствовало, либо находилось в ведении фельдшеров.

Выводы

Система санитарно-медицинского обслуживания рыбных промыслов начала складываться во второй половине XIX в. в связи с оживлением общей законодательной работы в пореформенный период. Каспийско-Волжские рыбные промыслы находились в основном в частных руках, государство неохотно вмешивалось в дела рыбопромышленников, а регулирование их работы на законодательной основе происходило очень медленно. Нормы санитарно-медицинской деятельности на промыслах были впервые законодательно прописаны в Правилах о Каспийско-Волжских

³⁸ Деминский И.А. О борьбе с чумой в Астраханской губернии // Известия Общества астраханских врачей. 1908. № 3. С. 26.

³⁹ Мышкин М.А. Организация медицинской помощи рабочим на рыбных промыслах... С. 247–248.

⁴⁰ Там же. С. 246.

⁴¹ Отчет Астраханского Управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1898 г. Астрахань, 1900. С. 305–306.

рыбных и тюленых промыслах, утвержденных 3 июня 1902 г. Тогда же было введено понятие «врачебно-санитарная часть на рыбном промысле», на которую возлагалось осуществление санитарного контроля. Общий контроль за деятельностью этих подразделений возлагался на региональные Управления. Принятие законодательных норм санитарно-медицинского обслуживания на рыбных промыслах положительным образом сказалось на положении рабочих. Принятый закон обеспечивал определенный минимум социальных гарантий для работников, что ранее в законодательстве отсутствовало. Введение минимального медико-санитарного контроля на рыбных промыслах позволило начать борьбу с эпидемиологическими заболеваниями. Так, благодаря складывающейся санитарной системе на промыслах удалось в 1907 г. минимизировать эпидемию холеры, грозившую распространиться на большой регион. Однако из-за слабого контроля со стороны государства, которое старалось сбросить социальную нагрузку на предпринимателей, принятые законодательные нормы в сфере врачебно-санитарного обслуживания промысловых рабочих выполнялись не в полной мере. Из-за незаинтересованности руководства астраханского Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов санитарные врачи редко посещали свои участки для проверки, а до отдаленных мест лова добраться не имели возможности. На промыслах не хватало врачей и фельдшеров. Содержание больниц было по силам только немногочисленным крупным рыбопромышленным фирмам. На мелких и отдаленных промыслах санитарно-медицинское обслуживание работников практически отсутствовало.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.09.2023

References

- Akhmadov, T.Z., and Egorysheva, I.V. “The becoming of medical care to workers in the north-eastern caucasus in second half of XIX – early XX centuries.” *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 5 (2013): 56–58 (in Russian).
- Alekseeva, A.I. “Politika Sovetskogo gosudarstva v sfere rybnoi promyshlennosti vo vtoroi polovine XX v.: (na materialakh Nizhnego Povolzh'ia) [Policy of the Soviet state in the fishing industry in the second half of the twentieth century: (based on materials from the Lower Volga region)].” PhD dis. In History, Astrakhan Tatishchev State University, 2010 (in Russian).
- Arustamov, M.I. “Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi na rybnykh promyslakh [Organization of medical care in fisheries].” In *Trudy Obshchestva astrakhanskikh vrachei za 1891–1892 gg.*, 21–28. Iss. 2. Astrakhan': Parovaya novaia russkaia tipografiia, 1895 (in Russian).
- Baduginova, M.V. “Zdravookhranenie Kalmytskoi stepi Astrahanskoï gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Healthcare of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province at the turn of the XIX–XX centuries].” *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 1-2 (2011): 23–25 (in Russian).
- Chuikov, Yu.S., and Chuikova, L.Yu. “The hygiene status of Astrakhan in the 19th century, is based on the book of F.M. Oldekop.” *Astrahanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniia*, no. 6 (2018): 89–102 (in Russian).
- Deminskii, I.A. “O bor'be s shumoi v Astrahanskoï gubernii [About the fight against plague in the Astrakhan province].” *Izvestiya Obshchestva astrakhanskikh vrachei*, no. 3 (1908): 26–38 (in Russian).
- Deminskii, I.A. “Ocherk deiatel'nosti Obshchestva astrakhanskikh vrachei za 40 let (1869–1909) [Essay on the activities of the Society of Astrakhan Doctors for 40 years (1869–1909)].” *Izvestiya Obshchestva astrakhanskikh vrachei*, no. 8 (1909): 2–25 (in Russian).
- Ishin, V.V. *Istoricheskii opyt partiino-gosudarstvennogo rukovodstva rybnoi promyshlennost'iu Rossiiskoi Federatsii 1918–1991 gg.* [Historical experience of the party and state leadership of the fishing industry of the Russian Federation 1918–1991]. Moscow: Prometei Publ., 2001 (in Russian).
- Khairlapova, M.M. “Sanitary and medical working conditions in the salt fields of the Astrakhan Province in the late 19th – early 20th century.” *Vlast' 30*, no. 1 (2022): 220–224, <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8811> (in Russian).

- Kalgin, V.E. “Razvitiye rybnoy promyshlennosti Nizhnego Povolzh'ia v 1918–1945 gg. [Development of the fishing industry of the Lower Volga region in 1918–1945].”: PhD dis. in History, Astrakhan Tatishchev State University, 2005 (in Russian).
- Kornoukhova, G.G. “Sickness rate, death rate, birth rate and medical care of people in Soviet Province in 1920–1930s (on the basis of the astrakhan region’s sources).” *RUDN Journal of Russian History* 7, no. 2 (2008): 51–64 (in Russian).
- Kovtyukh, G.S., Kaden, A.G., Komissarova, E.V., and Falaleev, P.I. “Public Initiatives for Creation of Sanitary and Epidemiological Service in the Lower Volga Region at the Beginning of the 20th Century.” *Lechebnoe delo*, no. 3 (2020): 84–90, <https://doi.org/10.24412/2071-5315-2020-12261> (in Russian)
- Kraynyuchenko, P.V. “Rybnye promysly na Iuge Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Fisheries in the South of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries].” PhD dis. in History, Rostov-na-Donu State University, 1998 (in Russian).
- Martem'yanov, F.I. “K voprosu o meropriyatiyakh protiv kholery [On the issue of measures against cholera].” *Izvestiia Obshchestva astrakhanskikh vrachei*, no. 2 (1908): 1–16 (in Russian).
- Mihel, D.V., Mihel, I.V., and Sirotkina, I.E. Meditsina protiv epidemii v Povolzh'e: sotsial'no-istoricheskii kontekst (1890–1925) [Medicine against the epidemic in the Volga region: socio-historical context (1890–1925)].” *Vestnik Evrazii*, no. 3 (2004): 113–139 (in Russian).
- Myshkin, M.A. “Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi rabochikh na rybnikh promyslakh Volgo-Kaspiiskogo raiona [Organization of medical care for workers in the fisheries of the Volga-Caspian region].” *Izvestiia Obshchestva astrakhanskikh vrachei*, no. 4 (1913): 244–249 (in Russian).
- Nurtazaeva, N.R. “Bytovye i sanitarno-meditsinskie usloviya zhizni na Astrakhanskikh soljanykh promyslakh v konce XIX – nachale XX vv. [Domestic and sanitary-medical living conditions in the Astrakhan salt mines at the end of the XIX – beginning of the XX centuries].” In *Innovatsii i perspektivy sovremennoi nauki. Istoricheskie, sotsiologicheskie i filosofskie nauki*, 80–84. Astrakhan: Astrakhanskii universitet Publ., 2018 (in Russian).
- Popov, S.M. “Kholernaia epidemii na rybnikh promyslakh Astrakhanskoi gubernii v 1907 g. [Cholera epidemic in the fisheries of the Astrakhan province in 1907].” *Izvestiia Obshchestva astrakhanskikh vrachei*, no. 3 (1908): 13–17 (in Russian).
- Tsys, V.V. “Formation of System of Medical Institutions in Tobolsk North in XIX – Early XX Centuries.” *Nauchnyi dialog* 11, no. 2 (2022): 497–512, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512> (in Russian)
- Voronova, A.A. *Rybnye promysly Nizhnei Volgi i Kaspiia v XIX – nachale XX vv.* [Fisheries of the Lower Volga and Caspian Sea in the XIX – early XX centuries]. Astrakhan: Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2005 (in Russian).
- Voronova, A.A. “Sanitarno-meditsinskoe obsluzhivanie na Kaspiisko-Volzhskikh rybnikh promyslakh v kontse XIX – nachale XX v. [Sanitary and medical services in the Caspian-Volga fisheries at the end of the XIX – beginning of the XX century].” *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (2010): 105–108 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Вадимович Виноградов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; vinogradov-7@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

Sergey V. Vinogradov, Dr. Habil. History, Professor, Chief Research Fellow of the Center for the Study of the History of the Lower Volga Region, Astrakhan Tatishchev State University; 20a, Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russia; vinogradov-7@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; pushistik_yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>

Yuliya G. Eshchenko, PhD in History, Senior Research Fellow of the Center for the Study of the History of the Lower Volga Region, Astrakhan Tatishchev State University; 20a Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russia; pushistik_yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-587-598>
EDN: NTXCTC

Научная статья / Research article

Социализация школьной молодежи Южного Урала в 1950-е – начале 1960-х гг.

Рустам Закирович Алмаев

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия

almaev_history@mail.ru

Аннотация: Рассматривается влияние основных социальных институтов государства и общества на социализацию школьной молодежи южноуральского региона – Башкирской АССР, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей. Привлекаемые архивные материалы, источники личного происхождения позволяют осветить особенности поведения и досуга подростков в возрасте 14–18 лет, противоречивый характер воздействия социальной реальности на декларируемые советским государством морально-этические нормы поведения советских школьников. Показано, что кроме высокой моральной устойчивости подрастающего поколения, которая требовалась в условиях идеологического противостояния двух систем, советские школьники рассматривались как мощный трудовой ресурс для модернизации экономики и строительства коммунистического будущего. Автором выявляются многочисленные трудности, которые препятствовали формированию «нового человека» коммунистического общества. Раскрываются основные мероприятия школы и внешкольных учреждений по воспитанию советской молодежи. Специальное внимание уделяется изучению социальных проблем и правонарушений в молодежной среде. Определяются основные причины смещения морально-этических норм поведения подростков. Делается вывод о том, что в условиях противоречий, переживаемых государством, обществом и школой, существенную роль в социализации молодежи играло воспитание в коллективе. Основные институты государства и общества формировали у школьников такие морально-нравственные качества, как честь, достоинство, дружба, взаимопомощь.

Ключевые слова: раздельное обучение, коммунистическое воспитание, девиантное поведение, советская повседневность, советская идентичность

Для цитирования: Алмаев Р.З. Социализация школьной молодежи Южного Урала в 1950-е – начале 1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 587–598. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-587-598>

Socialization of School Youth of the Southern Urals in the 1950s – Early 1960s

Rustam Z. Almaev

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

almaev_history@mail.ru

Abstract: The author considers the influence of the main social institutions of the state and society on the socialization of school youth in the post-war decades. The use of archival materials and sources of private origin allows highlighting the behavior and leisure activities of adolescents aged 14–18 years. Based on the materials of the RSFSR, there is analyzed the contradictory impact of social reality on the moral and ethical standards of Soviet schoolchildren's behavior declared by the Soviet



state. At the same time, the focus is on urban school youth of the Southern Urals – the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, Kurgan, Orenburg, Chelyabinsk regions during the Khrushchev Thaw. In addition to the high moral stability of the younger generation, which was required in the conditions of the ideological confrontation between the two systems, Soviet schoolchildren were seen as a powerful labor resource for restoring the economy and building the communist future. The author identifies numerous difficulties that hindered the formation of the “new man” of communist society. There are revealed the main activities of schools and out-of-school institutions for the education of Soviet youth. Special attention is paid to the study of social problems and offences among young people. The main reasons for the shift in moral and ethical standards of adolescents’ behavior are determined. It is concluded that in the conditions of contradictions of the state, society and school, a significant role in the socialization of youth was played by education in a team. The main institutions of the state and society formed in schoolchildren such moral qualities as honor, dignity, friendship, and mutual assistance.

Keywords: separate education, communist education, deviant behavior, Soviet everyday life, Soviet identity

For citation: Almaev, R.Z. “Socialization of School Youth of the Southern Urals in the 1950s – Early 1960s.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 587–598 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-587-598>

Введение

Советская молодежь послевоенных десятилетий относилась к особой социально-демографической группе общества, реально включенной в решение народно-хозяйственных задач страны. Молодежь этого времени, воспитанная на героическом наследии революции и Великой Отечественной войны, выступала в качестве мобилизующей силы в деле построения коммунистического общества. Несмотря на противоречивое восприятие исследователями и самими современниками периода коммунистических лозунгов и реальных практических действий, данная эпоха имеет массу положительных образов и достижений молодежи, стремящихся к самореализации. Изучение политики Советского государства по воспитанию молодежи имеет и сегодня важное научное и практическое значение.

Послевоенное поколение детей и подростков в СССР как особая социально-демографическая группа рассматривалась советской историографией в рамках обобщающих работ, посвященных в первую очередь истории школьного образования¹, комсомольских² и пионерских организаций³. В публикациях советского периода раскрываются исключительно положительные стороны учебно-воспитательной работы со школьниками, передовой опыт обучения и воспитания.

Постсоветский период историографии характеризуется появлением новых направлений и проектов, выходящих за пределы привычных сюжетов. Это прежде всего история советской школьной повседневности, антропология советской школы, повседневные практики советского детства⁴.

В настоящее время достаточно разнообразны публикации историков, посвященные различным аспектам социализации молодежи. Выделяются статьи, отличающиеся стремлением более критически оценить исторический опыт советского вос-

¹ Дайч З.Г. Школьная политика в СССР уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. М., 1991.

² Хозе С.Е. Педагогический коллектив и комсомольская организация школы. М., 1972.

³ Соколова Э.С., Таборко В.А. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. М., 1963.

⁴ Астафьев Д.А., Годовова Е.Ф. Историография истории советской школьной повседневности // Вестник Самарского университета. История. Филология. Педагогика. 2022. Т. 28. №1. С. 8–23; Смирнова Т.М. «Дети – наше будущее»: власть и общество в решении проблем детства. 1917 – начало 2000-х годов // «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010. С. 115–158; Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб., 2015; Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Российские дети в конце XIX – начале XX в.: историко-демографические очерки. М., 2018.

питания. Влиянию материальных возможностей советского общества 1950–1960-х гг. на настроения и потребности молодежного социума посвящены публикации Г.М. Ивановой⁵. Трудности в организации внеучебной деятельности учащихся общеобразовательных школ Московской области в 1945–1953 гг. раскрываются в работе В.М. Коренюк⁶. Особенности социализации послевоенного поколения югорской молодежи поднимаются в публикации А.Г. Киселева⁷, который в рамках педагогического дискурса анализирует черты двух образов выпускников Ханты-Мансийского национального педагогического училища – «долженствующего» и «реального». В современных исследованиях уделяется внимание профилактике и проявлениям преступности несовершеннолетних⁸. Особенности изучения проблем советской молодежи в российской социологии посвящены исследования С.О. Елишева⁹.

Среди зарубежных исследователей выделим публикацию британского историка Катарины Уль, посвященную мотивациям подрастающего поколения эпохи «оттепели». Автор показывает неоднозначное отношение различных представителей советской молодежи к официальному курсу построения коммунизма¹⁰.

Цель исследования – установление влияния основных социальных институтов советского общества на социализацию и формирование идентичности подрастающего поколения послевоенных десятилетий. Школьная молодежь – социально-демографическая группа в возрасте 14–18 лет. Именно в этом возрасте закладываются ценностные ориентиры, происходит выбор жизненного пути.

Научная новизна публикации определяется территориальными и временными рамками исследуемого объекта. На материалах РСФСР анализируется противоречивое воздействие социальной реальности на декларируемые советским государством морально-этические нормы поведения молодежи. При этом главное внимание уделяется школьникам городов Южного Урала. Предлагаемая региональная локализация дает возможность уточнить выводы по общесоюзным процессам.

Источниковая база исследования представлена документами двух федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации (Ф. А-2306 – Министерства просвещения РСФСР), Российского государственного архива новейшей истории (Ф. 5 – Аппарата ЦК КПСС) и четырех региональных архивов Оренбургской, Курганской, Челябинской областей и Республики Башкортостан. Весьма информативны извлеченные из архивов так называемые письма во власть, поступавшие от учащихся и их родителей в СМИ и властные структуры. Отдельный массив источников составляют мемуары, позволяющие взглянуть на исследуемые события глазами поколения той эпохи¹¹.

⁵ *Иванова Г.М.* Кризис трудоустройства молодежи в 1950-е годы: опыт решения проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2. С. 71–82; *Иванова Г.М.* Образовательные стратегии молодежи в СССР в 1950–1960-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 4. С. 37–52.

⁶ *Коренюк В.М.* Школьная повседневность в Московской области в 1945–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и повседневность. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 12–115.

⁷ *Киселев А.Г.* Учащийся глазами учителя на страничках документов Ханты-Мансийского национального педучилища (вторая половина 40-х гг. XX века) // Вестник урведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 768–779.

⁸ *Гуменюк А.А.* Молодежная политика в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 269–277.

⁹ *Елишев С.О.* Особенности манипулятивного воздействия на молодежь в СССР // Труд и социальные отношения. 2017. № 6. С. 101–121; *Елишев С.О.* Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 3. С. 200–223.

¹⁰ *Уль Катарина.* Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279–326.

¹¹ На изломе XX века: сборник воспоминаний / отв. ред. В.А. Иванов. Уфа, 2008.

Условия послевоенной социализации молодежи

Переход к мирному строительству после завершения Великой Отечественной войны выдвинул на первый план задачу воспитания всесторонне развитых, образованных молодых людей. Школьная молодежь рассматривалась как опора политического строя и главный объект социалистического воспитания. Кроме того, советские школьники представляли в ближайшем будущем мощный трудовой ресурс для восстановления народного хозяйства и завершения построения основ индустриального общества. Изменение международной обстановки в условиях развернувшейся «холодной войны» потребовало совершенствования многих направлений воспитательной работы.

Война негативно отразилась на здоровье детей этого поколения. По данным 1946 г., свыше 3 % детей в РСФСР родились мертвыми и почти 11 % умерло, не дожив до одного года¹². Неудивительно, что дети этого поколения сильно отставали в физическом развитии, страдали хроническими заболеваниями. Наиболее распространенными болезнями были туберкулез, малярия, тиф, оспа. Синдромом, полученным в наследство от войны, являлись и сердечно-сосудистые заболевания.

Формирование «нового человека» после войны наталкивалось на многочисленные сложности. Говоря об учебно-воспитательном процессе в общеобразовательной школе послевоенного времени, нельзя не упомянуть проблему переростков и второгодников. Главной причиной неуспеваемости назывались недостатки в работе учителя-предметника. Советские ученые-педагоги осмысливали негативные процессы в учебно-воспитательном процессе исключительно через призму коммунистической идеологии. Ими недооценивались некоторые важные факторы, влияющие на социализацию подростков: профессионализм и личные качества учителя, стиль обучения, сложность учебной программы, школьный климат, влияние сверстников, взаимодействие школы и семьи и др.

Особую категорию составляли дети, чьи родители приехали на крупные стройки Южного Урала после войны. В частности, во втором полугодии 1948–1949 учебного года в города Челябинской области – Коркино, Копейск, Магнитогорск, Саткинский, Нижний Увельский районы прибыло значительное количество рабочих с детьми школьного возраста¹³. Эта категория подростков требовала особого контроля со стороны местных органов власти.

Однако характерная для послевоенного времени нехватка учителей, текучесть педагогических кадров приводили к тому, что преподавательской деятельностью занимались случайные люди, далекие от понимания задач воспитания. Письма в редакцию газеты «Пионерская правда» за 1953 г. сигнализировали о случаях неправильного поведения со стороны отдельных директоров и учителей общеобразовательных школ¹⁴.

В частности, в городских и сельских школах ряда областей РСФСР учителя грубо обращались с учащимися, применяли телесные наказания. Весьма показательным в этом смысле письмо ученика школы № 3 г. Воронежа, свидетельствующее о том, что «подойдя к ученику, который не смог решить у доски задачу, учительница А. взяла за голову и ударила его об доску, затем обругала»¹⁵. Факты грубого отношения к учащимся имели место в городских и сельских школах Архангельской,

¹² Жиромская В.Б. Поколение, пережившее войну: демографический аспект // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2005. № 9. С. 3.

¹³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1388. Л. 7.

¹⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 18. Д. 41. Л. 37–40.

¹⁵ Там же. Л. 38.

Воронежской, Ивановской, Калужской, Курской, Новосибирской, Ульяновской, Ярославской областей.

Подобные антипедагогические поведенческие проявления негативно сказывались на воспитании молодого поколения. Подобная «авторитарная педагогика» ради поддержания дисциплины, как правило давала противоположный результат.

Одной из особенностей учебно-воспитательного процесса в послевоенные годы оставалось сохранение в крупных городах страны до 1954 г. совместного и раздельного школьного обучения. Инструкции по введению раздельного обучения в школах крупных городов РСФСР предъявляли строгие требования к органам управления образованием на местах. Наркомпросы автономных республик и облоно должны были учитывать количество обучающихся детей из одной семьи, изучаемый иностранный язык, расстояние от школы до места жительства учащихся, которое не должно было превышать 3 км. Однако на практике не всегда удавалось эффективно и безболезненно делить контингенты учащихся по новым школьным микрорайонам.

У многих учащихся мужских школ учителя отмечали плохое поведение. Приведем примеры, характеризующие состояние с дисциплиной школьников в г. Орске Оренбургской области в 1952 г., где в школе № 39 были отмечены случаи уничтожения «Журналов поведения учащихся». Ученики отдельных классов в организованном порядке рвали, сжигали и бросали эти журналы в туалеты¹⁶. В то же время для учителей наличие записей в подобных журналах позволяло объяснять трудности в их педагогической работе. Типичной для многих городских мужских школ была ситуация массового ухода учеников с уроков, нередко были случаи хулиганства¹⁷.

Первостепенная задача внедрения всеобщего обучения в стране отодвинула решение вопроса совместного обучения мальчиков и девочек до 1954/1955 учебного года. Кроме существования многочисленных учебных, воспитательных, организационных проблем система раздельного обучения противоречила идеологической парадигме советской эпохи, ориентированной на коллективное воспитание юношей и девушек.

Наряду с этим после завершения войны достигают опасной черты острейшие социальные проблемы подрастающего поколения. Тяжелые материально-бытовые условия существования многих категорий рабочих, крестьян, семей фронтовиков после войны порождали огромные трудности в воспитании подростков. Многие дети были вынуждены самостоятельно заниматься поисками дополнительных средств существования – побирательством, торговлей и мелкими кражами на рынках.

В свете существовавших проблем государство, местные органы власти, общеобразовательная школа решали трудную задачу личностной и трудовой социализации подростковой молодежи.

Внешкольная работа с учащимися

Начиная с 1950-х гг. советское руководство начало уделять значительное внимание воспитанию школьной молодежи. С этого времени растет число пионерских и комсомольских организаций в общеобразовательных школах. Серьезную помощь в воспитательной работе оказывают подшефные предприятия. В ходе внеурочных занятий велась индивидуальная воспитательная работа. Дополнительное образование, получаемое в предметных кружках, повышало самооценку школьников. Именно здесь формировались такие социализирующие навыки, как умение общаться с разновозрастными учащимися, целеустремленность, самостоятельность.

¹⁶ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДННАО). Ф. 371. Оп. 16. Д. 937. Л. 69.

¹⁷ Там же. Л. 70.

С большой теплотой о своих школьных годах вспоминает заслуженный учитель Республики Башкортостан Б.Е. Ермилов, перечисляя, кем он был в эти годы (секретарь комсомольской организации школы, юнкор городской газеты, победитель городских олимпиад по математике, шахматист-первоступник). В его памяти осталось увлекательное чтение публикаций по математике, особенно кибернетике, изготовление своими руками приборов по физике, которых так не хватало в школе¹⁸.

У послевоенного поколения подростков именно чтение занимало большую часть свободного времени. Данные анкетирования учащихся 5–8 классов восьмилетней школы № 2 г. Куртамышья Курганской области за 1955 г. свидетельствовали о большом количестве детей, полезно проводящих свободное время в выходной день. Из 376 подростков 205 (54,5 %) занимались чтением художественной литературы; 78 (20,7 %) принимали участие в спортивных соревнованиях и военных играх, 72 (19,2 %) помогали по хозяйству, 13 (3,4 %) уделяли время подготовке к урокам. И только 8 (2,2 %) учащихся ничем не занимались¹⁹.

Пользовались популярностью произведения М.А. Шолохова, В.В. Маяковского, А.М. Горького, А.А. Фадеева, Н.А. Островского и др., Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Челябинские школьники любили читать «Молодую гвардию» Александра Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого²⁰. Образцами для подражания становились также герои детских и приключенческих книг и фильмов. Герои произведений Вениамина Каверина, Николая Носова, Жюль Верна, Фенимора Купера и др. учили подростков приносить пользу для общества, вырабатывать силу воли, быть смелыми и мужественными, готовыми исполнить данное обещание.

Особое внимание обращают на себя приводимые в воспоминаниях парадоксы советского строя, которые как нельзя лучше характеризуют эпоху. В то время, как в стране шла борьба с космополитизмом, с «заискиванием перед иностранщиной», на экранах кинотеатров демонстрировалось множество вывезенных из Германии так называемых «трофейных» фильмов с участием Дугласа Фербенкса, Мери Пикфорд, Гари Пиля, Франчески Галь, Дины Дурбин и других звезд экрана. Большой популярностью среди подростков пользовались американская кинокартина «Тарзан», индийский фильм «Бродяга»²¹.

Тем не менее советские идеологические установки четко определяли границы дозволенного в школьной жизни. По воспоминаниям того же автора, на школьных вечерах запрещалось танцевать танго, оказывающее «тлетворное влияние заграницы» на формирование сознания советского молодого поколения. Молодежь разучивала вальс, мазурку, полонезы²².

Под влиянием школьной реформы 1958 г. больше внимания уделяется открытию различных кружков, и прежде всего технических. Так, в Челябинской области в 1964/1965 учебном году в большинстве школ действовали хореографические, хоровые, предметные кружки и значительно меньше функционировало кружков технического творчества. Сводные данные по учащимся 5–11 классов показывают, что в среднем только 19,3 % всех школьников Южного Урала в середине 1960-х гг. занимались в технических кружках. Политехническая подготовка детей и подростков по региону осуществлялась в 2855 технических кружках. В Башкирской АССР их насчитывалось 1225, в Оренбургской области – 718, в Челябинской области – 602,

¹⁸ Ермилов Б.Е. «Жили мы бедно, но весело и дружно...» // На изломе XX века... С. 160.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 76. Д. 88. Л. 23.

²⁰ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 2609. Л. 4.

²¹ Сидоров В.В. Середина и конец двадцатого // На изломе XX века... С. 72.

²² Там же. С. 73.

в Курганской области – 310²³. Хотя нередко при этом встречались случаи безнадзорности детей, которые предпочитали посещению кружков улицу.

О росте численности внешкольных детских учреждений свидетельствуют статистические данные. Так, в Башкирии в 1955 г. их насчитывалось 26, а в 1956 г. уже 34²⁴. К началу 1960-х гг. подростки Челябинской области имели возможность посещать: дворцы пионеров – 3 (в Челябинске, Копейске, Златоусте), дома пионеров – 31, спортивные школы – 15²⁵. В Чкаловской области к 1958/59 учебному году насчитывалось 26 Домов пионеров, 3 станции техников, туристов, натуралистов²⁶. К 1963/1964 учебному году в Курганской области работало 27 различных внешкольных учреждений²⁷.

О популярности городского Дворца пионеров пишет в своих мемуарах В.В. Сидоров, который, будучи школьником в 1950-е гг., проживал в г. Саратове, где наиболее распространенными были следующие кружки и секции: шахматный, авиамодельный, танцевальный, радиотехнический. Сам Сидоров получил второй юношеский разряд по шахматам²⁸.

Одним из существенных недостатков в работе детских внешкольных учреждений было то, что педагоги дворцов и домов пионеров мало вовлекали в свою работу «неблагополучных» детей. Работники Дворцов пионеров ограничивались подготовкой рекомендаций по работе с подростками. Многие директора и завучи школ не знали, чем заняты их учащиеся, как проводят свой досуг в выходные дни. Так, в школе № 38 г. Кургана в 1964 г. не велось никакой индивидуальной работой учителями и общественными организациями с 13 «трудными» детьми²⁹, которые пополнили число безнадзорных и правонарушителей.

В новой Программе КПСС, принятой в 1961 г., говорилось, что воспитание в семье «должно было органически сочетаться с воспитанием обществом»³⁰. С этой целью, например, при домоуправлениях подшефных мероприятий школ действовали родительские комитеты и советы старейшин. В начале 1960-х гг. при ЖЭУ Магнитогорского металлургического комбината более 300 родителей, пенсионеров, домохозяйек ежедневно занимались с детьми во дворах и детских комнатах³¹. Однако не везде удавалось привлекать общественные структуры и родителей для работы с детьми во внеучебное время.

На период 1950–1960-х гг. приходится распространение наставничества как важнейшей формы коммунистического воспитания молодежи. В качестве наставников подбирались квалифицированные специалисты, рабочие, обладавшие широким кругозором, высокими моральными качествами. Среди многообразия форм наставничества выделялось шефство коллективов коммунистического труда и комсомольско-молодежных бригад над школами.

Так органы власти стремились к тому, чтобы в советской системе воспитания каждый школьник ощущал себя членом коллективного социума. Стержневой педагогической технологией выступало воспитание в коллективе.

²³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 76. Д. 276. Л. Л. 1, 43, 97, 114.

²⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 341. Оп. 11. Д. 1. Л. 55; НА РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 1863. Л. 136.

²⁵ Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 498.

²⁶ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 1893. Оп. 3. Д. 3390. Л. 102.

²⁷ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 76. Д. 88. Л. 21.

²⁸ Сидоров В.В. Середина и конец двадцатого... С. 72.

²⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 76. Д. 88. Л. 22.

³⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. URL: https://www.eftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 02.08.2022).

³¹ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 3052. Л. 15.

Профессионально-трудовая социализация школьников

Реформа политехнической школы 1958 г. в СССР была во многом вызвана необходимостью решения социальных и педагогических проблем, переживаемых обществом и школой. Криминогенная обстановка в большинстве регионов страны, включая Южный Урал, остро ставила вопросы трудоустройства той части молодежи, которая оказывалась вне школы и производства. Например, из 17 784 выпускников Башкирии 1958 г. 15 912 чел. (89,5 %) сразу определились с местом учебы или работы. Из их числа 3584 чел. (20,2 %) поступило учиться в вузы и техникумы, 1306 (7,4 %) – в технические училища и другие учебные заведения, 3952 чел. (22,2 %) трудоустроилось на промышленных предприятиях, в строительстве, транспорте и на связи, 3843 (21,6 %) – на сельскохозяйственных предприятиях, 1242 юноши (7,4 %) было призвано в ряды Советской Армии и т.д. Тем не менее 1872 (10,5 %) выпускника средних школ и 284 подростка в республике оказались не трудоустроенными³².

Процесс профессионализации и профилизации среднего образования сталкивался с многочисленными трудностями. Судя по архивным документам, значительную часть выпускников школ не устраивала специальность, полученная в старших классах школы. В их планы входило получение высшего образования. При этом потребности вузов в абитуриентах явно уступали числу желающих стать студентами.

Определенных положительных результатов в деле политехнизации добивались некоторые городские школы Южного Урала. К примеру, производственными базами одиннадцатилетней школы № 1 г. Орска являлись Южуралмашзавод и швейная фабрика. Школьники, распределенные на завод, изучали азы станочного мастерства, профессии лаборанта. На швейной фабрике обучались пошиву верхней мужской и женской одежды, дамского легкого платья. Каждый учащийся старшего класса прикреплялся к квалифицированному рабочему-инструктору. Теоретические занятия и консультации на заводе проводил заместитель начальника цеха, на фабрике – инженеры³³. Высокая культура труда рабочих на современном оборудовании, в просторных, светлых цехах фабрики производили благоприятное впечатление на учащихся. Это дисциплинировало ребят и повышало их интерес к изучаемой профессии. Девушки обучались швейному делу, юноши – ремонту швейных машин и другого оборудования фабрики.

Однако в Оренбургской области, на предприятиях подведомственных Южно-Уральского совнархозу, имелось и немало предприятий, руководители которых оказывались не в состоянии создать необходимые условия для производственного обучения учащихся. Школьники в дни производственной практики считались прикрепленными к взрослым рабочим, при этом реально оказывались не востребованными в производственной жизни трудового коллектива³⁴.

По мнению исследователей, реализуемую государством профессионализацию старших классов средней школы вряд ли можно отнести к успешным. Программа соединения связи школы с жизнью совершенствовалась теоретически, но слабо воплощалась на практике. В большинстве школ производственное обучение проводилось без учета желания и способностей учащихся в приобретении специальности, а самое главное, когда не принимались во внимание потребности общества в работниках определенной профессии, то это приводило к формализму³⁵.

³² НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 617. Л. 66.

³³ ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 713. Л. 28.

³⁴ Там же. Д. 3426. Л. 35.

³⁵ Трофимов В.А. Реформирование советской системы школьного образования в 1958–1964 гг. (на материалах Кемеровской области). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. С. 21.

Приведем отзывы о производственном обучении учащихся 9–11-х классов школы № 63 г. Оренбурга. Производственное обучение 115 человек на нефтемастозаводе велось по пяти профессиям. Девятиклассники обучались по профессии столяра-станочника и штукатур-маляра, десятиклассники – столяра-станочника и оператора химической промышленности. В 11-х классах школьники познавали основы специальности газосварщика и лаборанта химической промышленности³⁶.

Учащиеся 9-х классов в целом положительно отзывались о производственном обучении. Вербицкий Василий:

Производственная практика ничуть не мешает нашей учебе. У нас даже стало больше свободного времени. Мы стали больше читать. Класс стал дружнее. Мы ходим коллективно в кино, просмотренные фильмы обсуждаем³⁷.

При этом встречались и отзывы, содержащие сожаление об отсутствии возможности выбора осваиваемой профессии.

Отсутствие заинтересованности в учебе и выборе будущей профессии было характерно для девочек-старшеклассниц. В своих отзывах о производственной практике девушки 10-го класса жаловались на нежелание получать профессию оператора химической промышленности³⁸.

Отношение самих старшеклассников к производственной практике отличалось противоречивостью. Оно во многом зависело от решения организационных вопросов руководителями предприятий, наличия своего рабочего места, отношения членов трудового коллектива к молодежи, их мотивированности и любви к осваиваемой профессии.

Девиации советских подростков

Архивные документы раскрывают и проявления негативных поступков школьников, когда баловство подростков принимало далеко не безобидные формы. Успехи в воспитательной работе школы сопровождались проявлениями негативных социальных девиаций детей школьного возраста.

Так, по данным столичной скорой помощи за 1952 и 1953 гг., немало было детей, пострадавших в драках от хулиганов с использованием холодного оружия и доставленных машинами скорой помощи в лечебные учреждения города. За 1952 г. было зафиксировано 52 таких случая, в 1953 г. – 73³⁹.

По утверждению исследователя Е.В. Курицына, либерализация режима 1953–1964 гг. отнюдь не повлияла на снижение криминализации советского общества. В данный период уровень преступности опережал рост численности населения. Кража имущества, хулиганство и преступления против личности составляли 90 % всех совершаемых подростками в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет правонарушений в стране⁴⁰.

Негативные тенденции в поведении детей и подростков были характерны для всех регионов Южного Урала. В справках о состоянии безнадзорности и преступности несовершеннолетних за 1950–1960 гг. зафиксировано значительное количество фактов нарушений поведения детей в общественных местах.

³⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 9553. Л. 14.

³⁷ Там же. Л. 15.

³⁸ Там же. Л. 16.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 58. Л. 139.

⁴⁰ Курицын Е.В. Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (социально-криминологический аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 117.

За первое полугодие 1962 г. число детей, задержанных за противоправное поведение в Оренбургской области, составило 352 человека. Большая часть детей доставлялась в детские комнаты милиции в праздничные дни и в период школьных каникул. Так, по г. Оренбургу 63 % задержанных правонарушителей детского возраста пришлось на три месяца летнего отдыха 1961 г. Негативные проявления отклоняющегося поведения детей и подростков в общественных местах выражались в следующем: озорство (38 % случаев задержания), мелкие кражи (14 %), уход из дома (12 %), торговля на рынке (12 %), состояние опьянения (9 %), позднее гуляние (9 %), хулиганство (6 %)⁴¹.

Число привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних в Курганской области в 1964 г. по сравнению с 1960 г. возросло в 4 раза. Резко увеличилось количество подростков, доставляемых в медвытрезвители и детские комнаты милиции⁴². Как свидетельствуют источники, именно равнодушное отношение родителей к воспитанию своих детей служило одной из главных причин, толкавших подростков на уголовные преступления.

Заслуживает внимания социологическое исследование о причинах, неблагоприятно влиявших на воспитание детей, проведенное группой общественников, руководителей цехов, представителей общественных организаций, административных органов Челябинской области в 1963 г. Объектом исследования стали родители школьников, которые по сведениям руководителей предприятий замечались в пьянстве.

В условиях мирных послевоенных лет наибольшее число родителей, пристрастившихся к пьянству, оказались молодыми людьми 26–35 лет (35 %). В наибольшей степени пьянство получило распространение среди представителей рабочих профессий: слесарей, токарей, сварщиков, станочников (84 %), тогда как на долю работников торговли, общепита приходилось – 5 %, пенсионеров – 5,65 %, на служащих и инженерно-технических работников – 2,3 %⁴³.

Обращает на себя внимание такая немаловажная деталь, как членство в рядах КПСС и ВЛКСМ. Из 310 обследованных членами партии оказались всего лишь два человека и один комсомолец. Участие в войне с фашистской Германией, пережитые тяготы не могли не расшатать волю отдельных бывших солдат и офицеров. Каждый пятый из числа лиц, злоупотреблявших спиртными напитками, являлся участником Великой Отечественной войны. Пристрастие к алкоголю имели в основном родители с низким уровнем образования. Каждый третий был по существу малограмотным. Образование в пределах 4-х классов имел 31%, семилетнее – 56 % опрошенных респондентов. Большинство родителей (70 %) утверждали, что детьми практически не занимались, а 30 % сами признавали наличие минимального внимания к собственным детям. Материальное положение в указанных семьях в ряде случаев не только не позволяло родителям пить спиртное, но и было ниже прожиточного уровня. Такие лица составляли 53% от опрошенных⁴⁴. В данном случае родители оставляли семью без средств для нормального существования. Их дети – учащиеся школ не имели необходимой одежды, средств для приобретения литературы, игр, спортивного инвентаря. Именно учащиеся из таких семей занимались бродяжничеством, имели склонность к воровству и хулиганству.

Партийные организации Южного Урала проводили большую работу по привлечению родителей и коллективов трудящихся к воспитанию детей во внеурочное время. В 1950-е – 1960-е гг. появились новые формы: родительские университеты

⁴¹ ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 3426. Л. 59.

⁴² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 76. Д. 88. Л. 15.

⁴³ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 163. Д. 163. Л. 156.

⁴⁴ Там же. Л. 158.

педагогических знаний и советы, педагогические лектории, конференции и собрания отцов. При городских и районных исполкомах, заводах и фабриках создавались советы содействия семье и школе. Так, более 40 тыс. родителей учащихся Челябинской области вели воспитательную работу с детьми в составе родительских советов. Советы содействия семье были созданы на крупнейших предприятиях области – металлургическом и тракторном заводах⁴⁵.

Выводы

Качественные характеристики официальной советской социализации молодежи включали в себя такие элементы, как коллективизм, патриотизм, атеистическое мировоззрение, преданность идеалам «строителя коммунизма». Несмотря на идеологизацию всей школьной жизни, в СССР решалась задача воспитания у детей таких высоких моральных и нравственных качеств, как совесть, честь, достоинство, дружба, взаимопомощь. В период «хрущевской оттепели» создаются условия для более продуманной организации свободного времени учащихся. При этом школам, клубам, культурно-просветительским, общественно-политическим, спортивным учреждениям и организациям не всегда удавалось стать основой для воспитания ценностных ориентаций учащихся.

Отношение к воспитанию собственных детей в семье во многом зависело от занятости родителей на производстве, состояния их общей культуры, образования, возраста, партийной принадлежности. Свою роль в этом вопросе играли и последствия войны. Асоциальный образ жизни родителей, исключение подростков из школ, отсутствие потребности в неквалифицированной рабочей силе на производстве из числа выпускников способствовали росту преступности несовершеннолетних. Дети и подростки, оказавшиеся предоставленными сами себе, попадали под влияние уличной, дворовой жизни или людей с девиантным поведением.

Представляется довольно сложным создание общего социального облика послевоенного поколения юношей и девушек из-за бинарности их мировосприятия. Однако следует отметить, что основным социализирующим институтом выступала общеобразовательная школа. Несмотря на определенные отклонения в поступках школьной молодежи, именно здесь закладывались общепринятые нормы поведения. Воспитание в коллективе и раннее трудовое взросление как наиболее социально значимые из них позволяли быстрее интегрироваться во взрослую жизнь.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2023

References

- Astafyev, D.A., and Godovova, E.F. "Historiography history of Soviet school everyday life." *Bulletin of the Samara State University. History. Philology. Pedagogy* 28, no. 1 (2022): 8–23 (in Russian).
- Gumenyuk, A.A. "Youth policy in the USSR in 1953–1985 (based on the materials of the Lower Volga region)." *Proceedings of the Saratov University. Ser. History. International relations* 17, no. 2 (2017): 69–277 (in Russian).
- Dyche, Z.G. *Shkol'naiia politika v SSSR uroki partiino-gosudarstvennogo rukovodstva, perspektivy razvitiia* [School policy in the USSR. Lessons of party and state leadership, development prospects]. Moscow: MPSU Publ., 1991 (in Russian).
- Elishev, S.O. "Features of manipulative influence on youth in the USSR." *Labor and social relations*, no. 6 (2017): 101–121 (in Russian).

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 3052. Л. 15.

- Elishev, S.O. “Youth problematic and approaches to the definition of ‘youth’ in sociology.” *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 3 (2018): 200–203 (in Russian).
- Ermilov, B.E. “Zhili my bedno, no veselo i družno... [We lived poorly, but cheerfully and amicably...].” In *Na izlome XX veka: sbornik vospominanii*. Ufa: Gilem Publ., 2008: 154–169 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B., and Aralovets, N.A. *Rossiiskie deti v kontse XIX – nachale XX v.: istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian children in the late XIX – early XX centuries: historical and demographic essays]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN Publ.; Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. “Pokolenie, perezhivshee voinu: demograficheskii aspekt [The generation that survived the war: demographic aspect].” *Prepodavanie istorii i obshchestvovedeniia v shkole*, no. 9 (2005): 3–10 (in Russian).
- Ivanova, G.M. “Youth employment crisis in the 1950s: the experience of solving the problem.” *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 1, no. 2 (2019): 71–82 (in Russian).
- Ivanova, G.M. “Educational strategies of youth in the USSR in the 1950s and 1960s.” *Historical and socio-educational thought* 13, no. 4 (2021): 37–52 (in Russian).
- Ul’ Katarina, “Pokolenie mezhdru «geroicheskim proshlym» i «svetlym budushchim»: rol’ molodezhi vo vremia ‘otepeli’ [The generation between the ‘heroic past’ and the ‘bright future’: the role of youth during the ‘thaw’].” *Anthropological Forum*, no. 15 (2011): 279–326 (in Russian).
- Kiselev, A.G. “Socio-cultural portrait of a student on the pages of documents of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College (the second half of the 40s of XX century).” *Vestnik ugrovedeniia – Bulletin of Ugric Studies* 8, no. 4 (2018): 768–779 (in Russian).
- Korenyuk, V.M. “Shkol’naia povsednevnost’ v Moskovskoi oblasti v 1945–1953 gg. [School everyday life in the Moscow region in 1945–1953].” *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul’turologiia i povsednevnost’. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (2017): 12–115 (in Russian).
- Kuritsyn, E.V. “Prestupnost’ v sovetskom obshchestve v 1953–1964 gg. (sotsial’no-kriminologicheskii aspekt) [Crime in Soviet society in 1953–1964. (socio-criminological aspect)].” *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G.Belinskogo*, no. 7 (2007): 116–119 (in Russian).
- Mustafina, F.H. “Shkola, sem’ia, obshchestvennost’ [Shkola, semya, obshchestvo].” *Narodnoe obrazovanie*, no. 10 (1964): 8–10 (in Russian).
- Sidorov, V.V. “Seredina i konets dvadtsatogo [Mid and late twentieth].” *Na izlome XX veka: sbornik vospominanii*. Ufa: Gilem Publ., 2008: 51–83 (in Russian).
- Smirnova T.M. “‘Deti – nashe budushchee’: vlast’ i obshchestvo v reshenii problem detstva. 1917 – nachalo 2000-kh godov. [Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoi politiki k realiiam povsednevnoi zhizni. 1917–1940 gg.]” *‘Sovetskoe nasledstvo.’ Otrazhenie proshlogo v sotsial’nykh i ekonomicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii*, 115–158. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Smirnova, T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoi politiki k realiiam povsednevnoi zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of the Soviet Country: From public policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015 (in Russian).
- Sokolova, E.S., and Taborko, V.A. *Vsesoiuznaia pionerskaia organizatsiia imeni V.I. Lenina* [All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin]. Moscow: Izd-vo Akadem. ped. nauk RSFSR Publ., 1963 (in Russian).
- Trofimov, V.A. “Reformirovanie sovetskoii sistemy shkol’nogo obrazovaniia v 1958–1964 gg. (na materialakh Kemerovskoi oblasti) [The reform of the Soviet school system in 1958–1964 (based on the materials of the Kemerovo region)].” PhD diss., Kemerovo State University, 2006 (in Russian).
- Jose, S. E. *Pedagogicheskii kollektiv i komsomol’skaia organizatsiia shkoly* [Teaching staff and Komsomol organization of the school]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1972 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Рустам Закирович Алмаев, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы; 450000, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а; almaev_history@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1309-0266>

Rustam Z. Almaev, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of National and World History, Bashkir State University named after M. Akmulla; 3a, Oktyabr’skoy Revolyutsii St., Ufa, 450000, Russia; almaev_history@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1309-0266>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-599-611>
EDN: NТХКМF

Научная статья / Research article

Индустриальное развитие национальных республик Волго-Вятского региона в период реализации реформы управления промышленностью и строительством в 1957–1965 гг.

Алексей Игоревич Минеев 

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

 minalig@inbox.ru

Аннотация: Освещены итоги индустриального развития промышленности республик Волго-Вятского региона (Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) в период реализации совнархозовской реформы 1957–1965 гг., когда вместо отраслевого принципа управления промышленностью и строительством действовала модель территориального управления в форме советов народного хозяйства. Показано, что проведенная реформа способствовала интенсификации промышленного строительства: расширялись и модернизировались действовавшие промышленные предприятия, вводились в строй новые фабрики и заводы, структура промышленности изменялась в пользу более наукоемких отраслей, развивалось рационализаторство, росла производительность труда. Темпы роста промышленности в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в годы семилетки превышали среднероссийские показатели. Одним из факторов, способствовавших быстрому индустриальному развитию республик на рубеже 1950-х – 1960-х гг., являлся курс советского правительства на выравнивание уровня социально-экономического развития регионов за счет модернизации их промышленного потенциала. Сделан вывод, что реформа территориального управления стала мощным импульсом для ускорения развития республик Волго-Вятского региона. Если к началу административной реформы все три республики представляли собой территории с преобладающим развитием сельского хозяйства, то в 1960-е гг. они превращаются в индустриально-аграрные республики. Повышение уровня индустриального развития республик Волго-Вятского региона сопровождалось повышением уровня урбанизации, созданием новых образовательных и научных учреждений, увеличением масштабов жилищного строительства.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, индустриальное развитие, реформа управления, экономическая история, послевоенное время

Для цитирования: Минеев А.И. Индустриальное развитие национальных республик Волго-Вятского региона в период реализации реформы управления промышленностью и строительством в 1957–1965 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 599–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-599-611>

Industrial Development of the National Republics of the Volga-Vyatka Region during the Implementation of the Reform of Industry and Construction Management in 1957–1965

Aleksey I. Mineev 

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

 minalig@inbox.ru

Abstract: The author describes the results of the industrial development of the industry of the republics of the Volga-Vyatka region (Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic) during the implementation of the Sovnarkhoz reform (1957–1965), when instead of the sectoral prin-

© Минеев А.И., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

iple of industrial and construction management, a model of territorial administration represented by the councils of the national economy operated. It is shown that the reform carried out contributed to the intensification of industrial construction in the republics of the Volga-Vyatka region: the existing industrial enterprises expanded and modernized, new factories and factories were put into operation, the structure of industry changed in favor of more knowledge-intensive industries, rationalization developed, labor productivity increased. The growth rate of industry in the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the seven-year period exceeded the average Russian indicators. One of the factors that contributed to the rapid industrial development of the republics at the turn of the 1950s – 1960s was the course of the Soviet government to equalize the socio-economic conditions of various national regions of the country by modernizing their industrial potential. It was concluded that the reform of territorial administration became a powerful impulse to accelerate the development of the republics of the Volga-Vyatka region. By the beginning of the administrative reform, all three republics were territories with the predominant development of agriculture, but in the 1960s they turned into industrial-agrarian republics. The increase in the level of industrial development of the republics of the Volga-Vyatka region was accompanied by an increase in the level of urbanization, the creation of new educational and scientific institutions, and an increase in the scale of housing construction.

Keywords: N.S. Khrushchev, industrial development, management reform, economic history, post-war period

For citation: Mineev, A.I. “Industrial Development of the National Republics of the Volga-Vyatka Region during the Implementation of the Reform of Industry and Construction Management in 1957–1965.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 599–611 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-599-611>

Введение

Попытки модернизации советского общества на рубеже 1950–1960-х гг., связанные с именем первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, с самого начала их реализации оказались крайне противоречивыми, вследствие чего породили в научном сообществе многочисленные дискуссии об их эффективности, вплоть до роли в последующем крахе Советского Союза. Одним из наиболее известных и неоднозначно оцениваемых мероприятий стала реформа управления промышленностью и строительством (так называемая «совнархозовская реформа»), реализовавшаяся с лета 1957 г. и окончательно свернутая после отстранения Н.С. Хрущева от власти. Опыт данной реформы, с ее попытками на практике найти оптимальное сочетание централизации и децентрализации в системе государственного управления, чрезвычайно важен для совершенствования федеративных отношений в современной Российской Федерации, утверждения системы наиболее эффективного взаимодействия центра и регионов. Так как при начале проведения реформы и ее свертывании значительную роль играли политические факторы, прежде всего внутрипартийная борьба, оценить экономические итоги преобразований можно только на основе изучения региональных данных о развитии индустрии в 1957–1965 гг.

К настоящему времени историография реализации реформы управления промышленностью и строительством (так называемая «совнархозовская реформа») в Российской Федерации и ее регионах насчитывает тысячи работ, особенно много их издано в последние три десятилетия¹. В том числе вопрос индустриального развития республик Волго-Вятского региона на рубеже 1950–1960-х гг. в той или иной степени затрагивался в исследованиях А.В. Биряевой, М.Г. Ломшина, А.И. Минева, К.Н. Санукова, Т.И. Щербаковой, непосредственно посвященных деятельности Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов². Общая оценка совнархозов-

¹ Подробнее см.: *Минеев А.И.* Реформирование системы управления народным хозяйством РСФСР во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг.: взгляд исследователей конца XX – начала XXI в. // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2022. № 3 (63). С. 161–170.

² *Биряева А.В.* Развитие легкой промышленности в деятельности Совета народного хозяйства МАССР (1957–1962 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2019; *Ломшин М.Г.* Мордовский совнархоз:

ской реформы дана в работах Е.В. Русеева, А.А. Скворцовой, В.Р. Степанова, О.Н. Широкова и др., освещающих различные аспекты социально-экономического развития республик Волго-Вятского региона во второй половине XX в.³ Однако отсутствуют специальные работы, комплексно освещающие итоги индустриального развития трех национальных республик Среднего Поволжья – Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Вместе с Горьковской и Кировской областями они, начиная с конца декабря 1962 г. и вплоть до настоящего времени, входят в Волго-Вятский экономический район (далее – ВВЭР), который также называют Волго-Вятским регионом.

В статье на основе архивных данных и опубликованных статистических материалов, с учетом результатов, полученных отечественными исследователями проблемы, показывается, к каким позитивным последствиям для развития промышленности республик ВВЭР привела совнархозовская реформа. Основное внимание в статье уделено первому этапу административной реформы (1957–1962 гг.), когда существовали Марийский, Мордовский и Чувашский совнархозы, поскольку главные преимущества новой системы управления проявились именно в этот период. В то же время в ряде случаев приводятся данные и более позднего периода, поскольку новая территориальная система управления просуществовала до 1965 г. и многие статистические показатели народнохозяйственного развития республик даются в источниках по итогам семилетнего плана (1959–1965 гг.).

Предпосылки интенсификации промышленного строительства в республиках Волго-Вятского региона

Весной 1957 г. в Советском Союзе началось осуществление административной реформы, согласно которой управление промышленностью и строительством должно было реализовываться по территориальному принципу на основе экономических административных районов. Всего первоначально было образовано 70 территориальных районов, в каждом из которых создавался Совет народного хозяйства (совнархоз), отвечавший за руководство большей частью промышленных предприятий и строительных организаций, расположенных в пределах района. В том числе летом 1957 г. были образованы Марийский, Мордовский и Чувашский совнархозы. В силу ряда экономических и политических причин в декабре 1962 г. произошло укрупнение совнархозов, их количество сократилось до 24. Марийский, Мордовский и Чувашский совнархозы были ликвидированы, а три республики вошли во вновь образованный Волго-Вятский экономический район, будучи с этого времени подчинены Волго-Вятскому совнархозу. Однако уже во второй половине 1965 г. проведение совнархозовской реформы было свернуто, страна вернулась к отраслевой системе управления народным

промышленная и кадровая политика (1957–1962 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010; Минеев А.И. Чувашский совнархоз в 1957–1962 годы: организация, управление промышленностью, кадровый состав: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012; Минеев А.И., Сануков К.Н. Опыт формирования и развития советов народного хозяйства в РСФСР в 1950–1960-е годы (на материалах Чувашской и Марийской автономий) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 84–88; Щербакова Т.И. Влияние послевоенных экономических реформ на развитие Мордовской АССР и на характер взаимоотношений республики с союзным центром // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всерос. научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 416–423; Щербакова Т.И. Е.А. Веселовский в истории Мордовии: роль личности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 3 (23). С. 45–50 и др.

³ Русеев Е.В. Власть и общество Мордовии в условиях реформ середины 1950-х – первой половины 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004; Скворцова А.А. Промышленность и индустриальные кадры Чувашской АССР во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2012; Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР (50–80-е годы XX века): дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2004; Широков О.Н. Международная экономическая интеграция республик Волго-Вятского экономического района в 1949–1991 гг.: исторический опыт. Чебоксары, 2013 и др.

хозяйством. Ввиду непродолжительности периода существования совнархозов и противоречивости итогов их деятельности результаты и последствия реформы оцениваются в историографии неоднозначно.

К началу административной реформы все три республики представляли собой территории с преобладающим развитием сельского хозяйства. Несмотря на строительство ряда промышленных предприятий во время форсированной индустриализации 1930-х гг. и размещения в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны достаточно большого количества эвакуированных предприятий из восточных районов страны, республики продолжали серьезно отставать в промышленном отношении от среднероссийских показателей. Существовали и определенные препятствия для дальнейшего развития промышленности, особенно тяжелей, в виде отсутствия необходимых полезных ископаемых, слабого развития инфраструктуры, малочисленности рабочего класса, относительно большого процента малограмотного населения и др. Например, на начало 1959 г. в Мордовской АССР в городах проживало лишь 20,1 % жителей, в Чувашской АССР – 24,4 %, в Марийской АССР – 28,2 % населения⁴.

Переход к территориальной системе управления народным хозяйством активно способствовал ускорению индустриального развития Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Так, до создания совнархоза работникам Советов Министров автономных республик, в ведении которых находилась промышленность, большую часть времени приходилось уделять рассмотрению вопросов предприятий союзной и союзно-республиканской промышленности. В результате для управления объектами местной промышленности оставалось мало времени. Новая система управления нивелировала этот недостаток.

Расширение прав республик и передача территориальным совнархозам почти всей промышленности позволяло устранить наблюдавшиеся недостатки в специализации производства и кооперирования. Как отмечалось в историографии вопроса, возникали ситуации, «выходящие за границы здравого смысла». Например, заготовки на Шумерлинский мебельный комбинат в Чувашской АССР поставлялись с Дальнего Востока из г. Комсомольск-на-Амуре, дорабатываясь в г. Вологде, расположенной на Северо-Западе РСФСР, после чего в той же последовательности возвращались назад, продолжительное время колеся через всю страну. Этот же мебельный комбинат, несмотря на все многообразие лесных ресурсов Чувашии, использовал сырье из регионов Западной Сибири и Дальнего Востока. На Волжский древкомбинат в Марийской АССР поставлялась фанера, произведенная в Новгородской области. И это происходило, несмотря на наличие в близлежащем г. Зеленодольске фанерной фабрики – проблема заключалась в том, что она относилась к иному ведомству⁵.

Руководство совнархозов было прямо заинтересовано в комплексном решении проблем социального-экономического и культурного развития вверенных им территорий. Удачно об этом сказано в работе Т.И. Щербаковой:

Можно с уверенностью говорить о том, что ни до, ни после региональная промышленность не была направлена так полно на удовлетворение нужд местного населения, как в годы перестройки управления⁶.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: Статистический ежегодник. М., 1960. С. 35.

⁵ Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района... С. 279–280.

⁶ Щербакова Т.И. Влияние послевоенных экономических реформ на развитие Мордовской АССР и на характер взаимоотношений республики с союзным центром // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всерос. научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 420.

Неслучайно в качестве одной из главных причин ликвидации территориальной системы управления в дальнейшем будет указываться так называемое «местничество», когда совнархозы старались получить из центра больше ресурсов под менее напряженные планы, стремились обеспечить необходимой продукцией и сырьем свои предприятия, в ущерб выполнению общегосударственных заданий.

Быстрому индустриальному развитию республик на рубеже 1950–1960-х гг. способствовал проводившийся и в это время курс на выравнивание социально-экономических условий различных национальных регионов страны за счет модернизации их промышленного потенциала. Разрабатывая контрольные цифры развития народного хозяйства, Советы Министров и совнархозы автономных республик обращались к вышестоящим органам с просьбой учесть отставание уровня развития промышленности по сравнению с соседними регионами, а также со средними показателями по РСФСР, предлагали предусмотреть в планах развития максимальную помощь республикам в завершении строительства начатых предприятий, в реконструкции и расширении действовавших, в строительстве новых фабрик и заводов и подготовке технических кадров⁷.

Например, Совет Министров Марийской АССР в марте 1958 г. направил письмо в Совет Министров РСФСР с просьбой о помощи, где говорилось о том, что объем выпуска промышленной продукции республики в восемь раз меньше аналогичных показателей Татарской АССР и в пять раз – Кировской области. Ответом стало постановление российского правительства от 1 июня 1959 г. «О мерах помощи в дальнейшем развитии хозяйства и культуры Марийской АССР», предусматривавшее выделение значительных средств для решения неотложных вопросов, связанных с возведением и реконструкцией объектов промышленной инфраструктуры⁸. Аналогичное постановление в отношении Чувашской АССР Совет Министров РСФСР принял 30 июля 1959 г.⁹

Таким образом, следует иметь в виду, что позитивные изменения в развитии промышленности и строительства республик Волго-Вятского региона на рубеже 1950–1960-х гг. были обусловлены не только рассматриваемой реформой, но и воздействием ряда других факторов. В том числе большое значение имели личные качества и «политический вес» председателей Советов Министров автономных республик и первых секретарей обкомов КПСС, от деятельности которых во многом зависели размеры выделяемых финансовых средств и строительных ресурсов. В большинстве случаев совнархозы обращались в вышестоящие государственные органы для рассмотрения того или иного вопроса совместно с правительством республики или обкомом партии, и роль последних в развитии народнохозяйственного комплекса была велика как в период реализации совнархозной реформы, так и в последующие годы.

Развитие промышленного потенциала Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в период реформы

О развитии промышленного потенциала республик наглядно свидетельствуют данные табл. 1. Существенно увеличилась выработка промышленной продукции на душу населения, численность промышленно-производственного персонала и, главное, удельный вес республик в валовой продукции промышленности, подчиненной Волго-Вятскому совнархозу. Особенно заметный рост показателей наблю-

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 3. Л. 102–103.

⁸ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-8. Оп. 7. Д. 471. Л. 4.

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 13. Л. 12.

дался в Мордовской АССР, тогда как успехи индустриального развития Марийской АССР были гораздо скромнее (ее некоторые более высокие показатели объяснялись меньшей численностью населения).

Таблица 1

**Степень развития индустрии в республиках
Волго-Вятского экономического района в 1957–1962 гг.**

Республика	Удельный вес республик в валовой продукции промышленности, подчиненной Волго-Вятскому совнархозу		Выработка промышленной продукции на душу населения (вся промышленность), руб.		Промышленно-производственного персонала на тысячу населения, чел.	
	1957	1962	1957	1962	1958	1961
Марийская АССР	3,8	4,0	180,0	304,8	80,4	93,96
Мордовская АССР	3,5	6,0	112,0	297,5	36,9	57,97
Чувашская АССР	4,7	6,0	131,3	260,9	54,5	71,96

Источник: Лычагин В.А. Комплексное развитие промышленности экономического района и трудовые ресурсы. М., 1964. С. 36.

Table 1

**The degree of industry development in the national republics
of the Volga-Vyatka economic region in 1957–1962**

Republic	The share of the national republics in the gross production of industry subordinate to the Volga-Vyatka Economic Council		Production of industrial products per capita (all industry), rubles		Industrial and production personnel per thousand population, people	
	1957	1962	1957	1962	1958	1961
Mari ASSR	3.8	4.0	180.0	304.8	80.4	93.96
Mordovian ASSR	3.5	6.0	112.0	297.5	36.9	57.97
Chuvash ASSR	4.7	6.0	131.3	260.9	54.5	71.96

Source: Lychagin, V.A. *Kompleksnoe razvitie promyshlennosti ekonomicheskogo raiona i trudovye resursy* [Integrated industrial development of the economic region and labor resources] (Moscow: Mysl Publ., 1964), 36.

Важным показателем экономического развития регионов являлись темпы роста промышленности, в том числе крупной. К крупной промышленности относились предприятия с численностью всего занятого персонала не менее 16 человек при наличии двигателя или с числом персонала не менее 30 человек при отсутствии двигателя, а также все предприятия промышленных министерств (кроме районной промышленности и подсобных предприятий, для которых устанавливался общий ценз). Для отдельных отраслей промышленности (электростанции, мукомольная, крупяная) устанавливался специальный ценз¹⁰. Динамике темпов развития в советской статистике уделялось большое внимание: снижение темпов было своеобразным маркером нарастания негативных процессов в экономике.

Приведенные в таблицах 2 и 3 данные свидетельствуют о высоких темпах роста валовой продукции как всей промышленности автономных республик, так и крупной индустрии. При этом видно, что темпы роста промышленности в 1958–1961 гг. были заметно выше, чем в предшествующие годы (табл. 2). Также они превышали средние показатели по ВВЭР и РСФСР в целом, что объясняется, во-первых, интенсивностью промышленного строительства, а во-вторых, крайне слабым развитием индустрии республик в предшествующие годы. Кроме того, высокий количествен-

¹⁰ Народное хозяйство РСФСР: Статистический сборник. М., 1957. С. 66.

ный прирост обеспечивался, главным образом, за счет воздействия экстенсивных факторов: ввода новых предприятий, цехов и участков, роста числа работников. При этом интересны данные по темпам роста валовой продукции крупной промышленности: в Марийской и Чувашской АССР они примерно в 1,5 раза превышали аналогичные показатели по РСФСР в целом, однако значительно отставали от показателей Горьковской и Кировской областей, вследствие чего темпы роста валовой продукции крупной промышленности в автономных республиках были ощутимо ниже, чем в среднем по ВВЭР (табл. 3).

Таблица 2

**Темпы роста валовой продукции всей промышленности в республиках
Волго-Вятского экономического района в 1950-е – начале 1960-х гг., % к 1950 г.**

Республика	Годы							
	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
Марийская АССР	168	187	196	219	243	269	307	342
Мордовская АССР	149	152	156	183	208	258	320	353
Чувашская АССР	164	187	201	221	256	288	318	347
Волго-Вятский район	161	180	–	–	230	250	279	298
РСФСР	161	179	197	214	234	260	283	306

Источник: Народное хозяйство РСФСР: Статистический сборник. М., 1957. С. 112–113; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник. М., 1959. С. 65; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: Статистический ежегодник. М., 1960. С. 72; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году: Статистический ежегодник. М., 1962. С. 104.

Table 2

**The growth rate of gross production of all industry in the national republics
of the Volga-Vyatka economic region in the 1950s – early 1960s, % of 1950**

Republic	Years							
	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
Mari ASSR	168	187	196	219	243	269	307	342
Mordovian ASSR	149	152	156	183	208	258	320	353
Chuvash ASSR	164	187	201	221	256	288	318	347
Volga-Vyatka region	161	180	–	–	230	250	279	298
RSFSR	161	179	197	214	234	260	283	306

Source: *Narodnoe khozyaistvo RSFSR*: Statisticheskii sbornik (Moscow: Gosstatizdat Publ., 1957), 112–113; *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1958 godu*: Statisticheskii ezhegodnik (Moscow: Gosstatizdat Publ., 1959), 65; *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1959 godu*: Statisticheskii ezhegodnik (Moscow: Gosstatizdat Publ., 1960), 72; *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1961 godu*: Statisticheskii ezhegodnik (Moscow: Gosstatizdat Publ., 1962), 104.

Таблица 3

**Темпы роста валовой продукции крупной промышленности в республиках
Волго-Вятского экономического района в 1950–1960-е гг. в сравнении с 1913 г. (1913 г. = 1)**

Республика	Годы							
	1950	1955	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Марийская АССР	24	48	64	74	85	94	102	109
Мордовская АССР	12	19	27	35	43	48	55	64
Чувашская АССР	26	52	75	84	93	101	115	130
Волго-Вятский район	–	–	101	113	124	132	145	158
РСФСР	21	39	50	55	60	65	71	77

Источник: Народное хозяйство РСФСР: Статистический сборник. М., 1957. С. 106–107; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году: Статистический ежегодник. М., 1963. С. 54; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году: Статистический ежегодник. М., 1964. С. 78.

Growth rates of gross production of large industry in the national republics of the Volga-Vyatka economic region in the 1950s – 1960s, compared to 1913 (1913 = 1)

Republic	Years							
	1950	1955	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Mari ASSR	24	48	64	74	85	94	102	109
Mordovian ASSR	12	19	27	35	43	48	55	64
Chuvash ASSR	26	52	75	84	93	101	115	130
Volga-Vyatka region	–	–	101	113	124	132	145	158
RSFSR	21	39	50	55	60	65	71	77

Source: *Narodnoe khozyaistvo RSFSR: Statisticheskii sbornik* (Moskva: Gosstatizdat Publ., 1957), 106–107; *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1962 godu: Statisticheskii ezhegodnik* (Moskva: Gosstatizdat Publ., 1963), 54; *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1963 godu: Statisticheskii ezhegodnik* (Moskva: Statistika Publ., 1964), 78.

Показатель объема валовой продукции республик ВВЭР за годы семилетки вырос в Мордовской АССР в 2,85 раза, в Марийской АССР – в 2,23 раза, в Чувашской АССР – в 1,7 раза. При этом, в частности, выпуск продукции машиностроения и металлообработки вырос в Чувашии в 4 раза, в Марийской АССР – в 3,5 раза¹¹.

За всеми этими абстрактными цифрами скрывается история сотен новых и реконструированных старых предприятий. Для примера, в Чувашской АССР в эти годы в общей сложности строилось или расширялось около четырех десятков крупных предприятий. В 1958 г. первую промышленную партию продукции дал Чебоксарский завод электрических исполнительных механизмов (ныне АБС ЗЭИМ Автоматизация), к строительству которого приступили еще в 1956 г. В Чебоксарах были построены завод железобетонных конструкций и асфальтобетонный заводы; начато возведение Алатырского релейного завода (ныне завод «Электроприбор») и Чебоксарской чулочно-трикотажной фабрики.

В с. Ишлеи заработал машиностроительный завод по производству передвижных электростанций, позже получивший название Ишлейский завод высоковольтной аппаратуры (ИЗВА); начато строительство Ивановского завода силикатных стеновых материалов, первая очередь которого была запущена в 1961 г. В Алатыре приступили к строительству бумажной фабрики.

В 1960 г. было начато возведение Чебоксарского химического комбината (сейчас «Химпром», г. Новочебоксарск), выпустившего первую продукцию в 1964 г. Началось строительство Чебоксарского завода кабельных изделий «Чувашкабель» и Алатырского завода «Электроавтомат», первую продукцию они дали в декабре 1961 г. Были введены в эксплуатацию Вурманкасинский завод керамблоков и керамзита (ныне ОАО «Чебоксарская керамика») и Чебоксарский ремонтно-механический завод (ныне ОАО «Чебоксарский завод «Стройдормаш»), основан комбинат производственных предприятий (ныне ОАО «Железобетон»).

В 1961 г. начато строительство Чебоксарского завода текстильно-технологического оборудования «Текстильмаш». В Чебоксарах построен завод по ремонту легковых автомобилей и дорожной техники (ныне Чебоксарский авторемонтный завод), в Канаше – завод электропогрузчиков и авторемонтный завод¹². Кроме того, по всей Чувашии появилось множество небольших предприятий легкой и пищевой промышленности. Всего за семилетку было построено и пущено в ход 26 крупных

¹¹ Широков О.Н. Международная экономическая интеграция республик Волго-Вятского экономического района... С. 305.

¹² Чувашия древняя и вечно молодая. Книга-альбом / сост. Е.В. Касимов, С.Н. Кодыбайкин, Ф.Н. Козлов. Чебоксары, 2020. С. 76–80.

промышленных предприятий и более 100 новых цехов¹³. Ведущими отраслями специализации республики в первой половине – середине 1960-х гг. стали химическая и легкая промышленность.

Чувашия стала также центром электротехнической промышленности страны. К началу 1963 г. в ней производились почти все реле защиты, около 40 % магнитных станций и 31 % контакторов от общего количества, выпускаемых в РСФСР¹⁴.

В столице Мордовской АССР г. Саранске только за 1957–1962 гг. были построены такие крупные промышленные предприятия, как комбинат термоизоляционных материалов, заводы автосамосвалов, керамзитовых блоков, вакуумного стекла, специальных источников света, приборостроительный, ремонтно-механический, литейный, кирпичный и молочный заводы, макаронная и мебельная фабрики. В г. Рузаевка был введен в действие завод химического машиностроения, в г. Ардатов – ватная фабрика, в г. Инсар – лентоткацкая фабрика и маслосырзавод, в г. Краснослободск – прядильно-ткацкая фабрика, в г. Ковылкино – завод силикатного кирпича, в поселке Ромоданово – сахарный завод, в поселке Комсомольский – шиферный завод, в с. Ичалки – мебельная фабрика и др.¹⁵

Темпы роста промышленности в Мордовской АССР за годы семилетки составили 15 %, превысив среднероссийские показатели¹⁶. Если в 1958 г. удельный вес промышленности в общем выпуске продукции народного хозяйства республики составлял 47 %, то к 1965 г. он поднялся до 70 %¹⁷. Мордовия стала развитой индустриально-аграрной республикой, где промышленность являлась ведущей отраслью хозяйственного комплекса. Объем валовой продукции всей индустрии Чувашской АССР к 1964 г. по сравнению с 1958 г. увеличился в два раза, производительность труда выросла в 1,4 раза¹⁸. Чувашия, как и Мордовская АССР, превращалась в индустриально развитую национальную автономную республику.

Общим признаком для индустриального развития республик Волго-Вятского региона являлось то, что на передний план среди всех отраслей промышленности выдвигалось машиностроение. Крупными центрами машиностроительной, в первую очередь электротехнической и приборостроительной промышленности, стали города Йошкар-Ола, Саранск, Чебоксары, Алатырь, Канаш, Рузаевка и др. Значительные объемы наукоемкой продукции шли на экспорт в страны народной демократии и поддерживаемые Советским Союзом развивающиеся страны, что являлось свидетельством признания ее высокого технического уровня. Продукция электротехнической промышленности часто становилась участником международных выставок и ярмарок.

Серьезные усилия направлялись совнархозами на создание собственной энергетической базы, без чего было немислимо промышленное строительство. Между тем энергетическое хозяйство абсолютно во всех республиках Волго-Вятского ре-

¹³ Чувашской АССР 50 лет: сборник статей / ред. коллегия: И.П. Прокопьев и др. Чебоксары, 1970. С. 53.

¹⁴ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 28. Д. 531. Л. 11.

¹⁵ Ломшин М.Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957–1962 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. С. 46–47.

¹⁶ Щербакова Т.И. Влияние послевоенных экономических реформ на развитие Мордовской АССР и на характер взаимоотношений республики с союзным центром // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всерос. научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 420.

¹⁷ Русеев Е.В. Власть и общество Мордовии в условиях реформ середины 1950-х – первой половины 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. С. 18.

¹⁸ Бойко И.И., Харитонова В.Г., Захаров Д.А. История Чувашии новейшего времени. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 80.

гиона являлось в то время слабым звеном экономики. Мордовский совнархоз форсировал строительство в столице республики ТЭЦ-2 – уже в ноябре 1958 г. в эксплуатацию была сдана первая турбина, в 1959 г. – вторая¹⁹. За 1957–1962 гг. производство электроэнергии в Мордовии выросло со 173,7 до 560,0 млн кВт/ч.²⁰ В Чувашской АССР производство электроэнергии увеличилось со 117 млн кВт/ч в 1957 г. до 172,9 млн кВт/ч в 1960 г. и 237,3 млн кВт/ч в 1966 г.²¹; промышленность республики в середине 1960-х гг. потребляла более 60 % вырабатываемой электроэнергии²². Под управлением совнархозов была проделана большая работа по организации местных энергосистем, которые в первой половине 1960-х гг. были подключены к единой энергосистеме европейской части СССР.

Кроме того, в период деятельности Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов росли капитальные вложения, главным образом в промышленное строительство. В 1958–1962 гг. на возведение новых фабрик и заводов и расширение действовавших предприятий, подведомственных Чувашскому совнархозу, было направлено более 140 млн руб., введено в эксплуатацию более 450 тыс. кв. метров производственных площадей²³. В Мордовской АССР, благодаря активной деятельности председателя совнархоза Е.А. Веселовского, к 1961 г. ежегодный объем капиталовложений в республику вырос по сравнению с дореформенным периодом в три раза²⁴.

Совнархозы автономных республик активно пользовались своим правом по определению и изменению плановых показателей производства продукции, при этом все предложения с их стороны должны были согласовываться с Госпланом РСФСР и Советом Министров РСФСР. Так, в распоряжении Совета Министров РСФСР от 11 марта 1958 г. говорилось: «принять предложение Чувашского совнархоза об уменьшении ему на 1958 г. плана производства хозяйственного инструмента на сумму 587 тыс. руб. и увеличения плана производства товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода на 2023 тыс. руб. без изменения объема валовой и товарной продукции... Госплану РСФСР внести соответствующие изменения в народно-хозяйственный план по выпуску хозяйственного инструмента по РСФСР»²⁵. Подготавливая контрольные цифры развития народного хозяйства Чувашской АССР на 1959–1965 гг., Чувашский совнархоз вошел в Совет Министров РСФСР с рядом ходатайств по жизненно важным вопросам развития республики. Учитывая некоторое отставание уровня развития промышленности Чувашии по сравнению с соседними республиками и областями, а также со средними показателями по РСФСР, совнархоз предложил предусмотреть в перспективном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1959–1965 гг. максимальную помощь Чувашской АССР в завершении строительства начатых предприятий (заводов тракторных запасных частей, электроизмерительных приборов, электроисполнительных механизмов и др.), в реконструкции и расширении действовавших (Чебоксарского электроаппаратного завода, Шумерлинского мебельного комбината, Урмарской мебельной фабрики), в подготовке технических кадров и т. д.²⁶ Предложения совнархоза были учтены при принятии вышеупомянутого постановления от 30 июля 1959 г. «О мерах помощи в дальнейшем развитии хозяйства и культуры Чувашской АССР».

¹⁹ Щербакова Т.И. Е.А. Веселовский в истории Мордовии: роль личности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 3 (23). С. 47.

²⁰ Ломшин М.Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика... С. 92.

²¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-2490. Оп. 1. Д. 6. Л. 41–43.

²² Чувашия за 50 лет: статистический сборник. Чебоксары, 1970. С. 56.

²³ ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 94. Л. 1.

²⁴ Щербакова Т.И. Е.А. Веселовский в истории Мордовии: роль личности... С. 48.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 146-32. Л. 1.

²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-1806. Оп. 5. Д. 3. Л. 102–103.

В 1957–1962 гг. многие промышленные предприятия, подчинявшиеся Марийскому, Мордовскому и Чувашскому совнархозам, были укомплектованы новым оборудованием, промышленно-производственный персонал повысил квалификацию. К числу безусловных заслуг совнархозов следует отнести организацию и проведение общественных смотров, смотров-конкурсов по повышению технического уровня выпускаемых изделий, применению новейших технологических процессов, использованию производственных мощностей, наличию неустановленного оборудования, внедрению в производство достижений науки, техники и передового опыта.

В период функционирования Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов активно развивалась рационализаторская деятельность. Благодаря многочисленным новаторским предложениям удалось оптимизировать промышленное производство, повысить объем выпускаемой продукции, увеличить производительность труда и сроки службы отдельных деталей, сэкономить бюджетные средства и т. д. О существенном росте производительности труда в промышленности свидетельствуют следующие цифры: в Марийской АССР в 1965 г., по сравнению с 1958 г., она была на 62 % выше, в Мордовской АССР – на 58 %, в Чувашской АССР – на 50 %²⁷.

Влияние ускоренного промышленного строительства на социокультурное развитие республик Волго-Вятского региона

Следует отметить, что повышение уровня индустриального развития республик Волго-Вятского региона в рассматриваемый период сопровождалось изменениями в различных сферах жизни общества. Уровень урбанизации к концу 1965 г. повысился в Мордовской АССР до 29,4 %, в Чувашской АССР – до 31,3 %, в Марийской АССР – до 36,3 %²⁸, то есть примерно на 7–9 % за семь лет. Развитие городов сопровождалось расширением социальной и культурной инфраструктуры. Особенно динамично развивались столицы республик. В Йошкар-Оле, Саранске и Чебоксарах организовывались новые общественные пространства, устанавливались памятники культуры, что придавало уникальность облику городов и говорило об их столичном статусе.

С целью подготовки квалифицированных кадров для возводимых предприятий в республиках открывались новые учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования. Так, в 1957 г. на базе Мордовского государственного педагогического института имени А.И. Полежаева был создан Мордовский государственный университет. В г. Рузаевка Мордовской АССР в 1964 г. начали работу Рузаевский институт машиностроения – филиал Мордовского государственного университета и учебно-консультационный пункт Всероссийского заочного института инженеров железнодорожного транспорта. В столице Чувашской АССР в 1958 г. был открыт вечерний филиал Горьковского политехнического института, в 1961 г. – Волжский филиал Московского энергетического института (МЭИ), в 1967 г. реорганизованный в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Быстро росло число студентов, обучавшихся в техникумах и профессиональных училищах.

Также создавались специализированные научно-исследовательские и конструкторские технологические организации. Всесоюзной известностью пользовались Государственный научно-исследовательский институт источников света (затем Всесоюзный научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт источников света имени А.Н. Лодыгина) в Саранске и Чувашский

²⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: Статистический ежегодник. М., 1966. С. 71.

²⁸ Там же. С. 12.

электротехнический НИИ (впоследствии ВНИИР) в Чебоксарах, созданные соответственно в 1958 г. и 1960 г.

Рост численности городского населения происходил главным образом за счет постоянного притока жителей сельской местности, участвовавших в качестве рабочей силы на объектах производственной и непроизводственной инфраструктуры, и квалифицированных работников из других регионов, направляемых с профильных предприятий для организации деятельности новых заводов, или переехавших в республику ВВЭР после окончания профессиональных учебных учреждений. Ввиду этого росла потребность в увеличении масштабов жилищного строительства. Жилые дома для промышленных предприятий нередко возводились «хозяйственным способом», то есть силами фабрик и заводов за счет их собственных фондов, а также за счет сверхплановой прибыли совнархозов. Жилищному вопросу совнархозами уделялось первостепенное внимание, поскольку без жилья невозможно было привлекать рабочую силу. В том числе в известном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» уже в самом начале реализации совнархозной реформы, подчеркивалось, что «в деле расширения строительства жилищ, сокращения сроков и стоимости строительства приобретает повсеместно огромное значение почин трудящихся промышленных предприятий города Горького строить дома собственными силами, «методом народной стройки»²⁹.

Выводы

В республиках Волго-Вятского экономического района, как и в других регионах Советского Союза, несомненно, проявились и негативные стороны деятельности совнархозов, среди которых в первую очередь можно выделить слабый уровень развития кооперационных связей между различными экономическими районами, многоступенчатость управления и громоздкость центрального аппарата совнархозов, несбалансированность планирования продукции общего назначения, отсутствие должной координации в вопросах материально-технического снабжения и поставок и др. Однако в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, изначально отличавшихся невысоким уровнем промышленного развития и преобладанием аграрного сектора, данные недостатки и трудности в реализации реформы сказались в меньшей степени, чем это было характерно для страны в целом. Зато плюсы от новой системы управления проявились быстро. Реформа территориального управления стала мощным импульсом для ускорения развития Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Поскольку новая система планирования предполагала разработку основных плановых показателей на местах, это давало возможность территориальным совнархозам определять и ускорять темпы экономического развития республик, добиваясь привлечения инвестиций и их эффективного использования. Позитивный и прогрессивный опыт формирования и деятельности Марийского, Мордовского и Чувашского совнархозов представляется ценным для современного этапа развития региона.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.05.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 14.09.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.09.2023

²⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1957. № 9. Ст. 102.

References

- Biryayeva, A.V. “*Razvitie legkoi promyshlennosti v deiatel'nosti Soveta narodnogo khozyaistva MASSR (1957–1962 gg.)* [Development of light industry in the activities of the MASSR Council of National Economy (1957–1962)].” PhD diss., Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2019 (in Russian).
- Boiko, I.I., Kharitonova, V.G., and Zakharov, D.A. *Istoriia Chuvashii noveishego vremeni* [The history of modern Chuvashia. Book II. 1945–2005], bk. 2. Cheboksary: CHGIGN Publ., 2009 (in Russian).
- Lomshin, M.G. “Mordovskii sovnarkhoz: promyshlennaya i kadrovaya politika (1957–1962 gg.) [Mordovian Economic Council: Industrial and Personnel Policy (1957–1962)].” PhD diss., Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, 2010 (in Russian).
- Lychagin, V.A. *Kompleksnoe razvitie promyshlennosti ekonomicheskogo raiona i trudovye resursy* [Integrated development of the industry of the economic region and labor resources]. Moscow: Mysl Publ., 1964 (in Russian).
- Mineev, A.I., and Sanukov, K.N. “Opyt formirovaniya i razvitiya sovetov narodnogo khozyaistva v RSFSR v 1950–1960-e gody (na materialakh Chuvashskoi i Mariiskoi avtonomii) [Experience of formation and development of national economy councils in USSR in 1950–1960s (based on the examples of the Chuvash and Mari autonomies)].” *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 2 (2015): 84–88 (in Russian).
- Mineev, A.I. “Reformation of the management system of the RSFSR national economy in the second half of the 1950s – mid-1960s: the view of researchers of the late XX – the early XXI century.” *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, no. 3 (2022): 161–170 (in Russian).
- Ruseev, E.V. “Vlast' i obshchestvo Mordovii v usloviyakh reform serediny 1950-kh – pervoi poloviny 1960-kh gg. [The power and society of Mordovia in the conditions of reforms of the mid-1950s – the first half of the 1960s].” PhD diss., Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2004 (in Russian).
- Stepanov, V.R. “Industrial'noe razvitie respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v usloviyakh NTR (50 – 80-e gody XX veka) [Industrial development of the republics of the Volga-Vyatka economic region in the conditions of the NTR (50–80s of the XX century)].” PhD diss., Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, 2004 (in Russian).
- Shirokov, O.N. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v 1949–1991 gg.: istoricheskii opyt* [International economic integration of the Republics of the Volga-Vyatka Economic Region in 1949–1991: historical experience]. Cheboksary: Interaktiv plus Publ., 2013 (in Russian).
- Shcherbakova, T.I. “Vliyaniye poslevoennykh ekonomicheskikh reform na razvitie Mordovskoi ASSR i na kharakter vzaimootnoshenii respubliki s soyuznym tsentrom [The Impact of Post-War Economic Reforms on the Development of Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic and on the Nature of Relations of Republic With the Union Center].” In *Rossiiskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vseros. nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi stoletiyu nachala NEPa, 416–423*. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2021 (in Russian).
- Shcherbakova, T.I. “E. A. Veselovskii v istorii Mordovii: rol' lichnosti [E. A. Veselovsky in the history of Mordovia: the role of his personality].” *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*, no. 3 (2013): 45–50 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Игоревич Минеев, кандидат исторических наук, заведующий межфакультетской базовой лабораторией 1С, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 428015, Россия, Чебоксары, Московский пр-кт, 15; minalig@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>

Aleksey I. Mineev, PhD in History, Head of the Interfaculty Basic Laboratory 1C, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov; 15, Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russia; minalig@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>



СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
USSR ON THE EVE AND DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-612-628>
EDN: NWEATR

Научная статья / Research article

**Боевая подготовка личного состава
частей Московского военного округа в 1934–1940 гг.**

Адель Марсович Ситдиков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ adelsitdikov@mail.ru

Аннотация: Проведен анализ показателей, отражающих уровень боевой подготовки войск Московского военного округа в 1934–1940 гг. Рассмотрена организация процесса подготовки частей в качестве одной из главных составляющих эффективного обучения военному делу. Исследована совокупность данных по уровню выучки личного состава РККА и командиров штабов в рамках тактической и стрелковой подготовки. Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве. Сделан вывод, что в ходе реализации процесса боевой подготовки войск Московского военного округа были достигнуты определенные успехи, в частности, выросла одиночная подготовка бойцов и мелких подразделений, стабильные показатели фиксировались по результатам стрельб. Одновременно с этим постоянными проблемами являлись организация учебного процесса, дефицит квалифицированных кадров, наблюдались проблемы с уровнем тактической подготовки.

Ключевые слова: Красная Армия, боеспособность, обучение военному делу, строительство армии, Наркомат обороны

Для цитирования: Ситдиков А.М. Боевая подготовка личного состава частей Московского военного округа в 1934–1940 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 612–628. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-612-628>

**Combat Training of Personnel
of the Moscow Military District units in 1934–1940**

Adel M. Sitdikov

RUDN University, Moscow, Russia

✉ adelsitdikov@mail.ru

Abstract: The author analyzes the indicators reflecting the level of combat training of the units of the Moscow Military District in 1934–1940. There is considered the organization of the training process of units as one of the main components of effective military training. The data collection on the level of training of the Red Army personnel and headquarters commanders in the framework of tactical and marksmanship training is studied. The source base of the work was the office documents stored in the Russian State Military Archive. It is concluded that in the course of implementing the process of combat training of the Moscow Military District units, some progress was made. In particular,



individual training of soldiers and small units increased; the results of shooting improved. At the same time, there were constant problems, such as the organization of the training, the shortage of qualified personnel, as well as the level of tactical training.

Keywords: Red Army, combat effectiveness, military training, army building, People's Commissariat of Defense

For citation: Sitdikov, A.M. "Combat Training of Personnel of the Moscow Military District units in 1934–1940." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 612–628 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-612-628>

Введение

Современные геополитические условия, в которых существует Россия, требуют постоянного совершенствования ее вооруженных сил. Важным аспектом этого процесса является высокий уровень боевой подготовки. Изучение советского опыта и исторических уроков, возможно, позволит усовершенствовать ведущуюся в данном направлении работу.

В рамках советской историографии вопрос боевой подготовки личного состава РККА детально не изучался. Отдельные аспекты уровня квалификации и опыта советского командного состава перед началом Великой Отечественной войны были рассмотрены в работе А.П. Белобородова¹. Однако в задачи исследования не входило изучение рядового и младшего офицерского состава. Также министерство обороны СССР выпустило издание по истории Московского военного округа, в рамках которого только один из параграфов был посвящен боевой и политической подготовке войск в 1930-е гг.² Работа носит публицистический характер, и представленные в ней данные не позволяют сформировать полную картину состояния частей округа.

В современной отечественной историографии одним из первых проблему боевой подготовки личного состава РККА в 1930-е гг. исследовал Г.И. Герасимов, рассмотревший деятельность высших коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной армии в межвоенный период³. Ряд авторов дали оценку боеготовности частей РККА во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.⁴ Специальное внимание в литературе уделяется теме влияния политических репрессий на состояние боевой подготовки личного состава⁵. Также выделяется круг работ, посвященных рассмотрению вопросов военной подготовки по отдельным во-

¹ Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. А. П. Белобородова. М., 1963.

² Ордена Ленина Московский военный округ / под ред. В.Л. Говорова. М., 1977.

³ Герасимов Г.И. Деятельность высших коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии (1921 – июнь 1941 гг.). М., 1999.

⁴ Лазарев С.Е. Военные маневры 1935–1936 гг. и проблема боевой подготовки РККА // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). Т. II. С. 104–105; Бирюлин В.И., Куделина Д.В., Ларин О.М., Ларина О.Г. О некоторых причинах поражений Красной армии в начале Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. № 6. Т. 10. С. 228–241; Гарин Е.Е. Подготовка 91-й и 119-й стрелковых дивизий в предвоенный период 1940 – июнь 1941 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 95–99.

⁵ Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; Смирнов А.А. 1) Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 96–93; 2) К бою – не готовы. Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74–78; 3) РККА перед 37-м годом. М., 2022; 4) РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937. М., 2022; Иванов Н.М. Техническая грамотность бойцов Красной армии в 1930-х годах: стрелковое оружие и его использование // Вестник РГГУ. 2017. № 1 (22). С. 54–62.

енным округам: Киевского⁶, Белорусского⁷, Уральского⁸. При этом почти неисследованной остается проблема боевой подготовки войск Московского военного округа⁹, являвшегося одним из крупнейших в западной части СССР и сыгравшего ключевую роль в военных событиях осени – зимы 1941 г.¹⁰

Настоящее исследование призвано заполнить выявленную лауну. В статье проведен анализ совокупности данных, отразивших уровень боевой подготовки войск Московского военного округа (далее – МВО) в 1934–1940 гг. Именно в эти годы здесь происходил активный процесс изменения системы комплектования армии, переход от смешанного к кадровому принципу. Кроме того, на данном этапе значительно выросла численность личного состава РККА в целом¹¹, усложнение же военной техники обуславливало необходимость во все большем количестве квалифицированных кадров. Соответственно, **ставится цель** выяснить адекватность боевой подготовки военных МВО возросшим требованиям в условиях приближения войны, учитывая, что во второй половине 1930-х гг. основная масса личного состава округа была призвана в ряды Красной армии впервые.

Согласно указанной цели автором был проведен анализ совокупности данных по уровню выучки личного состава РККА и командиров штабов в рамках тактической и стрелковой подготовки как одних из главных маркеров боеготовности армии; рассмотрена организация самого процесса подготовки частей как необходимой составляющей эффективного обучения военному делу.

Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве в фондах Управления делами при Народном комиссаре обороны СССР (Ф. 4), Политического управления РККА (Ф. 9), Управления Киевского военного округа (Ф. 25880) и Управления боевой подготовки (Ф. 31983).

Руководство процессом боевой подготовки и его организация

Вопрос руководства боевой подготовкой, а также организации этого процесса в войсках являлся одним из краеугольных для РККА на протяжении всех 1930-х гг. Первоначально система подготовки в методическом отношении должна была быть выстроена в рамках вертикальной иерархии. Последняя предусматривала совместную подготовку программных документов и планов одновременно наркоматом обороны и Управлением боевой подготовки. Затем унифицированные материалы передавались в военные округа и личный состав обучался по единым стандартам.

⁶ Карпов В.Б., Жабровец И.В. Проблемы повседневной деятельности (боевой подготовки) войск на примере Киевского Особого военного округа // КЛИО. 2019. № 6. С. 130–136.

⁷ Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

⁸ Скитский Г. А. Проблемы боевой подготовки в территориальных частях Уральского военного округа в 30-е гг. // Вторые уральские военно-исторические чтения. Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 175–177.

⁹ Московский военный округ был образован 4 мая 1918 г. на территории Витебской, Калужской, Могилевской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской и Тульской губерний. В дальнейшем его территория расширялась. После 1929 г. округ включал в себя Нижегородский край (Нижегородская, Вятская губернии, а также Вотская автономная область, Марийская и Чувашская АССР), Московскую (Московская, Калужская, Тульская, Рязанская и Тверская губернии), Ивановскую (Ивановско-Вознесенская, Ярославская, Владимирская и Костромская губернии) и Центрально-Черноземную (Воронежская, Орловская, Курская и Тамбовская губернии) области. В начале Великой Отечественной войны части округа входили в состав Западного, Северо-Западного и Южного фронтов. См.: Военная энциклопедия: в 8-ми т. М., 2001. Т. 5. С. 273–276.

¹⁰ Встречается лишь упоминание некоторых фактов и статистических данных. См., например: Смирнов А.А. РККА: роковые ошибки...

¹¹ К 1935 г. численность армии достигла 930 тыс. чел.

Разработанная методика должна была обеспечить эффективное функционирование системы боевой подготовки личного состава РККА. Для контроля за результатами процесса обучения солдат создавались специальные инспекции, направлявшие в Управление боевой подготовки и Наркомат обороны свои отчеты о состоянии дел в военных округах страны.

Уже первые отчеты, направленные в центр в середине 1930-х гг., показывали, что в соединениях Московского округа распространение получили многочисленные срывы плановых занятий и общая дезорганизованность. Так, например, при упоре на тактическую подготовку часто забывали про огневую и стрелковую или наоборот¹². Даже подготовка самих командиров не была организована должным образом: данные по округу указывают на низкую посещаемость ими занятий (от 50 до 80 %), особенно в группах старшего начальствующего состава¹³. Об этом же во время выступления на Военном совете при НКО СССР в ноябре 1937 г. сообщал член Военного совета МВО комиссар Б.У. Троянker. В своем докладе он указал, что организация повседневной деятельности личного состава была на низком уровне, так как солдат постоянно направляли на не связанную с учебным процессом работу¹⁴. К примеру, во взводе 49-го полка 17-й стрелковой дивизии в июне 1938 г. из 150 выделенных на учебу часов реально пришлось лишь 50¹⁵.

Ситуация не изменилась в лучшую сторону и к концу 1930-х гг.: в отчете о боевой подготовке округа за 1939 г. указывалось на отсутствие должного контроля со стороны командиров за выполнением планов подготовки и что начальствующий состав не всегда был способен проводить качественные занятия с красноармейцами, а по показателю охвата учащихся они были далеко не полными¹⁶.

В 1940 г. наблюдалась практически та же ситуация. По итогам инспектирования частей округа комиссией были отмечены срывы и переносы занятий, а также плохая организация и низкое качество их проведения¹⁷.

Факты, фиксировавшиеся в Московском военном округе, не были уникальными. О проблемах с планированием боевой подготовки говорил на военном совете в 1937 г. комкор С.К. Тимошенко, командовавший тогда Харьковским военным округом. По его словам,

оперативным планированием учебного процесса никто не занимался, как на уровне окружного, так и дивизионного штабов¹⁸.

Те же проблемы были характерны и для Ленинградского военного округа. Центральные органы с опозданием присылали указания на места, в связи с чем программы приходилось менять уже в течение учебного процесса. Учебные задания старших штабов часто насаивались на учебные планы частей без учета уже пройденного по прежней программе материала и готовности комсостава оперативно перестроить учебный план¹⁹.

¹² Отчет по итогам боевой подготовки Московского военного округа в 1934 году // РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 127. Л. 114.

¹³ Там же. Л. 143.

¹⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: документы и материалы. М., 2006. С. 33–34.

¹⁵ Кулешова Н. Ю. Красная армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // Отечественная история. 2003. № 4. С. 76.

¹⁶ Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1939 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 146. Л. 10.

¹⁷ Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1940 г. // Там же. Д. 152. Л. 222.

¹⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 93.

¹⁹ Отчет о результатах боевой подготовки войск Ленинградского военного округа в 1936–1937 гг. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 114. Л. 42.

Неблагоприятная ситуация, связанная с реализацией процесса боевой подготовки в войсках, усугублялась репрессиями. По данным современной отечественной историографии в 1937–1938 гг., по политическим мотивам из РККА было уволено от 24 до 28 тыс. представителей командно-начальствующего состава²⁰.

В Московском военном округе за 1937 и 1938 гг. было уволено 5506 командиров, одновременно с этим в 1938 г. 1663 офицера были переброшены на Дальний Восток²¹. Некомплект командного и начальствующего состава округа к ноябрю 1938 г. составлял 2339 чел., или 27 % от штата²².

Решить кадровую проблему пытались двумя способами: либо выбывших командиров заменяли присланным из запаса составом других военных округов такого же звания, либо, что встречалось гораздо чаще, репрессированных офицеров заменяли молодые выдвиженцы. В этом и была главная проблема последствий репрессий и их влияния на боевую подготовку. На место командиров, которые и так не были достаточно подготовлены для организации эффективной системы подготовки, но имели хотя бы опыт служебной деятельности на своих должностях, приходили кадры, которые не имели не только специальной военной подготовки, но и должного опыта в руководстве процессами и людьми. Причем перебросить из округа в округ нужное число офицеров того же звания, что и у репрессированных командиров, нельзя было ввиду их недостаточного количества. При этом не выдвигать на новые должности молодых и неопытных командиров тоже было нельзя, потому что численность армии постоянно росла: только с 1939 по 1941 гг. численность РККА выросла с 1,5 до 5,5 млн чел.²³

В итоге к 1941 г. среди 945 исследованных биографий офицеров в должности от командующего войсками военного округа до командира стрелкового полка около 75 % имели стаж службы на занимаемой должности до одного года, меньше 6 % – более трех лет. Соответственно, средний возраст командиров также снизился: 84 % командующих войсками округов и армий были моложе 50 лет, а 53,9 % командармов имели возраст до 45 лет²⁴. При этом советское руководство в целом не считало такое омоложение проблемой. Например, как отмечал в своем дневнике болгарский политик Г.М. Дмитров, в ходе праздничного ужина в честь 60-летия маршала К.Е. Ворошилова секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин один из тостов посвятил молодым кадрам:

В других странах (особенно в Англии и Франции) держат молодые кадры по 20–25 лет и потом только допускают до всяких руководящих постов. В этом и кроется одна из причин провала Франции. Мы поступаем иначе – выдвигаем молодые кадры, иногда даже слишком смело. Мы выдвигаем их с удовольствием, с радостью²⁵.

Отдельная ситуация была с командирами запаса, с помощью которых замещались кадровые потери. К началу войны на учете офицеров запаса состояло 1 016 265 чел., но при этом абсолютное большинство из них – 79 % прошли краткосрочную подго-

²⁰ Степанов М.Г. Масштабы и последствия репрессий в РККА и РККФ (1937–1938 гг.) в отражении современной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). С. 157–158.

²¹ Доклады и справки о состоянии боевой подготовки и партийно-политической работы в войсках Московского военного округа в 1940 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 550. Л. 101.

²² Там же.

²³ Ипполитов Г.М. Из истории военного строительства в СССР (вторая половина 1930-х – июнь 1941 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 3 (16). С. 204.

²⁴ Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. А. П. Белобородова. М., 1963. С. 24.

²⁵ Застольные речи Сталина. Документы и материалы / под ред. В. А. Неvejeина. СПб., 2003. С. 241.

товку (курсы усовершенствования командиров запаса либо высшую вневойсковую подготовку)²⁶.

Как показывают данные, уровень организации боевой подготовки в частях был невысоким до 1937 г. Репрессии же еще более усложнили ситуацию, так как из-за обновления кадров относительно налаженный процесс на местах вновь пришлось перестраивать. Закономерно произошло снижение уровня руководства учебной личной состава.

Таким образом, вопросы руководства обучением войск, а также его методологические аспекты превратились в хроническую проблему Московского военного округа, который не был в этом смысле исключением. Отсутствие достаточного контроля со стороны высших чинов еще более ухудшало ситуацию, связанную с низким уровнем компетенции командиров, ответственных за подготовку кадров. В результате репрессий место уволенных командиров в большинстве случаев занимали молодые офицеры, не имевшие опыта в организации учебного процесса и контроля за деятельностью подчиненных.

Тактическая подготовка

Вопрос тактической подготовки являлся одним из самых важных в процессе обучения войск, и в его рамках были достигнуты определенные успехи. С середины 1930-х гг. в войсках отмечался качественный рост одиночной подготовки бойца, повышение внимания к отработке действий мелких подразделений и каждого рода войск в отдельности²⁷. Это было важным достижением, так как на протяжении всех 1930-х гг. военное руководство много времени уделяло формированию «самостоятельных боевых единиц», которые могли проявлять инициативу на поле боя и не ждать команд сверху, оперативно реагировать на изменение боевой обстановки. Причем относилось это не только к рядовому составу, но и к младшим и средним командирам. Наблюдался также рост слаженности и более эффективного взаимодействия всего общевойскового боевого порядка на поле боя²⁸.

Однако до высоких показателей тактической подготовки войскам было все же далеко. В качестве примера рассмотрим характерную ситуацию, сложившуюся на учениях 3-го стрелкового корпуса Московского военного округа весной 1935 г., которая показывает уровень тактической выучки войск. Под г. Гороховец 49-й стрелковый полк в авангарде 17-й стрелковой дивизии ударной группой совершал обход противостоящего ему полка 14-й стрелковой дивизии, даже не ведя разведки на фланге. Этим воспользовался командир дивизии Ж.И. Лаур, который своим полком второго эшелона нанес внезапный удар в тыл ударной группе 49-го стрелкового полка, разгромил ее и полковую артиллерию²⁹. Приведем еще один случай, также зафиксированный в округе. 14-я механизированная бригада, без предварительной разведки в ходе учений 22 сентября 1935 г. атаковала 50-ю стрелково-пулеметную бригаду своего же 5-го механизированного корпуса³⁰.

Анализ данных за первую половину 1930-х гг. показывает, что проблемы с тактической подготовкой в РККА являлись хроническими, причем не только в Московском округе, но и в войсках в целом. Как отмечает в своей работе А.А. Смирнов, такая ситуация прежде всего была связана с тем, что личный состав и командиров

²⁶ Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. А.П. Белобородова. М., 1963. С. 63.

²⁷ Отчет по итогам боевой подготовки войск МВО в 1934 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 127. Л. 8.

²⁸ Там же. Л. 17.

²⁹ Материалы учений частей Московского военного округа в 1934–1935 гг. // Там же. Оп. 3. Д. 72. Л. 257.

³⁰ Там же.

не погружали в обстановку реального боя и не приучали реагировать на постоянные изменения его условий. Исследователь ссылается на результаты инспектирования 2-м отделом штаба РККА весной 1935 г. войск Ленинградского, Московского, Белорусского, Украинского, Северо-Кавказского и Сибирского военных округов, в которых сообщается о неудовлетворительном уровне подготовки личного состава к сложным, кризисным ситуациям, возникавшим на поле боя³¹.

Начальник 2-го отдела Управления боевой подготовки А.И. Седакин по итогам проверки частей в том же году охарактеризовал тактическую подготовку следующей фразой:

Тактику большинство все еще изучает по старинке, избегая острых и сложных положений в завязке и развертывании боевых действий³².

На заседании Военного совета при наркомате обороны в декабре 1935 г. начальник Генерального штаба А.И. Егоров говорил практически о том же самом. В плане тактической подготовки войска по-прежнему демонстрировали отсутствие качественной организации разведки. Отсюда же вытекал плохой уровень взаимодействия не только между родами войск, но и между соседними соединениями. Не было отмечено хороших навыков наблюдения, войска не проявляли достаточной бдительности в ночное время. Соответственно, не была также организована эффективная противовоздушная оборона³³.

Пагубное влияние на боеспособность РККА оказывало и то, что при подготовке к маневрам и учениям все действия заранее отработывались путем репетиций. На вредность этой практики обратил внимание заместитель наркома обороны маршал М.Н. Тухачевский. В своем докладе № 01106 от 3 ноября 1936 г. он запрашал «всякого рода показательные учения с репетициями, проводимые по расписанию»³⁴.

В последующие годы ситуация не изменилась. В выступлениях командующего войсками Московского военного округа маршала С.М. Буденного и наркома обороны маршала К.Е. Ворошилова в 1937 г. на Военном совете при наркомате обороны тактическая подготовка также оценивалась как посредственная. Боевые порядки при наступлении не были отработаны и части наступали, как выразился С.М. Буденный, «табуном». Организовывать разведку войска так и не научились, так же как и понимать ее значение в бою³⁵.

Через год, в ноябре 1938 г., на следующем заседании Военного совета С.М. Буденный указал на то, что в тактическом отношении командный состав подготовлен не был, а командиры недостаточно понимали характер современного боя³⁶.

Окружные учения в Московском военном округе в 1937 г., описанные в отчете о результатах боевой подготовки части округа, вновь показали низкую тактическую выучку войск. Об этом сообщают данные из отчета о результатах боевой подготовки войск округа:

Взаимодействие частей организовывалось плохо, планирование боя отсутствовало или перекладывалось на нижестоящих командиров, разведка использовалась не всегда. Учения в очередной раз выявили серьезные недочеты в одиночной подготовке бойца и мелких подразделений. Командиры взводов и рот при обороне и наступлении часто терялись, управление нарушалось. Вести бой на окружение и уничтожение войска не умели. Форсировать речные преграды – тоже³⁷.

³¹ Смирнов А.А. РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937. М., 2022. С. 85–86.

³² Там же. С. 86.

³³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 30–31.

³⁴ Смирнов А.А. РККА: роковые ошибки... С. 131.

³⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 29–31.

³⁶ Военный совет при НКО СССР. 1938, 1940.: Документы и материалы. М., 2006. С. 192.

³⁷ Отчет о результатах боевой подготовки войск Московского военного округа в 1936–1937 гг. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 114. Л. 9.

Показательным является доклад о состоянии боевой подготовки частей и соединений РККА, инспектированных Управлением боевой подготовки в период с июля по сентябрь 1938 г. Проверкой были охвачены части Ленинградского, Белорусского, Киевского, Харьковского, Сибирского, Закавказского, Северокавказского, Московского и Приволжского военных округов. По данным инспекторов тактическая подготовка не имела по сравнению с предыдущим годом роста вообще. В отчете указывалось, что войска были недостаточно подготовлены для ведения современного боя:

Одиночная подготовка бойца была на неудовлетворительном уровне. В мелких подразделениях слаженность – посредственная, взаимодействия с соседями плохое. Осуществлять целенаправленное наступление войска не умели, а вести борьбу в окружении личный состав был не обучен³⁸.

Как в наступлении, так и в обороне возможные действия и силы противника не учитывались. Особенно этим пренебрегал младший командный состав. В «Докладе о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г.» говорилось, в частности, что бойцы

не умели правильно использовать огневые средства (ручные пулеметы, снайперов), не могли также ставить им посильные боевые задачи и отдавать правильно команды для открытия и прекращения огня. Боевые порядки применялись неумело. Отсутствовала быстрота и четкость действий при внезапном огневом нападении противника³⁹.

Следует отметить, что младший командный состав на поле боя в современных на тот момент реалиях ведения войны, вместе со средним комсоставом являлся главным связующим звеном между вышестоящим командованием и войсками. Фактически, как показал опыт вермахта в годы Второй мировой войны, грамотно обученный младший и средний командный состав мог являться важнейшим преимуществом в сражениях даже с численно превосходящим противником.

Отдельную оценку в докладе получил уровень взаимодействия родов войск:

Пехота и артиллерия до начала атаки поддерживали достаточный уровень взаимодействия, однако в динамике боя он сразу нарушался из-за потери связи. То же самое говорится и о совместных действиях артиллерии и танков⁴⁰.

В ходе инспектирования также были отмечены случаи, когда каждый отдельный род войск в ходе решения совместных задач войск действовал самостоятельно, не координируя свои шаги с соседями⁴¹. При этом нельзя не отметить, что к концу 1930-х гг. в плане тактической подготовки в войсках Московского округа наблюдался некоторый прогресс. Например, в докладе за 1939 г. указывалось, что

уровень подготовки командного состава несколько улучшился. Отработка тем проходила в поле и на картах групповым методом. Кроме того, командный состав закреплял свои знания на практических занятиях штабов и учениях с войсками в поле⁴². Удалось наладить за счет практических занятий взаимодействие пехоты с артиллерией и вывести его на хороший уровень⁴³.

Однако, как отмечалось в том же отчете, достигнутые результаты все равно не соответствовали запланированным. Серьезными тормозящими факторами в процессе обучения штабов являлись слабое укомплектование их штабными команди-

³⁸ Доклад о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г. // Там же. Д. 111. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

⁴¹ Доклады и справки о состоянии боевой подготовки и партийно-политической работы в войсках Московского военного округа в 1940 г. // Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 550. Л. 98.

⁴² Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1939 г. // Там же. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 146. Л. 12.

⁴³ Там же. Л. 26.

рами и большая текучесть кадров. В соединениях отсутствовали батальоны связи. Кроме того, основным недостатком в командирской подготовке являлись плохая организация и низкое качество проведения занятий в некоторых частях. В зимний период было мало практических занятий в поле, больше занимались в классах по картам. При отработке тем «преимущество отдавалось вопросам статистики и мало уделялось внимания вопросам динамики боя», что также было характерной чертой учебы во многих округах⁴⁴.

Отчет 1940 г., к сожалению, не содержит информации о прогрессе в вопросе организации военной подготовки в Московском округе. В нем отмечался недостаток в отработке взаимодействия соединений, командиров рот и взводов, практики по управлению подразделениями в ближнем бою. Также не выдерживались боевые порядки в наступлении. В отчете, в частности, указывалось следующее:

Подразделения вытаскивались в линию, при этом закрывали огонь своих пулеметов, исключалась возможность маневра из глубины»⁴⁵.

Все это накладывалось на плохую организацию и низкое качество проводимых занятий⁴⁶. Причем ситуация была настолько серьезной во всех округах, что на нее обратил внимание новый нарком обороны С.К. Тимошенко, который в августе 1940 г. потребовал срочно устранить недочеты, многие из которых являлись системными⁴⁷.

Таким образом, материалы показывают, что недостатки в тактической подготовке фактически стали хронической проблемой, которую советскому военному руководству не удалось решить на протяжении всей второй половины 1930-х гг. Более того, уровень тактической подготовки был нестабильным, а к концу 1930-х гг. вообще снизился. Войска так и не овладели навыком ведения постоянной разведки, ее использования при наступлении или обороне. Не удалось организовать и грамотное взаимодействие на поле боя, причем не только между разными родами войск, но и между соединениями одного и того же типа. Управление боем также не стало сильной стороной командиров: нестандартный подход к решению задач повсеместно заменялся шаблонами, а при осложнении условий боя части и их командиры терялись, и не могли эффективно выполнять свои задачи.

Стрелковая подготовка

Огневое дело являлось в РККА на протяжении 1930-х гг. практически во всех округах тем аспектом боевой подготовки, показатели которого были несколько лучше других. Лучше личный состав овладел стрельбой из винтовок, хуже – автоматическим огнем из пулеметов.

Данные из отчета о боевой подготовке показывают, что к 1934 г. части Московского округа продемонстрировали прогресс результатов стрельб. В табл. 1 приводятся оценки выполнения одних и тех же стрелковых задач, оцененных по курсу стрельб 1932 г. 2-го издания и новому курсу того же года 3-го издания.

Разные методы оценки стрельбы по курсу стрельб 1933 и 1934 гг. не позволяют сравнить итоги стрелковой подготовки по результатам, тем не менее данные таблицы 1 свидетельствуют о более ровной огневой подготовке частей в 1934 г. по

⁴⁴ Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1939 г. // Там же. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 146. Л. 13–14.

⁴⁵ Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1940 г. // Там же. Д. 152. Л. 222.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 1.

сравнению с предшествовавшим периодом. Особенно важным оказалось такое достижение, как увязка огневого дела с тактикой и улучшение взаимодействия с артиллерией. Отмечалось также, что

в частях удалось развить снайперское дело и создать несколько специализированных команд снайперов, которые показали на проверочных стрельбах хорошие результаты⁴⁸.

Таблица 1

**Результаты инспекторских стрельб
частей Московского военного округа в 1933/1934 учебном гг.**

Стрелявшая часть	Результаты инспекторских стрельб 1933 г. из винтовок по оценке КС-32 изд. 2-е		Результаты инспекторских стрельб 1933 г. из винтовок по оценке КС-32 изд. 3	
	%	Оценка	Баллы	Оценка
19-я стрелковая дивизия	143,7	Отлично	4	Хорошо
14-я стрелковая дивизия	116,6	Хорошо	3	Удовлетворительно
Школы ВЦИК	137,2	Отлично	4	Хорошо

Источник: Отчет по итогам боевой подготовки войск МВО в 1934 году // РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 127. Л. 22.

Table 1

**The results of the inspection firing of units
of the Moscow Military District in the 1933/1934 academic year**

Inspected unit	The results of the 1933 inspection firing of rifles according to the assessment of the KS-32 2nd edition		The results of the 1933 inspection firing of rifles according to the assessment of the KS-32 ed. 3	
	%	Mark	Points	Mark
The 19 th Rifle Division	143.7	Excellent	4	Good
The 14 th Rifle Division	116.6	Good	3	Acceptable
Schools of VTsYK	137.2	Excellent	4	Good

Source: Report on the results of combat training of the MVO troops in 1934 // RGVA, f. 31983, op. 2, d. 127, l. 22.

При этом в плане организации стрельб в некоторых частях существовал ряд проблем. Например, в вышеуказанном отчете отмечено, что в 1934 г. в 5-м механизированном корпусе МВО занятия по стрельбе не проводились на систематической основе. Задачи отрабатывали 5–6-дневными сборами с перерывом в 8–10 дней. Во время перерывов регулярных занятий по огневому делу не велось, что не обеспечивало постоянной тренировки. В дни же сборов занятия шли почти исключительно по огневому делу, что утомляло личный состав и не давало должной продуктивности. Кроме того, не всегда проводились все подготовительные упражнения на приборах без стрельбы боевыми патронами. Это вело к перерасходу боевых патронов. В частях корпуса не доставало вспомогательных приборов⁴⁹.

К 1936 г. результаты огневой подготовки во многих округах снизились. Показатели стрельб частей Харьковского, Киевского, Белорусского и Московского военных округов на совещании в Управлении боевой подготовки РККА 27 июля 1936 г. оценивались «неудовлетворительно»⁵⁰. Формально 30 % учебного времени отводи-

⁴⁸ Отчет по итогам боевой подготовки войск МВО в 1934 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 127. Л. 23.

⁴⁹ Материалы о состоянии боевой подготовки и партийно-политической работы в войсках Московского военного округа в 1933–1934 гг. // Там же. Д. 170. Л. 77.

⁵⁰ Материалы инспектирования военных округов в 1936 г. // Там же. Оп. 3. Д. 101. Л. 323–322.

лись именно огневой подготовке, но во время занятий большое количество представителей личного состава бездействовало. Особенно мало внимания уделялось стрелковой подготовке со стороны командиров дивизий и полков⁵¹. Средние баллы на контрольных стрельбах летом того года показали следующие результаты: винтовка – 3,49; ручной пулемет – 3,16; станковый пулемет – 3,37; револьвер – 3,18⁵².

В последние два – три года части Московского военного округа демонстрировали хороший рост, однако к 1936 г. показатели вновь ухудшились. Частично это было связано с плохим материальным обеспечением стрелковой подготовки. Командующий войсками округа С.М. Буденный сообщал, что в местах расположения частей не было ни одного стрельбища, которое бы отвечало современным на тот момент курсам стрельб, из-за чего войскам приходилось ездить на стрельбище в подмосковный Наро-Фоминск, что занимало дополнительное время, отвлекая бойцов от учебы⁵³. Зимние же стрельбища и вовсе отсутствовали⁵⁴, что сказывалось на стрелковой подготовке, показатели которой отображены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты инспекторских стрельб частей Московского военного округа в 1937 г.

Стрелявшая часть	Винтовка	Ручной пулемет	Станковый пулемет
17-я стрелковая дивизия	3,2	2,4	2,3
14-я стрелковая дивизия	2,8	2,0	1,77
6-я стрелковая дивизия	Неуд	Неуд	Неуд
49-я стрелковая дивизия	Неуд	Неуд	Неуд
84-я стрелковая дивизия	Неуд	Неуд	Неуд

Источник: Отчет о результатах боевой подготовки войск Московского военного округа в 1936–1937 гг. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 114. Л. 31.

Table 2

The results of the inspection firing of units of the Moscow Military District in the 1937

Inspected unit	Rifle	Light machine gun	Heavy machine gun
17th Rifle Division	3.2	2.4	2.3
14th Rifle Division	2.8	2.0	1.77
6th Rifle Division	Unacceptable	Unacceptable	Unacceptable
49th Rifle Division	Unacceptable	Unacceptable	Unacceptable
84th Rifle Division	Unacceptable	Unacceptable	Unacceptable

Source: Report on the results of combat training of the troops of the Moscow Military District in 1936–1937 // RGVA. F. 31983, op. 3, d. 114, l. 31.

Как видно из показателей табл. 2, в трех частях из пяти результаты были неудовлетворительными, а в оставшихся двух – близкие к неудовлетворительным. Традиционно несколько лучше были результаты стрельбы из винтовки, однако и они были далеки от оптимальных.

Проблемы с огневой подготовкой в округе наблюдались и в дальнейшем. Как сообщается в «Докладе о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г.», по результатам проверки войсковых частей № 5722 и 4464 Московского военного округа

⁵¹ Материалы инспектирования военных округов в 1936 г. // Там же. Оп. 3. Д. 101. Л. 323–322.

⁵² Там же. Л. 33.

⁵³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: документы и материалы. М., 2006. С. 31.

⁵⁴ Отчет о результатах боевой подготовки войск Московского военного округа в 1936–1937 гг. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 114. Л. 12.

в октябре 1938 г. был издан приказ, в котором сообщалось, что «основные планы, спущенные в округа из НКО в 1938 г. выполнены не были»⁵⁵.

Как отмечалось в приказе, по всем видам огневой подготовки части показали «исключительно плохие результаты»:

Личный состав устройство своего оружия знал плохо. На занятиях по стрелковому делу учебные приборы не использовались. Качество ремонта оружия было недостаточно хорошим, так как оружейные мастерские за состояние оружия не следили⁵⁶.

Все это привело к тому, что красноармейцы проинспектированных частей не укладывались в положенное для стрельбы время, медленно заряжали и разряжали винтовки, не умели пользоваться ремнем и упором, не умели маскироваться и выбирать место для стрельбы, определять расстояние и переносить огонь с одной цели на другую⁵⁷.

В других частях округа в том же году ситуация во много была схожая. В табл. 3 приведены данные еще по четырем инспектированным соединениям.

Таблица 3

Результаты инспекторских стрельб частей Московского военного округа в 1938 г.

Вид оружия	Номер соединения			
	4422	4464	5401	5722
Винтовка, %	60,6	61,9	60,0	48,8
Ручной пулемет, %	49,2	51,5	64,0	40,0
Станковый пулемет, %	50,4	56,7	90,0	64,0
Револьвер «наган», %	7,3	68,0	-	66,1
Общий %	41,9	55,2	71,3	51,8

Источник: Доклад о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 111. Л. 12.

Table 3

The results of the inspection firing of units of the Moscow Military District in the 1938

Type of weapon	Unit number			
	4422	4464	5401	5722
Rifle, %	60.6	61.9	60.0	48.8
Light machine gun, %	49.2	51.5	64.0	40.0
Heavy machine gun, %	50.4	56.7	90.0	64.0
Revolver «nagan», %	7.3	68.0	-	66.1
Total %	41.9	55.2	71.3	51.8

Source: Report on the state of combat training of the Red Army in 1938 // RGVA. F. 31983, op. 3, d. 111, l. 12.

Как видно из табл. 3, практически во всех инспектированных частях статистика выполнения показателей по стрельбе была близка к 60 %. Хуже всего они были по ручным и станковым пулеметам, что было связано прежде всего с отсутствием правильной методики обучения личного состава автоматическому огню. Дело в том, что часто для сбережения патронов бойцов учили стрелять из пулеметов одиночными и когда дело доходило до стрельбы очередями, то бойцы не были в состоянии удерживать оружие.

⁵⁵ Доклад о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г. // Там же. Д. 111. Л. 231.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

Кроме того, имелись проблемы и с материальной частью. В докладе о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г. указывалось, что большой процент оружия не был приведен к нормальному бою и содержание его было плохим⁵⁸.

Похожая ситуация была и в других округах. Результаты по отдельным видам оружия колебались: по винтовке – от 36,6 до 68,3 %; по ручному пулемету – от 8 до 67 %; по станковому пулемету – от 50 до 89 %⁵⁹.

К основным причинам такого положения дел в данном случае можно отнести прежде всего неудовлетворительные показатели по огневой и методической подготовке всех категорий командного состава, отсутствие в частях стрелковых активов (снайперских команд и отличников), а если они были, то работа с ними не велась. Кроме того, отсутствовала индивидуальная отработка ошибок бойцов, а с отстающими должной работы не велось. Стрелковые приборы правильно не использовались. Как отмечалось в докладе, «подготовка бойцов велась, главным образом, на стрельбах боевыми патронами без предварительной отработки подготовительных к стрельбе упражнений, твердого изучения материальной части, баллистики, правил и приемов стрельбы»⁶⁰. Последний пункт стал частным явлением к концу 1930-х гг., когда командиры начали обучать личный состав за счет растраты боевых патронов, не проводя всей необходимой предварительной работы.

Стоит, однако, отметить, что к 1939 г. показатели стрельб в Московском округе в некоторых частях улучшились. Обратимся к табл. 4.

Как видно из табл. 4, наиболее высоких результатов части добились в стрельбе из винтовок и станковых пулеметов. Самым слабым местом в огневой подготовке частей округа являлась стрельба из ручных пулеметов. Связано это было с традицией при обучении ручных и станковых пулеметчиков стрелять одиночными выстрелами, ввиду чего при автоматическом огне стрелки не могут удерживать пулемет. Прежней проблемой оставалось превалирование теоретического обучения над практическим. Мало занимались гранатометанием и практическим изучением материальной части гранаты⁶¹.

Таблица 4

Результаты инспекторских стрельб частей Московского военного округа в 1939 г.

Вид оружия	Время поверки	84-я стрелковая дивизия	17-я стрелковая дивизия	1-я стрелковая дивизия
Винтовка	1938	60 – плохо	61,9 – плохо	48,8 – плохо
	1939	90 – хорошо	93 – отлично	85,8 – хорошо
Рост к 1938 г., %		30	31	37
Ручной пулемет	1938	64 – плохо	51,5 – плохо	40,0 – плохо
	1939	79,3 – посредственно	84,4 – посредственно	80,9 – посредственно
Рост к 1938 г., %		15,3	32,9	36,5
Станковый пулемет	1938	90 – хорошо	56,7 – плохо	64 – плохо
	1939	92,3 – отлично	97,9 – отлично	90,5 – отлично
Рост к 1938 г., %		12,0	41,2	26,5
Револьвер	1938	64 – плохо	68 – плохо	66,1 – плохо
	1939	87,1 – хорошо	86,3 – посредственно	80 – посредственно
Рост к 1938 г., %		23,1	22	13,0
Общая оценка		Хорошо	Хорошо	Хорошо

Источник: Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1939 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 146. Л. 17.

⁵⁸ Доклад о состоянии боевой подготовки РККА в 1938 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 111. Л. 12.

⁵⁹ Там же. Л. 11.

⁶⁰ Там же. Л. 12–13.

⁶¹ Отчет о состоянии боевой подготовки РККА в 1939 г. // Ф. 31983. Оп. 3. Д. 146. Л. 19.

Table 4

The results of the inspection firing of units of the Moscow Military District in the 1939

Type of weapon	Year of inspection	The 84 th Rifle Division	The 17 th Rifle Division	The 1 st Rifle Division
Rifle	1938	60 – bad	61.9 – bad	48,8 – bad
	1939	90 – good	93 – excellent	85,8 – good
Growth to 1938, %		30	31	37
Light machine gun	1938	64 – bad	51.5 – bad	40,0 – bad
	1939	79.3 – pass	84.4 – pass	80,9 – pass
Growth to 1938, %		15,3	32.9	36.5
Heavy machine gun	1938	90 – good	56.7 – bad	64 – bad
	1939	92.3 – excellent	97.9 – excellent	90,5 – excellent
Growth to 1938, %		12,0	41.2	26.5
Revolver	1938	64 – bad	68 – bad	66,1 – bad
	1939	87.1 – good	86.3 – pass	80 – pass
Growth to 1938, %		23,1	22	13.0
Total mark		Good	Good	Good

Source: Report on the state of combat training of the Red Army in 1939 // RGVA. F. 31983, op. 3, d. 146, l. 17.

К 1940 г. ситуация ухудшилась, что, например, подтверждают данные об уровне боевой подготовки частей Московского военного округа в мае 1940 г. Обратимся к данным табл. 5.

Таблица 5

Результаты инспекторских стрельб частей Московского военного округа в 1940 г.

Наименование части	Огневая подготовка	Остальные дисциплины	Общая оценка
Особая кавбригада НКВД	Отлично	Хорошо	Хорошо
1-я мотострелковая дивизия	Посредственно	Посредственно	Посредственно
144-я стрелковая дивизия	Плохо	Посредственно	Плохо
210-й запасной стрелковый полк	Плохо	Посредственно	Плохо
137-я стрелковая дивизия	Посредственно	Посредственно	Посредственно
84-я стрелковая дивизия	–	–	Плохо
172-я стрелковая дивизия	Плохо	Посредственно	Плохо

Составлено по: Доклады и справки о состоянии боевой подготовки и партийно-политической работы в войсках Московского военного округа в 1940 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 550. Л. 148–149.

Table 5

The results of the inspection firing of units of the Moscow Military District in the 1940

Name of the unit	Gun training	Other disciplines	Total mark
Special Cavalry Brigade of the People's Commissariat of Defense	Excellent	Excellent	Excellent
The 1 st Motorized Rifle Division	Pass	Pass	Pass
The 144 th Rifle Division	Bad	Pass	Bad
The 210 th Reserve Rifle Regiment	Bad	Pass	Bad
The 137 th Rifle Division	Pass	Pass	Pass
The 84 th Rifle Division	–	–	Bad
The 172 th Rifle Division	Bad	Pass	Bad

Based on: "Reports and certificates on the state of combat training and party-political work in the troops of the Moscow Military District in 1940," RGVA. F. 9, op. 29, d. 550, l. 148–149.

Как видно из табл. 5, слабыми разделами в боевой подготовке войск оставались стрельба из ручного пулемета и личного оружия начальствующего состава; в рамках тактической подготовки слабо были отработаны вопросы взаимодействия и вопросы ближнего боя.

Анализ данных показывает, что организовать процесс стабильной огневой подготовки в частях Московского военного округа не получилось, так же, как и не удалось этого сделать и в других округах. Связано это было с целым комплексом причин, среди которых можно выделить две основных: недостаточный уровень методической подготовки командиров и неудовлетворительный уровень материального обеспечения огневой подготовки.

Выводы

Боевая подготовка войск Московского военного округа являлась сложным и комплексным процессом, в котором на протяжении исследованного периода наблюдались как успехи, так и неудачи.

С середины 1930-х гг. в войсках отмечался качественный рост одиночной подготовки бойца, повышение внимания к отработке действий мелких подразделений и каждого рода войск в отдельности⁶². Наблюдался также рост слаженности и более эффективного взаимодействия всего общевойскового боевого порядка на поле боя. В частях шло активное освоение новых видов стрелкового оружия, личный состав демонстрировал стабильные показатели в ходе контрольных стрельб.

Если же говорить о результатах тактической подготовки войск в целом, то они были скромными. Показатели Московского округа находились на уровне оценки «удовлетворительно». Тактическая подготовка была особенно проблемным аспектом на протяжении всего изученного периода, и привести ее к стабильному уровню так и не получилось. Результаты по стрелковой подготовке были лучше, но не всегда части показывали стабильный прогресс. Кроме того, стрельба из автоматического оружия не была освоена на должном уровне.

Одной из главных проблем в войсках являлась методика и организация процесса боевой подготовки. Ухудшали ситуацию и последствия репрессий, которые выразились прежде всего в радикальном обновлении кадров и их нехватке. Недоработки прослеживались по всей вертикали военного руководства. Наркоматы и управление боевой подготовки могли задерживать выпуск методических материалов или не выделять в нужном объеме средства. В свою очередь, командующие округов в большинстве своем не считали нужным организовывать постоянный контроль над освоением учебных планов и программ, а также помогать частям с должной организацией учебного процесса. Нижестоящие офицеры, которые уже непосредственно руководили боевой подготовкой на местах, не имели достаточного опыта и знаний. В совокупности это порождало такую ситуацию, когда из года в год в одних и те же частях наблюдались одни и те же остававшиеся без своего решения проблемы. Исправлять эти ошибки советскому военному руководству предстояло уже в годы Великой Отечественной войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.09.2023

⁶² Отчет по итогам боевой подготовки войск МВО в 1934 г. // РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 127. Л. 8.

References

- Anfilov, V.A. *Doroga k tragedii sorok pervogo goda* [The road to the tragedy of the forty-first year]. Moscow: Akopov Publ., 1997 (in Russian).
- Beloborodov, A.P. *Voennye kadry sovetskogo gosudarstva v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Military personnel of the Soviet state in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Voenizdat Publ., 1963 (in Russian).
- Biryulin, V.I., Kudelina, D.V., Larin, O.M., and Larina, O.G. “Some reasons for the defeats of the Red Army at the beginning of the Great Patriotic War.” *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* 10, no. 6 (2020): 228–241 (in Russian).
- Bobylev, P.N. *Voennyi sovet pri NKO SSSR. 1938, 1940: Dokumenty i materialy* [The Military Council under the NGO of the USSR. 1938, 1940.: Documents and materials]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006 (in Russian).
- Garin, E.E. “Training of the 91st and 119th Infantry Divisions in the pre-war period of 1940 – June, 1941.” *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, no 4 (2021): 95–99, <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-4-95-99> (in Russian).
- Gerasimov, G.I. *Deiatel'nost' vysshikh kollegial'nykh organov po povysheniiu boesposobnosti Krasnoi Armii (1921 – iun' 1941 gg.)* [Activities of the supreme collegial bodies to improve the combat capability of the Red Army (1921 – June 1941)]. Moscow: Voennyi universitet Publ., 1999 (in Russian).
- Govorov, V.L. *Ordена Lenina Moskovskii voennyi okrug* [Order of Lenin Moscow Military District]. Moscow: Military Publ., 1977 (in Russian).
- Ivanov, N. M. “Technical skills of the Red Army soldiers in the 1930s. Hand arms and their use.” *Vestnik RGGU*, no. 1 (2017): 54–62 (in Russian).
- Ippolitov, G.M. “Iz istorii voennogo stroitel'stva v SSSR (vtoraia polovina 1930-kh – iun' 1941 g.) [From the history of military construction in the USSR (the second half of the 1930s – June 1941)].” *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*, no. 3 (2014): 201–210 (in Russian).
- Karpov, V.B., Zhabrovets, I.V. “Problems of daily activity (combat training) of troops on the example of the Kiev special military district.” *CLIO*, no. 6 (2019): 130–136 (in Russian).
- Knyazkov, A.S. *Voennyi sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. Noiabr' 1937 goda: dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR. November 1937: documents and materials]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006 (in Russian).
- Kuleshova, N.Yu. “The Red Army in the Late 1930s: The Problem of Combat Efficiency and the Daily Routine.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 4 (2003): 60–83 (in Russian).
- Lazarev, S.E. “Military maneuvers of 1935–1936 and the problem of combat training of the Red Army [Military maneuvers of 1935–1936 and the problem of combat training of the Red Army].” *Molodoi uchenyi* 2, no. 5 (2010): 103–106 (in Russian).
- Mazurkevich, R.V. *Voennyi sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. Dekabr' 1935 g: Dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR. December 1935: Documents and materials]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2008 (in Russian).
- Mil'bah, V.S. *Osobaia Krasnoznamennaia Dal'nevostochnaia armiya (Krasnoznamennyi Dal'nevostochnyi front). Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava, 1937–1938 gg.* [Special Red Banner Far Eastern Army (Red Banner Far Eastern Front). Political repressions of the commanding staff, 1937–1938]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007 (in Russian).
- Nevezhin, V.A. *Zastol'nye rechi Stalina. Dokumenty i materialy* [Stalin's table speeches. Documents and materials]. St. Petersburg: AIRO-XX Publ., 2003 (in Russian).
- Skipskiy, G.A. “Problemy boevoi podgotovki v territorial'nykh chastiakh Ural'skogo voennogo okruga v 30-e gg. [Problems of combat training in the territorial units of the Ural Military District in the 30s]” *Vtorye ural'skie voenno-istoricheskie chteniia. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii*, 175–177. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo Publ., 2000 (in Russian).
- Smirnov, A.A. “Bol'shie manevry [Big maneuvers].” *Rodina*, no. 4. (2000): 93–96 (in Russian).
- Smirnov, A.A. “K boiu – ne gotovy. Armia marshala Bliukhera nakanune 1937 goda [Do not ready for battle. Marshal Blucher's Army on the eve of 1937].” *Rodina*, no. 9 (2000): 74–78 (in Russian).
- Smirnov, A.A. *RKKA pered 37-m godom* [Red Army before the 37th year]. Moscow: Veche Publ., 2022 (in Russian).

Smirnov, A.A. *RKKA: rokovye oshibki v stroitel'stve armii 1917–1937* [Red Army: fatal mistakes in the construction of the army 1917–1937]. Moscow: Veche Publ., 2022 (in Russian).

Stepanov, M.G. “Masshtaby i posledstviia repressii v RKKA i RKKF (1937–1938 gg.) v otrazhenii sovremennoi rossiiskoi istoriografii [The scale and consequences of repression in the Red Army and the Red Navy (1937–1938) in the reflection of modern Russian historiography]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (2011): 156–159 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Адель Марсович Ситдиков, магистр истории, аспирант кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; adelsitdikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2364-3853>

Adel M. Sitdikov, Master in History, postgraduate student of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia; adelsitdikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2364-3853>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>

EDN: MSAZYX

Научная статья / Research article

«Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

besu111@yandex.ru

Аннотация: Представлен анализ особенностей комплектования личным составом двенадцати дивизий народного ополчения, сформировавшихся в Москве в начале июля 1941 г. Исследование опирается на архивные источники: как традиционное военное делопроизводство Московского военного округа, ответственного за формирование ополчения, так и массив документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР, в последние годы активно вводимые в научный оборот. Рассмотрены содержание нормативной базы ополченчества, формирование административно-командной вертикали, производственно-территориальный принцип комплектования и связанные с ним особенности подбора начальствующего и рядового состава. Особое внимание уделено анализу добровольных и принудительных (мобилизационных) аспектов комплектования, а также пропагандистскому сопровождению кампании и его влиянию на мотивацию москвичей, вступавших в ополчение. Делаются выводы о том, что формирование ополченческих дивизий было осуществлено в предельно краткие сроки, заданные государством. Однако, будучи организованным как типичная массовая кампания того времени, она имела много недостатков, среди которых невысокое качество подбора личного состава занимало одно из наиболее заметных мест и потребовало затем многочисленных корректировок, занявших несколько месяцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная история, комплектование воинских частей, оборона Москвы, Московская битва

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

Для цитирования: Безугольный А.Ю. «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 629–644. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>

“Voluntary Mobilization” in July 1941: Recruitment of Divisions of People's Militia of Moscow

Alexey Yu. Bezugolny

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

besu111@yandex.ru

Abstract: The author presents an analysis of the peculiarities of manning divisions of the People's militia, formed in Moscow in July 1941. Despite the abundance of literature on the history of the Moscow militia, this aspect of its history has not been studied enough. The research is based on archival



sources: both documents of the military department and on documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War at the Academy of Sciences of the USSR, which have been actively introduced into scientific circulation in recent years. The content of the regulatory framework of the militia, the formation of the administrative and command vertical, the production and territorial principle of recruitment and related features of the selection of commanding and enlisted personnel are considered. Special attention is paid to the analysis of voluntary and mobilization aspects of recruitment, as well as propaganda support of the campaign. Conclusions are drawn that the formation of militia was carried out in the shortest possible time set by the state, however, being organized as a typical mass campaign of that time, it had many drawbacks, among which the quality of personnel selection occupied one of the most prominent places and then required numerous adjustments that took several months.

Keywords: World War II, military history, recruitment of military units, defense of Moscow, Moscow battle

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

For citation: Bezugolny, A.Yu. “‘Voluntary Mobilization’ in July 1941: Recruitment of Divisions of People’s Militia of Moscow.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 629–644. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>

Введение

История Московского народного ополчения – популярный сюжет в историографии Великой Отечественной войны. В последние годы поток изданий не только не иссякает, но, пожалуй, и ширится на волне общественного интереса к Великой Отечественной войне, а также ренессанса краеведческих исследований, в которые вовлечены как специалисты, так и любители локальной истории и семейной генеалогии. При всем изобилии литературы, посвященной народному ополчению, при ближайшем рассмотрении она оказывается крайне разобщена и детализирована и в массе своей представляет собой историописание отдельных дивизий, а внутри этого дивизионного фронта авторы часто сосредоточены на персональной истории участников ополчения. Личные судьбы москвичей-добровольцев на фоне общего героического и трагического пафоса истории ополченческих дивизий – вот современный ракурс, с которого смотрят на историю московского ополчения¹.

Попыток обобщения опыта формирования дивизий московского ополчения до сих пор предпринималось не много. Среди наиболее значимых работ советского периода следует назвать публикации с участием А.Д. Колесника². Среди современных изданий стоит отметить работы, построенные на современной документальной базе, среди которых В.И. Каримова³, И.А. Слухая⁴, и ряд других.

Интересный и аргументированный анализ генезиса московского ополчения в первые дни и недели войны представлен в большой статье О.В. Будницкого⁵.

Одним из наименее изученных этапов истории московского ополчения представляется процесс их формирования в июле 1941 г. В частности, не раскрыты принципы и механизмы комплектования дивизий ополчения личным составом, оказавшиеся радикально иными, чем принятые в тот период в Красной армии. Цель

¹ *Климанов В.В.* Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии нар. ополчения. М., 2005; *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017 и др.

² Московское ополчение: Краткий ист. очерк. М., 1969; *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. *Ю.А. Поляков*. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину / отв. ред. *Д.М. Прозктор*. М., 1990.

³ *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016.

⁴ *Слухай И.А.* Московское народное ополчение Великой Отечественной войны. М., 2013.

⁵ *Будницкий О.В.* Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. Вып. 3. С. 13. <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3>

данной статьи видится в раскрытии опыта принятия и реализации срочных, нестандартных решений органов государственного и военного управления СССР по комплектованию дивизий ополченцами, проводившихся одновременно с плановым мобилизационным развертыванием вооруженных сил в условиях высокой неопределенности развития ситуации на советско-германском фронте.

Основная работа по комплектованию 12 дивизий народного ополчения по временным штатам, разработанным штабом Московского военного округа (МВО), была выполнена в течение нескольких дней – со 2–3 по 6–9 июля 1941 г. Было набрано в среднем по 7–8 тыс. чел.⁶ В исторические формуляры бывших дивизий народного ополчения даты с 6 по 9 июля 1941 г. также вошли как дни «сформирования» или «окончания формирования» дивизий⁷. Короткий, но очень насыщенный событиями период времени в первых числах июля 1941 г. и составляет хронологические рамки данной статьи.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные и находящиеся на архивном хранении официальные документы органов власти и военных органов управления СССР. Прежде всего это хранящиеся в Научном архиве Института российской истории РАН документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР под руководством академика И.И. Минца, образованной в конце 1941 г. для сбора материалов по истории Московской битвы. Кроме документов комиссии Минца, к исследованию привлечен большой массив опубликованных свидетельств, связанных с историей ополчения⁸, а также материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, которые достаточно редко привлекаются к исследованиям по истории московского ополчения. Это дает объемную картину создания московского народного ополчения.

Нормативные и организационные основы формирования московского народного ополчения

Идея народного ополчения, очевидно, возникла у московских властей и командования Московского военного округа между 26 июня и 1 июля 1941 г. Нижняя граница определяется началом формирования ополчения в Ленинграде, где инициатором создания армии добровольцев выступил Военный совет Северного фронта (преобразован из Ленинградского военного округа), в состав которого входили политические руководители города – А.А. Жданов и А.А. Кузнецов. Одновременно они являлись представителями высшего руководства страны, близко коммуницировавшими с И.В. Сталиным. В ряде ключевых черт (принципы комплектования, организационный состав дивизий) московский проект ополчения, безусловно, следовал ленинградскому примеру. Показанное ниже активное участие в разработке директивных документов о формировании ополчения руководителя московской партийной организации и секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова и наркома внутренних

⁶ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 9. Оп. 4. Д. 10. Л. 1об.

⁷ Москва – фронту. 1941–1945: Сб. док. и материалов / отв. ред. С.М. Кляцкин. М., 1966. С. 152, 159, 167.

⁸ Гордон А.Е. Московское ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158–163; Шимкевич В. Судьба московского ополченца. Фронт, окружение, плен. 1941–1945. М., 2008; Рулин Б. Записки случайно уцелевшего. М., 2010; Вахромеев В. Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941–1945. М., 2011; Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941–1942. М., 2015; Каримов В.И. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М., 2017; Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии. М., 2019; Ополченцы 5-й Фрунзенской в битве за Москву. По воспоминаниям бывших ополченцев 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы и исследованиям историков. М., 2021 и др.

дел Л.П. Берии не исключает того, что именно эти чиновники, не желая отстать от ленинградских соратников, взяли на себя инициативу объявить сбор ополчения и в Москве.

Формирование ополчения в Москве было, очевидно, решением эмоциональным, продиктованным опасениями слишком быстрых темпов продвижения на центральном участке советско-германского фронта. 28 июля пал Минск и это произвело тяжелое впечатление на руководство страны. При сохранении таких темпов наступления можно было ожидать врага у ворот столицы через две недели. Необходимы были дополнительные резервы для защиты города⁹.

К 1 июля замысел формирования ополчения в Москве обрел конкретные формы. Этим днем датирован проект приказа командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта П.А. Артемьева «О порядке проведения мобилизации 300 тысяч народного ополчения из трудящихся гор. Москвы и Московской области согласно решения Правительства»¹⁰. На документе стоит пометка о согласовании «за» и датированные этим же днем подписи: наркома внутренних дел Л.П. Берии, первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова, самого А.П. Артемьева, а также председателя Моссовета В.П. Пронина. Машинописная версия документа содержит многочисленную правку, внесенную собственноручно Берией.

2 июля документ с учетом правки Берии был оформлен постановлением Военного совета Московского военного округа № 0031 «О добровольной мобилизации жителей Москвы и Московской области в народное ополчение»¹¹. Согласно протоколу заседания, на нем присутствовали: командующий войсками округа генерал-лейтенант П.А. Артемьев, Л.П. Берия и А.С. Щербаков в качестве членов Военного совета, а также приглашенные лица – председатель Моссовета В.П. Пронин и «другие по особому списку»¹². Очевидно, под «другими» подразумевались 25 секретарей московских райкомов, срочно собранных 2 июля в кабинете у председателя правительства В.М. Молотова¹³ и по предложению последнего единогласно одобривших формирование народного ополчения.

Постановлением Военного совета МВО № 0031 были определены масштабы мобилизации (270 тыс. человек, из которых 200 тыс. – в Москве и 70 тыс. – в Московской области); ее сроки (начало – 3 июля, окончание в Москве – 5 июля, в области – 6 июля); возрастные рамки ополченцев (17–55 лет); порядок укомплектования рядовым и начальствующим составом; вооружение и снабжение добровольческих дивизий. Командующий округом, на которого было возложено формирование ополчения, дал указания относительно развертывания боевой подготовки ополченцев¹⁴. 4 июля положения постановления Военного совета МВО № 0031 были почти без изменений воспроизведены в постановлении Государственного комитета обороны № 10, которое к тому же установило очередность формирования ополчения (12 дивизий первой очереди и 13 дивизий – второй) и срок готовности для дивизий первой очереди – 7 июля. Наконец, в этот же день, 4 июля был издан приказ войскам Московского военного округа № 0027 за подписями командующего войсками генерал-лейтенанта А.П. Артемьева, А.С. Щербакова как члена Военного совета и секретаря МГК ВКП(б) И.М. Соколова¹⁵.

⁹ Будницкий О.В. Московское народное ополчение... С. 6–10.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 8–10.

¹¹ Москва прифронтовая. С. 89–90.

¹² Там же.

¹³ Подробный разбор обстоятельств и содержания этого совещания см.: Будницкий О.В. Московское народное ополчение... С. 6–9.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 236.

¹⁵ Там же. Оп. 12461. Д. 9. Л. 3–5.

В приказе МВО № 0027 была ссылка на постановление ГКО № 10 и содержалась детализация его положения, а именно: объявлялась нумерация всем 25 формируемым дивизиям; содержался штат дивизий первой очереди по образцу штата сокращенной стрелковой дивизии военного времени (9424 человека, в том числе 628 – начсостава, 1310 – младшего начсостава и 7486 – рядового состава)¹⁶; определялись сроки укомплектования дивизий начальствующим и рядовым составом (5 и 6 июля соответственно) и 12 районов, формирующих дивизии первой очереди; наконец, определялись сроки окончания формирования дивизий: первой очереди – к 7 июля, второй очереди – «по особому распоряжению»¹⁷.

Постановления Военного совета МВО от 2 июля № 0031 и ГКО от 4 июля № 10, а также приказ войскам МВО от 4 июля № 0027 составили нормативную базу для формирования московского ополчения. Непосредственные исполнители – председатели райкомов, райвоенкомы и командиры дивизий руководствовались в своей работе прежде всего постановлением Военного совета МВО № 0031. Именно оно упоминается в большинстве донесений о ходе формирования ополчения. Фактическая его отработка началась, по данным Красногвардейского районного военкомата, уже в 8 часов 2 июля¹⁸.

Добровольность и мобилизация в практике формирования ополченческих дивизий

В публичном поле первые признаки широкомасштабной кампании по формированию ополченческих частей стали заметны уже 1 июля: в этот день в обед на предприятиях Москвы прошли митинги и началась запись добровольцев (речь пока не шла об ополчении)¹⁹. 2 июля на второй полосе «Известий» об этом событии появилась заметка²⁰.

Официальный старт кампании был дан только обращением И.В. Сталина к гражданам, прозвучавшим рано утром 3 июля²¹. В нем, в частности, сообщалось, что «трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии». И следовал призыв:

В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом²².

Таким образом, рано утром, 3 июля, после выступления по радио И.В. Сталина, призвавшего, в частности к созданию «многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии»²³, кампания по организации дивизий народного опол-

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 11–56.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Оп. 12462. Д. 24. Л. 228.

¹⁹ Москва – фронту... С. 118–120.

²⁰ Известия. 1941. 2 июля.

²¹ Выступление Сталина состоялось в 6.30 по московскому времени, а центральные газеты, по требованию ответственного за пропаганду секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова еще накануне вечером зарезервировали первую полосу под экстренный материал. После доверстки первой полосы, первый тираж центральных газет был отпечатан около 9 утра 3 июля и немедленно был отправлен на распространение. См.: *Ортенберг Д.И.* Июнь – декабрь сорок первого: Рассказ-хроника. М., 1984. С. 22–23; Уже с 7.30 в райкомах созывались совещания с участием директоров предприятий, а вслед за этим на всех предприятиях и в учреждениях начались митинги с последующей записью в ополчение. См.: Москва прифронтовая... С. 91.

²² Выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина // Правда. 1941. 3 июля.

²³ Там же.

чения в Москве развернулась в полную силу. Основная нагрузка в этой работе легла на плечи внеинституциональных чрезвычайных органов – троек, возглавляемых партийными руководителями – председателями райкомов ВКП(б). В состав районной тройки также входили начальник райотдела НКВД и райвоенком. На период формирования дивизий, работа всего партийного, советского и военного аппарата районов полностью подчинялась тройкам. Вопросы подбора командного и политического состава, рядовых ополченцев, обеспечения помещениями, транспортом, снаряжением распределялись между членами тройки, которые, в свою очередь, действовали весь подчиненный им аппарат²⁴.

Вполне очевидно, что административная вертикаль, наделенная чрезвычайными полномочиями, была нацелена на приказной, директивный способ организации ополченческих дивизий. Перечисленные выше документы МВО и ГКО, регулировавшие формирование ополчения в Москве, прямо и недвусмысленно предписывают именно мобилизационный способ комплектования личным составом. Стоит сказать, что в постановлении ГКО № 10 термин «мобилизация» и его производные использовано 18 раз, между тем как добровольность упомянута лишь однажды: ее собственноручно вписал в заголовок самого первого проекта постановления Военного совета МВО от 1 июля Л.П. Берия, изобретая, тем самым, известный оксюморон «добровольная мобилизация», перекочевавший затем в постановление ГКО²⁵. Однако в самом содержании постановления добровольность записи в ополчение не упомянута ни разу. Более того, все перечисленные документы требовали «в последующем» осуществить «оформление мобилизации через военкоматы». А приказ МВО № 0027, в числе прочего определявший порядок работы военкоматов, требовал от них оформить на ополченцев учетно-воинскую документацию как на мобилизованных, что в дальнейшем и было сделано в соответствии с «Наставлением по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР», введенном в действие приказом НКО № 095 от 5 марта 1941 г.²⁶ Статистические материалы организационно-мобилизационного отдела МВО не содержат никаких данных о вербовке добровольцев; все категории военнообязанных граждан, призванных в армию, проходят по категории «призваны по мобилизации»²⁷.

В полном соответствии с этим подходом 3 июля районные тройки составили цифровые расчеты и разнарядки на парторганизации предприятий, а те, в свою очередь, составляли списки работников, зачисляемых в ополчение²⁸. Комбриг 15-й дивизии Пролетарского района комбриг Кузьмин так и назвал это мероприятие: «спичочной мобилизацией»²⁹. Наиболее расторопные районные тройки готовы были осуществить такую заочную мобилизацию за один день. Сталинский райком уже в 18 часов 3 июля докладывал в секретариат Военного совета МВО:

Проведена мобилизация рабочих и служащих предприятий, учреждений и заведений, продолжается проверка по спискам³⁰.

Массовая запись реальных людей, между тем, 3 июля только разворачивалась. Настроившись (а точнее, настроенные вышестоящими инстанциями) на принудительную мобилизацию, чрезвычайные тройки с первого дня столкнулись с не-

²⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 20. Д. 5. Л. 1–1об.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 8–10.

²⁶ Текст Наставления см.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 246–256.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 182. Л. 1–10.

²⁸ Там же. Д. 24. Л. 207.

²⁹ Там же. Л. 235.

³⁰ Там же. Л. 253.

виданным энтузиазмом москвичей. Поток добровольцев был настолько велик, что меры принуждения в большинстве случаев не потребовались. В коллективной памяти рядовых ополченцев, которые, разумеется, были не знакомы с секретными приказами об их мобилизации, кампания по формированию московских дивизий в июле 1941 г. запомнилась именно как добровольческая. Это нашло отражение во множестве опубликованных воспоминаний и прочно вошло в общественную память о битве за Москву. Случаи принуждения к записи если и припоминаются, то скорее как эксцессы. Напротив, приводится множество примеров того, как желающих (например, старшеклассников или, наоборот, пожилых людей, а также ценных специалистов) отговаривали от записи или вовсе им отказывали.

Инструмент принуждения носил вспомогательный характер. Военный комиссар Советского района И.Ф. Качнов характеризовал ситуацию следующим образом:

В основе этой мобилизации лежал добровольческий принцип, но тройке было предоставлено право мобилизовать в ряды народного ополчения хотя бы и не желающих, но могущих по общей установке войти в ряды народного ополчения³¹.

Как отмечалось в датированном декабрем 1943 г. очерке по истории 5-й дивизии Фрунзенского района, сохранившимся в материалах комиссии Минца,

в составе некоторых организаций до 10–15 % были люди, мобилизованные в ополчение местными организациями. Эта мера для пополнения количественного контингента, была санкционирована райкомом партии и ничего плохого не имела³².

Приведенная летописцем 5-й дивизии цифра, очевидно, объективно описывает масштаб принудительной записи в ополчение. Можно сказать, что мобилизационная кампания на ходу, явочным порядком была переформатирована в преимущественно добровольческую.

«Нам говорили, что мы едем в тыловое ополчение...»

Процедура непосредственного, личного приема (записи) в ополчение работников предприятий и учреждений нашла отражение во многих воспоминаниях участников событий. Все они свидетельствуют о том, что комплектование ополчения шло просто и неформально. Запись добровольцев вел на предприятии секретарь парткома, бригадир или иное лицо, облеченное государственной, партийной или должностной властью. Один из московских ополченцев вспоминал:

Записал меня в ополчение секретарь парткома института, мой преподаватель строительной механики Тихон Георгиевич Фролов. С этого дня я – ополченец, командир саперного взвода³³.

Еще один москвич вспоминал:

У столика, покрытого кумачом... сидел сам начальник цеха Озеров... У меня спросили фамилию, год рождения и табельный номер – 996. Процедура записи была проста³⁴.

По данным советской литературы, повсеместно распространенным и сейчас, в Москве только в первые дни заявления о вступлении в ополчение подали 168 470 чел., а в Московской области – около 140 тыс. чел.³⁵ Эти цифры сложно проверить, но то, что добровольная запись носила массовый характер – это факт.

³¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 15 об.

³² Там же. Разд. 1. Оп. 43. Д. 2. Л. 2.

³³ Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. С. 10.

³⁴ Шимкевич В.Н. Судьба московского ополченца. С. 25.

³⁵ Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров нар. ополчения. М., 1961. С. 16–17.

В то же время, если углубиться в мотивы москвичей, то можно с уверенностью сказать, что часть из них ожидала от ополчения чего-то иного, чем участия в сражениях против регулярных войск противника далеко от дома. Немало горожан готовились к неким тыловым работам, охране правопорядка или чему-то подобному и это, безусловно, усилило поток добровольцев:

Все думали, что это будет охрана Москвы, – свидетельствовал ополченец 13-й дивизии Ростовского района. – Поэтому-то все с большой радостью записывались, несмотря на свой преклонный возраст³⁶.

Другой говорил:

Думали об оборонительных работах и что они мало чем будут отличаться от работы на производстве³⁷.

Бывший комиссар 18-й дивизии Ленинградского ополчения А.П. Логинов, лично осуществлявший запись добровольцев в своем институте, отмечал, что в первый день кампании, 3 июля, по ошибке запись велась в Красную армию. В результате «записались почти все, кроме пожилых». А на следующий день пришло уточнение о записи в народное ополчение, после чего «записавшихся было еще больше <...> почти поголовно»³⁸.

В самом деле, буквальное толкование речи Сталина 3 июля о создании ополчения «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага», и передовицы «Правды» 7 июля об ополчении как о «великом резерве» Красной армии³⁹ приводило москвичей к однозначному выводу: «Организуется народное ополчение для возведения оборонительных сооружений вокруг городов и обучения военному делу...»⁴⁰. Более того, именно в таком духе москвичи получали разъяснения от должностных лиц: «Нам говорили, что мы едем в тыловое ополчение...» (18-я дивизия Ленинградского района)⁴¹; «Объяснили, что народное ополчение должно было в тылу помогать», – заявляли ополченцы, ссылаясь на свои парткомы (13-я дивизия Ростовского района)⁴². Аналогичная информация поступала из районов Подмосковья, формировавших ополченческие батальоны⁴³. Точное предназначение дивизий не знали ни его командование, ни райкомы. По воспоминаниям политработника П.С. Прошинского (4-й дивизии Куйбышевского района),

как потом обнаружилось, никто, в том числе руководящий состав дивизии, не знали, какое мы получили задание, потому что все-таки ввели в заблуждение весь состав тем, что сказали, что мы выезжаем на короткий срок и не очень далеко, будем вести оборонные работы, поэтому личные вещи с собой не брать. Все оставили вещи в школе⁴⁴.

Свидетельства ошибочного толкования сущности ополчения в материалах комиссии Минца встречаются столь часто, что было бы неверным относить их просто к вездесущим слухам, сопровождающим любое массовое начинание. Есть все основания предполагать, что заблуждение, в котором оказались многие москвичи и даже сами райкомовские тройки (информируемые сверху), было не случайным и руко-

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 10. Л. 2.

³⁷ Там же. Оп. 30. Д. 4. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ На поддержку Красной армии – могучее народное ополчение // Правда. 1941. 7 июля.

⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 4. Л. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Оп. 67. Д. 6. Л. 1.

⁴³ Там же. Оп. 30. Д. 15. Л. 1 об – 2.

⁴⁴ Там же. Оп. 27. Д. 1. Л. 60.

водство страны и вооруженных сил действительно первоначально готовило ополчение именно для охраны и обороны городских объектов, а дивизии планировалось расквартировать в Москве. На это недвусмысленно указывают предпринимаемые с первого дня формирования усилия по обустройству капитального казарменного фонда дивизий, под которые были отданы многие школы, размещение на предприятиях заказов на казарменный инвентарь (койки, топчаны, нары, столы, стулья, шкафы), подготовке постельных принадлежностей (матрацы, одеяла, подушки, постельное белье), организации стационарного пищевого блока и бань и т. д. И напротив, ничто из приготовлений и заготовок не указывало на скорый длительный поход. Поспешный вывод в конце первой декады июля едва сформированных дивизий за пределы Москвы мог быть обусловлен невозможностью организовать боевую учебу и намерением пресечь так называемые «домашние» настроения, отрицательно сказывавшиеся на дисциплине.

Вполне определенно планы высшего военно-политического руководства относительно использования московского ополчения определились только к середине июля в связи с ухудшением фронтовой обстановки на западном направлении. 16 июля было принято решение о создании Можайской линии обороны и двух резервных армий для нее, в состав которых были включены десять московских дивизий. В самой же Москве место дивизий в системе местной обороны заняли созданные также по районному принципу, но более мобильные и относительно хорошо вооруженные истребительные батальоны.

Особенности комплектования ополченческих формирований

Авральные сроки формирования дивизий не позволяли проводить индивидуальный отбор ополченцев. Назначение командиров частей и подразделений лишь на какие-то часы предшествовало назначению рядового состава. На должности старшего командно-начальствующего состава отделом кадров МВО были выделены опытные кадровые командиры, в основном – преподаватели военно-учебных заведений. Что касается среднего и младшего начальствующего состава, то постановление ГКО № 10 от 4 июля 1941 г. предписывало

младший [начальствующий] состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии [комплектовать] из рабочих, служащих и учащихся района⁴⁵.

Это означало, что, по крайней мере, половина средних командиров должны были быть кадровыми военными. Но на деле сотни должностей командного, политического, административного, медицинского состава замещались из числа начсостава запаса, а также за счет выдвинутых из рядов ополченцев.

Назначение начсостава проходило по предельно простой схеме. Райвоенкоматы подбирали учетно-послужные карты кандидатов. Командиры дивизий и начальники штабов просматривали их и вызывали командиров запаса на краткие беседы, которые из-за наплыва людей длились «не больше двух-трех минут», после чего человеку объявляли:

Ну, ты будешь командиром полка <...> Ты будешь командиром батальона, роты, батареи...⁴⁶

Зачисление рядового состава, как уже отмечалось выше, повсеместно осуществлялось заочно, по спискам, которые поступали с предприятий и из учреждений. Как

⁴⁵ Москва военная... С. 261–262.

⁴⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 1об.

свидетельствовал один из работников Пролетарского райкома ВКП(б), «людей, как таковых, мы видели очень мало, главное, мы имели дело со списками»⁴⁷. Фактически наиболее расторопные чрезвычайные тройки, например, Кировского, Ленинского и Ленинградского районов, окончили списочное комплектование дивизий (7,5–8 тыс. чел.) уже 4 июля⁴⁸.

Вслед за подачей списков ополченцы в назначенный час собирались на предприятиях и под руководством парторга, часто в сопровождении оркестра торжественно шествовали по улицам Москвы на пункт сбора – в одну из школ района. Иногда ко времени прибытия в расположение частей ополченцы уже были распределены по взводам и ротам. В других случаях они прямо в школьных дворах и парках рассортировывались по подразделениям, для чего выставлялись столы с табличками. Командиры подразделений проводили краткие опросы прибывших, выявляя нужных им военных специалистов⁴⁹. Однако из-за дефицита таковых успехи, как правило, были скромными. Политрук одной из батарей 18-й дивизии Ленинградского района вспоминал:

Мы нашли всего 4–5 артиллеристов, а остальных уже взяли первых попавшихся – всего 60 человек⁵⁰.

Лейтмотивом всех без исключения свидетельств должностных лиц, ведавших подбором и записью ополченцев, выступает тема «лучших людей». Ее появление не случайно. Объективная невозможность полноценного допризывного отбора по возрасту, физическим данным, образовательному уровню, политико-моральным качествам, допризывной военной подготовки или военно-учетной специальности – то есть всего того, что делали в обычных условиях военкоматы – заставляло прибегать к суррогатному отбору «лучших людей». Поскольку главным рекрутером ополченцев были парткомы предприятий и учреждений, то во главу угла выходили политико-моральные качества кандидата. Остальные критерии не то чтобы игнорировались, но учитывались самым поверхностным образом, поскольку для их оценки парткомы не располагали ни временем, ни компетенцией.

Привилегия ополченцев: производственно-территориальный принцип комплектования

Списочный способ зачисления в ополчение сочетался с еще одной вынужденной новацией, получившей наименование *производственно-территориальный принцип комплектования* частей и подразделений. Как правило, добровольцы с одной фабрики, института, наркомата обращались на укомплектование одного подразделения:

«Внутри каждого соединения... отдельные роты, взводы, батальоны комплектуются определенными предприятиями по разнарядке чрезвычайной тройки данного района»⁵¹.

Подразделения неформально именовались по «материнским» предприятиям: «рота маевцев», «рота менжинцев» и т. п.⁵² Крупный завод мог укомплектовать сразу стрелковый батальон и даже полк. Очевидно, возникновение такого подхода

⁴⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 3. Л. 1.

⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 261, 275.

⁴⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 43. Д. 2. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Оп. 30. Д. 13. Л. 1 об. Эти слова подтверждаются данными штабов формируемых дивизий. Например, в 1-й дивизии Ленинского района было выявлено 1061 человек, служивших в армии, из которых обладали ценными воинскими специальностями (пулеметчик, артиллерист, минометчик, сапер, связист) 301 чел.; во 2-й дивизии Сталинского района количество служивших оказалось 1427 чел., количество специалистов – 220 чел. См.: ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 257, 275.

⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 192.

⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 19. Л. 27об.

стало одной из многих в те дни импровизаций, поскольку основополагающие руководящие документы, в частности приказ МВО № 0027 от 4 июля и постановление ГКО № 10, имели в виду несколько иное, предписывая «формирование 25 дивизий произвести по *районному* принципу»⁵³. В последнем случае речь шла о хорошо отработанном в Красной армии в 1920–1930-е гг. и изжитом накануне войны *территориальном* способе комплектования, предусматривавшим привязку к каждой воинской части к определенной административной территории (области, республики), достаточной для ее комплектования в условиях мирного и военного времени. Территориальный принцип был относительно дешев за счет радикального сокращения воинских перевозок и сочетания с милиционным способом боевой подготовки (на кратковременных сборах) без длительного отрыва бойцов от производства. Перед войной от территориального принципа комплектования отказались в пользу экстерриториального, позволявшего свободно маневрировать людскими ресурсами для формирования войсковых группировок требуемой плотности.

Социальные связи, основанные на земляческой или этнической идентичности в территориальных частях Красной армии 1920–1930-х гг. в случае с московским ополчением 1941 г. заменялись еще более тесными узами – производственными, соседскими, родственными. Повсеместная (хотя и не тотальная) практика комплектования ополчения по производственному признаку означала ни что иное, как редукцию территориального принципа комплектования к предельно простой форме прямого использования готовых производственных связей и иерархии трудового коллектива в интересах скорейшего боевого славивания ополченческих подразделений.

Вполне очевидно, что общее место работы и близкое землячество (соседство) способствовали скорейшему установлению социальных связей между ополченцами. «Правда» живописала эту особенность как одно из ее выдающихся преимуществ:

Народное ополчение сильно кровным родством людей по труду, по профессии, по производству <...>, представляет собой семью людей, знающих и понимающих друг друга...⁵⁴

Старые производственные связи» как фактор «крепкого, морально устойчивого коллектива» отмечала и инспекция Генерального штаба Красной армии в конце августа 1941 г.⁵⁵

Однако производственно-территориальный принцип комплектования имел ряд существенных недостатков, в значительной степени перечеркивавших его преимущества. Во-первых, он мешал подбору ополченцев по воинским специальностям: в одной стрелковой роте оказывались специалисты одного предприятия и одной профессии (например, повара, шоферы, связисты), в то время как в специальных подразделениях «превалируют стрелки и необученные»⁵⁶. Во-вторых, при таком способе комплектования повсеместно наблюдалась ситуация, когда доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, руководящий состав и ценные производственники – начальники паровозных депо, мастера цехов, начальники железнодорожных станций и узлов, паровозные машинисты, оказавшиеся в стрелковых подразделениях, использовались в качестве рядовых на земляных работах. Ветеран 6-й дивизии народного ополчения Б.В. Зылев, бывший в 1941 г. аспирантом Московского института инженеров транспорта (далее – МИИТ), вспоминал, что в его взводе оказалось сразу восемь кандидатов наук, доцентов МИИТ, один доктор наук, профессор

⁵³ Битва за столицу: в 2 томах. От обороны к контрнаступлению: сб. док. / отв. сост. А.А. Гуров. М., 1994. Т. 1. С. 191.

⁵⁴ *Исаченко А.* С верой в груди, с оружием в руках // Правда. 1941. 8 июля.

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 193.

и еще один преподаватель⁵⁷. Нерациональное использование ценных кадров на должностях рядовых бойцов – наиболее характерный для начального периода войны аспект комплектования ополченческих формирований.

Уже 9 июля представитель Мобуправления Генерального штаба Красной армии майор Е.Л. Збандуто предложил отказаться от производственного принципа комплектования, для чего

разрешить командирам дивизий производить распределение дефицитных ВУС по своему усмотрению⁵⁸.

На практике так довольно часто и происходило, несмотря на протесты ополченцев, воспринимавших территориально-производственный принцип комплектования как привилегию добровольца: народ очень не хотел уходить, подавал заявления в райком, но приказ есть приказ...⁵⁹

С другой стороны, производственный принцип прямо противоречил плановой учетно-мобилизационной работе местных органов военного управления, поскольку те вели воинский учет и призыв по месту прописки, а не по месту работы военнообязанных. Часто случалось, что человек проживал в одном районе, а работал в другом. В этом случае он поступал на комплектование дивизии народного ополчения другого района, в то время как военкомат первого продолжал учитывать его в своем мобплане⁶⁰. Отмечены случаи, когда райвоенкоматы отказывали в выделении ресурсов находящегося на учете начсостава запаса на укомплектование дивизий народного ополчения без санкции вышестоящей инстанции⁶¹.

Ополчение и людские ресурсы Москвы

Осложнял работу военкоматов и возрастной диапазон, установленный Государственным комитетом обороны. Вопреки расхожему мнению, в дивизии народного ополчения зачислялись далеко не одни «непризывные возрасты», то есть старики и допризывная молодежь. Граждане, родившиеся с 1905 по 1918 гг., то есть подпадавшие под мобилизацию, хотя и не преобладали, но составляли заметную прослойку в ополчении. Так, по имеющейся статистике, в 18-й дивизии Ленинградского района удельный вес этих возрастов достигал 27,4 %⁶². В 1-й дивизии Ленинского района 15,8 % ополченцев относились к возрастным категориям от 1907 до 1916 годов рождения, а еще 569 человек (7,3 %) были рождены с 1917 по 1921 годы⁶³ и т. д.

В постановлении ГКО № 10 оговаривалось, что призыву в ополчение не подлежали «военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания»⁶⁴, также рабочие оборонных предприятий «по усмотрению районной тройки»⁶⁵. Это означало, что от записи в ополчение освобождались только лица, и без того подлежащие призыву по мобилизации, объявленной 22 июня 1941 г. (до 35 лет, имеющие военно-учетную специальность), а также работники,

⁵⁷ Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. С. 10.

⁵⁸ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 193.

⁵⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 20. Д. 2. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Оп. 16. Д. 16. Л. 1.

⁶¹ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 285.

⁶² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 17. Л. 18.

⁶³ Там же. Разд. 9. Оп. 7. Д. 8. Л. 3–7.

⁶⁴ По установленному в предвоенные годы порядку, мобилизационные предписания для явки в воинские части или на сборные пункты военкоматов должны были иметь военнообязанные, отслужившие действительную военную службу.

⁶⁵ Москва военная. С. 261–262.

имевшие бронь. Все остальные категории военнообязанных: 2-й категории 1-го разряда (до 35 лет, не обученные), а также 2-го и 3-го разрядов обеих категорий (от 36 до 50 лет обученные и необученные) могли без ограничений записываться в ополчение. Очевидно, именно это имелось в виду в одном из инспекторских докладов на имя заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко:

Дивизии московского ополчения сформированы из добровольцев, непризванных возрастов рабочих и служащих предприятий, заведений и учреждений г. Москвы...⁶⁶

То есть не призванных к тому моменту, а не непризываемых вообще.

При определении масштабов «добровольной мобилизации» ее инициаторы, безусловно, исходили не из ресурсных возможностей Москвы, а из намеченного числа дивизий (25) и их штатной численности около 10 тыс. человек, которые в последующем и были утверждены. Основная нагрузка по формированию ополчения ложилась на плечи Москвы, хотя ее ресурсы военнообязанного населения были меньше, чем у Московской области. По состоянию на 1 мая 1941 г. в Москве на учете состояло 657,7 тыс. военнообязанных общего и специального учета возрастом от 17 до 50 лет (для сравнения, в Московской области – 829,9 тыс. чел.)⁶⁷. За вычетом состоявших на спецучете (забронированных) москвичей свободных ресурсов накануне войны оставалось 470,8⁶⁸. Значительная часть от этого числа относилась к наиболее ценной для укомплектования войск 1-й категории 1-го разряда (по учетным данным МВО на 1 января 1941 г. к этой категории относилось 41,7 % всех военнообязанных)⁶⁹. Именно эта категория военнообязанных была поднята по мобилизации 22 июня. За вычетом военнообязанных 1-й категории 1-го разряда в Москве свободных ресурсов оставалось 280–300 тыс. чел., из которых требовалось 200 тыс. чел. мобилизовать в ополчение. Разумеется, это сразу же ставило хозяйственную жизнь столицы в тяжелейшее положение.

Нерациональность и расточительство в использовании людских ресурсов были очевидны. Особенно в первые дни формирования, когда чрезвычайные тройки стремились к досрочному выполнению планов, в связи с чем, по свидетельству начальника штаба 13-й дивизии Ростокинского района С.С. Мусатова, «перебарщивали» и давали предприятиям наряд «на всех людей без разбора»⁷⁰. В результате в одночасье пустели целые цеха и учреждения. Поэтому в документах очень часто можно встретить принцип комплектования «без ущерба для производства»⁷¹. Секретари райкомов понимали, что чрезмерно ретивое выполнение задачи грозит нормальной работе предприятий района. Секретарь Куйбышевского райкома Н.М. Шахова отмечала, что

по некоторым наркоматам⁷² записались абсолютно все, а потом наркомы звонили и говорили: «Мы не можем же оголять наркомат и отпускать всех в народное ополчение». Приходилось оставлять народ⁷³.

Только из 4-й дивизии Куйбышевского района в первые же дни было отсеяно по заявкам предприятий или наркоматов 1,5 тыс. чел.⁷⁴ В условиях цейтнота многие

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 14.

⁶⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 182. Л. 10, 17–18.

⁶⁸ Там же. Л. 10.

⁶⁹ Там же. Д. 135. Л. 29об.

⁷⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 2об.

⁷¹ Москва военная. С. 262.

⁷² Имеются в виду отраслевые предприятия.

⁷³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 27. Д. 2. Л. 1–2.

⁷⁴ Там же.

кадровые решения оказались поспешными, и в дальнейшем потребовалось несколько месяцев на отзыв из дивизий народного ополчения нужных специалистов. Бывший комдив 1-й дивизии Ленинского района генерал-майор Н.Н. Пронин отмечал:

Еще долго после того, как мы ушли с дивизией [из Москвы], подавались запросы о людях с предприятий и учреждений⁷⁵.

Отсев из народного ополчения был связан не только с производственными нуждами, но и с физической непригодностью части добровольцев. В Москве в первые дни формирования отрядов ополченцев из отдельных полков отчислялось до 25 % личного состава⁷⁶. Определенный отсев был и по так называемым «морально-политическим качествам», то есть по признаку политической неблагонадежности, но судя по документам, масштаб его был невелик.

Запись в ополчение в Москве прекратилась также внезапно, как и началась: приблизительно к 6–8 июля дивизии было набрано по 7–7,5 тыс. человек. Похоже, что приблизительно такое контрольное число было выставлено районам. По крайней мере, три района заявляли его как предельное⁷⁷. В целом такое количество ополченцев соответствовало типовому штату, утвержденному приказом МВО № 0027 от 4 июля 1941 г. (7359 человек) без учета запасного полка, которые формировались по остаточному принципу. Набрав нужное количество людей, районные тройки явно сбрасывали обороты, полагая свою миссию выполненной. В дальнейшем дивизии добирали недостающее количество ополченцев за счет районов Москвы, в которых формирование ополчения было отменено, батальонов из Московской области, а также кадровых командиров, командиремых отделом кадров Московского военного округа.

Выводы

Подводя итог исследованию первых дней формирования московского народного ополчения, которому в октябре 1941 г. выпало сыграть важную и трагическую роль в сражении за столицу, следует отметить, что 12 дивизий, на создание которых ушло всего несколько дней, явились типичным продуктом мобилизационной советской административной модели, когда в чрезвычайных условиях, наряду и «поверх» институциональных механизмов подключались неофициальные, временные, основанные на личных компетенциях и связях руководящих работников партийных, советских и военных органов. Именно в этой парадигме было осуществлено формирование дивизий народного ополчения. Образовавшаяся в короткие сроки управленческая вертикаль, объединившая воедино ресурсы партийных, государственных и военных органов управления, проявила себя вполне эффективной, обеспечив быстрый, но формальный результат. В дальнейшем потребовалось много усилий для его корректировки.

Выбранный в качестве самого простого производственно-территориальный способ комплектования ополчения противоречил устоявшимся принципам работы местных органов военного управления (военкоматов), главным из которых был пропуск призывников через призывные комиссии и медицинское освидетельствование. Недостатки в отборе добровольцев при комплектовании дивизий народного ополчения стали причиной того, что в их составе оказалось много лиц, не пригодных к военной службе по возрасту, состоянию здоровья или неподходящих по слу-

⁷⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 7. Д. 1. Л. 8.

⁷⁶ Москва прифронтовая. С. 91.

⁷⁷ Цифру в 7 тыс. чел. как предельную приводят в своих докладах в Военный совет МВО тройки Молотовского (3-я дивизия), Куйбышевского (4-я дивизия) Ленинградского (18-я дивизия) районов. См.: ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 207, 284.

жебному признаку. С июля по сентябрь 1941 г. в несколько этапов из дивизий отчислялись непригодные для строевой службы люди. Масштабы отсева были очень значительными, что в течение длительного времени мешало стабилизировать состав подразделений на его штатных должностях и вести полноценную боевую подготовку.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 28.07.2023

References

- Aleshchenko, N.M., Burkov, K.I., Kolesnik, A.D., and Sinityn, A.M. *Moskovskoe opolchenie: Kratkii istoricheskii ocherk* [The Moscow Militia: A brief historical essay]. Moscow: Voenizdat Publ., 1969 (in Russian).
- Artemiev, P.A. “Nepredolimaia pregrada na podstupakh k stolitse [An insurmountable barrier on the outskirts of the capital].” *Bitva za Moskvu* [The Battle for Moscow]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1966, p. 105–121 (in Russian).
- Biryukov, V.K. *Dobrovol'tsy-moskvichi na zashchite Otechestva. 3-ya Moskovskaya kommunisticheskaya strelkovaia diviziia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Muscovite volunteers in defense of the Fatherland. The 3rd Moscow Communist Rifle Division in the years of Great Patriotic War]. Moscow: Yauza Publ., 2017 (in Russian).
- Budnitsky, O.V. “Moscow People's Militia: reasons and features of creation.” *Rossiiskaya istoriya*, no. 3 (2020): 3–20, <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3> (in Russian).
- Bukov, K.I., Gorinov, M.M., Ponomarev, A.N., eds. *Moskva voennaia. 1941–1942: Arhiv. dok. i materialy* [Moscow is military. 1941–1945: Memoirs and archive documents]. Moscow: Mosgorarchiv Publ., 1995 (in Russian).
- Emelin, A.S, ed. *Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR* [Russian Archive: The Great Patriotic War: Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR], vol. 13. Moscow: TERRA Publ., 1994 (in Russian).
- Gordon, A.E. “Moskovskoe opolchenie 1941 goda glazami uchastnika [The Moscow militia of 1941 through the eyes of a participant].” *Otechestvennaya istoriya*, no. 3 (2001): 158–163 (in Russian).
- Gorinov, M.M., Parkhachev, V.N., and Ponomarev, A.N. *Moskva prifrontovaia. 1941–1942: Arhiv. dok. i materialy* [Moscow is frontline. 1941–1942: Archive. doc. and materials] Moscow: Mosgorarchiv Publ., 2001 (in Russian).
- Karimov, V.I. *Oni otstoiali Moskvu. Letopis' narodnogo opolcheniia Moskv* [They defended Moscow. Chronicle of the People's Militia of Moscow]. Moscow: Planeta Publ., 2016 (in Russian).
- Karimov, V.I. *Oni otstoiali Moskvu. Po zovu serdtsa, po veleniiu sovesti* [They defended Moscow. At the call of the heart, at the behest of conscience]. Moscow: Planeta Publ., 2017 (in Russian).
- Kirillov, A.A. *Diviziia geroev: ot Moskv do El'by: boevoi put' 21-i divizii narodnogo opolcheniia Moskv* [Division of Heroes: from Moscow to the Elbe: the battle path of the XXI Division of the People's Militia of Moscow]. Petrozavodsk: IP Markov N.A. Publ., 2016 (in Russian).
- Klimanov, V.V. *Soboi zaslonili Moskvu: podvig 17-i strelkovoii divizii narodnogo opolcheniia* [They overshadowed Moscow: the feat of the 17th Infantry Division of the People's Militia]. Moscow: Abelia Publ., 2005 (in Russian).
- Klyatskin, S.M., ed. *Moskva – frontu. 1941–1945: Sb. dok. i materialov* [Moscow to the front. 1941–1945: Collection of doc. and materials]. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Kolesnik, A.D. *Narodnoe opolchenie gorodov-geroev* [People's Militia of Hero Cities]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Ortenberg, D.I. *Iiun' – dekabr' sorok pervogo: Rasskaz-hronika* [June – December of the forty-first: A Chronicle story]. Moscow: Sovetskii pisatel' publ., 1984 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Opolchenskie formirovaniia Rossiiskoi Federatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Proektor, D.M., ed. *Narodnoe opolchenie zashchishchaet Rodinu* [The People's Militia protects the Motherland]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Runin, B. *Zapiski sluchaino utselevshego* [Notes of an accidental survivor]. Moscow: Vozvrashchenie Publ., 2010 (in Russian).

- Slukhay, I.A. *Moskovskoe narodnoe opolchenie Velikoi Otechestvennoi voiny* [Moscow people's militia of the Great Patriotic War]. Moscow: Izdatel'stvo Patriot, 2013 (in Russian).
- Shimkevich, V. *Sud'ba moskovskogo opolchentsa. Front, okruzhenie, plen. 1941–1945* [The fate of the Moscow militia. Front, encirclement, captivity. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2008 (in Russian).
- Vakhromeev, V. *Vyzhit' i vernut'sia. Odisseia sovetskogo voennoplennogo. 1941–1945* [Survive and come back. Odyssey of a Soviet prisoner of war. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011 (in Russian).
- Vladimirov, Yu.V. *Voina soldata-zenitchika: ot studencheskoi skam'i do khar'kovskogo kotla, 1941–1942* [The war of the anti-aircraft gunner soldier: from the student bench to the Kharkov boiler, 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010 (in Russian).
- Yushinsky, Yu.T., ed. *Rostokinskaia diviziia. Vospominaniia, pis'ma, biografii* [Rostokinskaya division. Memoirs, letters, biographies]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2019 (in Russian).
- Zhukov, G.K. *Vospominaniia i razmyishleniia* [Memories and reflections], vol. 1. M.: Olma-Press Publ., 2002.
- Zylev, B., and Darkov, A. *V viazemskom okruzhenii. Vospominaniia boitsov 6-i divizii narodnogo opolcheniia. 1941–1942* [In the Viazma environment. Memoirs of fighters of the 6th Division of the People's Militia. 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Юрьевич Безугольный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32а; ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

Alexey Yu. Bezugolny, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher at the Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; Leading Researcher at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-645-655>
EDN: MIFFYJ

Научная статья / Research article

Чехословацкое и югославское воинские формирования, созданные в СССР в годы Великой Отечественной войны: анализ эффективности

Федор Леонидович Сеницын

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

permcavt@gmail.com

Аннотация: На примере истории 1-го чехословацкого армейского корпуса и 1-й югославской пехотной бригады, созданных на территории СССР в годы Великой Отечественной войны, выявляются особенности эффективности «иностранных» воинских частей на территории третьей страны. До настоящего времени в исторической науке эти вопросы были раскрыты недостаточно. Источниковая база включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива и Центрального архива Министерства обороны РФ. Показано, что несмотря на схожие условия формирования и помощь со стороны СССР, судьба чехословацкого армейского корпуса и югославской бригады сложилась по-разному. Первый стал символом борьбы Чехословакии с нацизмом и основой новой Чехословацкой армии, в то время как Югославская бригада подверглась «переформатированию», «растворилась» в составе Народно-освободительной армии Югославии, основой новой Югославской армии не стала и затем практически была предана забвению. Автор приходит к выводу, что в вопросе эффективности чехословацкого армейского корпуса и югославской бригады решающую роль сыграли взаимоотношения их командования с главным политическим участником процесса создания этих воинских формирований, от воли которого зависело и достижение поставленных при их создании целей, и само их существование, а остальные факторы были косвенными.

Ключевые слова: Вторая мировая война, иностранные воинские части, вооруженные силы стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Красная армия, советско-германский фронт

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>

Для цитирования: Сеницын Ф.Л. Чехословацкое и югославское воинские формирования, созданные в СССР в годы Великой Отечественной войны: анализ эффективности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 645–655. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-645-655>

Czechoslovak and Yugoslav Military Units Created in the USSR during the Great Patriotic War: Effectiveness Analysis

Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

permcavt@gmail.com

Abstract: Based on the example of the history of the 1st Czechoslovak Army Corps and the 1st Yugoslav Infantry Brigade created on the territory of the USSR during the Great Patriotic War, there are revealed the peculiarities of the effectiveness of “foreign” military units on the territory of a third country.

© Сеницын Ф.Л., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

To date, these issues have not been sufficiently studied in historical science. The source base used in the research includes both published and unpublished documents from the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History, the Russian State Military Archive and Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. It is shown that despite similar conditions of the formation and assistance from the USSR, the destinies of the Czechoslovak army corps and the Yugoslav brigade were different. The former became a symbol of Czechoslovakia's struggle against Nazism and the basis of the new Czechoslovak army, whereas the Yugoslav brigade underwent "reformatting", "dissolved" in the People's Liberation Army of Yugoslavia; it did not become the basis of the new Yugoslav army and then practically passed into oblivion. The author concludes that with regard to the effectiveness of the Czechoslovak army corps and the Yugoslav brigade, the decisive role was played by the relationship of their command with the main political participant in the process of creating these military units, on whose will both the achievement of the goals set and their very existence depended; the other factors were indirect.

Keywords: World War II, foreign military units, armed forces of Eastern and Southeastern Europe, Red Army, Soviet-German front

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>

For citation: Sinitsyn, F.L. "Czechoslovak and Yugoslav Military Units Created in the USSR during the Great Patriotic War: Effectiveness Analysis." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 645–655. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-645-655>

Введение

Актуальность исследования объясняется необходимостью объективного освещения истории Великой Отечественной войны и роли Советского Союза в освобождении стран Восточной Европы от нацизма.

В период до 1990-х гг. в СССР и Чехословакии было издано немало трудов, посвященных истории чехословацких воинских формирований, созданных в годы Второй мировой войны, которые труды содержат важные сведения о процессе формирования, комплектования и снабжения чехословацких воинских частей, созданных в СССР. Однако изучение этой темы было идеологизировано. В историографии обходили молчанием многие важные политические и другие проблемы формирования, комплектования и боевого применения чехословацких воинских частей, либо занимались их «лакировкой»¹. Опубликован ряд исследований по этой теме и в современной российской и зарубежной историографии². В частности, в диссертации С.Н. Картавого освещен процесс формирования и комплектования иностранных воинских частей на территории СССР³. Однако до сих пор не до конца прояснены многие политические аспекты, связанные с их функционированием.

История 1-й югославской бригады, созданной в СССР, в историографии в целом отражена слабо. В период до 1991 г. в публикациях, посвященных освобождению Югославии, о ней вообще не упоминали либо говорили мимоходом. Политические проблемы, сопровождавшие формирование, комплектование и боевое применение этой воинской части, в советских исследованиях не были проанализированы. В югославской историографии созданная в СССР югославская бригада также была «изгоем». Во многих югославских публикациях, посвященных истории Второй мировой войны, вообще не было упоминания о ней, а если о бригаде писали, то выискивали

¹ См., напр.: *Семиряга М.И.* Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 54–69; *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války.* Svazek první. Praha, 1959; Svazek třetí. Praha, 1960.

² См., напр.: *Binar, Aleš.* Československý vojenský odboj za Druhé světové války na Východě (1939–1945). Brno, 2019; *Марьина В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–106.

³ *Картавый С.Н.* Создание в СССР иностранных военных формирований и подготовка для них офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 2000.

отрицательные моменты ее истории. Из современной историографии следует упомянуть монографию хорватского историка М. Пойича «369-й хорватский полк на восточном театре военных действий, 1941–1943 гг.: военный дневник»⁴, в которой в том числе затронута история 1-й югославской бригады. Тем не менее, до сих пор ее судьба не изучена в полной мере и, по мнению сербского историка П. Байича, остается «одним из самых деликатных вопросов в истории национально-освободительной борьбы» Югославии⁵.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей эффективности чехословацкого и югославского воинских формирований, созданных на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.

Источниковая база, использованная при работе над статьей, включает как опубликованные, так и неопубликованные документы из фондов «ЦК ВКП(б)» (Ф. 17), «В.М. Молотов» (Ф. 82) и «Государственный комитет обороны» (Ф. 644) Российского государственного архива социально-политической истории, фонда «Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР» (Ф. 1п) Российского государственного военного архива, фондов «Главное организационное управление Генерального штаба Красной армии» (Ф. 7) и «Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии» (Ф. 56) Центрального архива Министерства обороны РФ.

Цель создания чехословацких и югославских воинских формирований

Во время Великой Отечественной войны усилиями и за счет средств СССР были созданы иностранные воинские формирования, в том числе 1-й чехословацкий армейский корпус (создание началось с июля 1941 г.) и 1-я отдельная югославская пехотная бригада (с ноября 1943 г.). Их создание было обусловлено в первую очередь политической целью демонстрации единства с Чехословакией и Югославией в антигитлеровской борьбе. Эти формирования использовались также как основа для создания новых армий соответствующих стран в послевоенное время⁶. Численность личного состава чехословацкого корпуса и югославской бригады была небольшой. У первого она составляла около 3,5 тыс. чел. в сентябре 1943 г.; 12,3 тыс. чел. – в июне 1944 г., 18,8 тыс. чел. – в январе 1945 г. Максимальная численность югославской бригады составляла около 2 тыс. чел. Сравнение этих цифр с данными личного состава Красной армии, в действующих частях которой к маю 1945 г. находилось более 6 млн чел., говорит само за себя. Недаром чешский военный историк А. Бинар считает, что «боевая ценность чехословацкого корпуса <...> не имела значения»⁷, хотя необходимо отметить наличие у этого формирования боевых заслуг.

Политические цели создания чехословацкого и югославского формирований обусловили следующие основные задачи, поставленные перед ними:

– устойчивость, то есть существование и – при наличии возможностей (прежде всего, связанных с комплектованием) – поступательное развитие воинского формирования в ходе войны как доказательство прочности политических отношений между СССР и соответствующей страной;

⁴ *Pojić, Milan*. Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941–1943: ratni dnevnik. Zagreb, 2007.

⁵ *Bajić, Predrag B.* Савезничка војна помоћ НОП-у 1943–1945. године. Београд, 2016. С. 275.

⁶ *Za svobodu Československa: Kapitoly z dějin Československé vojenské jednotky v SSSR za Druhé světové války*. Svazek třetí. Praha, 1960. S. 305; *Димитријевић, Бојан Б.* Совјетска обавештајна служба у Југославији 1944–1948. године // Ослобођење Београда: Зборник радова. Београд, 2010. С. 451; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. Т. 8. М., 2014. С. 407.

⁷ *Binar, Aleš*. Československý vojenský odboj za Druhé světové války na Východě (1939–1945). Brno, 2019. S. 96.

– применимость в качестве политического инструмента. Первым ее критерием было наличие самого факта участия воинского формирования в боевых действиях как демонстрация единства антигитлеровских усилий соответствующей страны и СССР. При этом результаты и продолжительность боевых действий основополагающего значения не имели: так, в декабре 1942 г. советская комиссия рекомендовала направить 1-й чехословацкий батальон на фронт, чтобы «не размагнитить» морально-политическое состояние его воинов, а затем, «через некоторое время», батальон с фронта снять⁸. Вторым критерий – применение созданного в СССР иностранного формирования в качестве не только военной, но и политической основы для создания послевоенной армии соответствующего государства.

Реализация указанных выше задач должна была стать показателем эффективности и доказательством правильности решения о создании на территории СССР чехословацкого и югославского воинских формирований.

Создание этих формирований имело схожие условия. Была похожа судьба самих Чехословацкого и Югославского государств, в годы Второй мировой войны уничтоженных и расчлененных усилиями нацистского блока государств. Созданные на обломках Чехословакии и Югославии марионеточные государства Словакия и Хорватия вступили в войну против СССР на стороне Германии, вследствие чего словацкие и хорватские военнопленные вошли в состав контингента для создававшихся на советской территории чехословацкого и югославского воинских формирований. Советский Союз обеспечил обоим формированиям высококачественное обучение и снабжение. При этом власти СССР выбрали нейтральный политический курс по отношению к создаваемым формированиям, который, во-первых, базировался не на «коммунистическом», а на «общеславянском факторе»⁹, и, во-вторых, на подчеркнутой принадлежности создаваемых воинских формирований к Чехословакии и Югославии как суверенным государствам и к их «традиционным» («буржуазным») армиям¹⁰. С другой стороны, власти СССР стремились держать чехословацкое и югославское формирования под своим контролем¹¹. Контингент этих формирований отличался политической и этнической неоднородностью: в их составе находились сторонники разных политических партий и представители многих этносов (чехи, словаки, русины, евреи; сербы, хорваты, боснийцы, словенцы и др., соответственно), что способствовало наличию политических и этнических противоречий внутри чехословацкого и югославского формирований. Была схожа роль чехословацких и югославских коммунистов, которые в личном составе формирований составляли далеко не большинство, но смогли взять под свой контроль политико-воспитательную работу в них¹². Наконец, сходство было обусловлено воздействием на процесс создания чехословацкого и югославского формирований со стороны Великобритании, которая пыталась препятствовать сближению эмигрантских правительств Чехословакии и Югославии с Советским Союзом¹³.

⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 56. Оп. 12238. Д. 65. Л. 2.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 300. Л. 82; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 74.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 580. Л. 53; *Семиряга М.И.* Формирование иностранных воинских частей... С. 54; *Pojić, Milan.* Hrvatska pukovnija 369... S. 83.

¹¹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 580. Л. 63; *Джилас М.* Беседы со Сталиным. С. 48; *Kalvoda, Josef.* Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy. Washington (DC), 1978. P. 126.

¹² *Шинкарев И.И.* Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 115, 136.

¹³ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 177; *Сиполс В.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М., 2000. С. 224; *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии, 1941–1945. М., 2010. С. 405.

В то же время, процесс создания и функционирования чехословацкого и югославского воинских формирований имел и существенные различия.

Правовые основы создания воинских формирований

Отношения между СССР и эмигрантским правительством Чехословакии были весьма тесными и продуктивными, причем и советская, и чехословацкая стороны в этом процессе проявляли склонность к разумному компромиссу¹⁴. 18 июля 1941 г. было подписано соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне. 7 сентября 1941 г. стороны подписали «Военное соглашение», согласно которому создаваемые в СССР чехословацкие части предназначались «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии». Заключенный 12 декабря 1943 г. «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» стал дополнительной основой для создания и функционирования чехословацкого воинского формирования¹⁵.

После начала Великой Отечественной войны Советский Союз предпринял попытку к сближению с эмигрантским правительством Югославии, однако этого не произошло по вине югославской стороны. Сотрудничества не получилось в том числе и по вопросу создания югославской воинской части¹⁶. Эмигрантское правительство отказалось участвовать в этом начинании, заявив, что «военнопленные югославы нарушили присягу и поступили на службу к немцам»¹⁷. Со второй половины 1942 г. отношения между СССР и правительством Югославии неуклонно ухудшались и в итоге были заморожены¹⁸.

В итоге решение создать югославскую воинскую часть было принято руководством СССР без каких-либо договоренностей с эмигрантским правительством¹⁹ и с использованием в качестве юридического основания лишь поступившего в октябре 1943 г. «ходатайства военнопленных германской, итальянской и венгерской армий югославских национальностей». (Характерно, что в своем обращении к советскому руководству сами военнопленные просили не обращать внимание на отношение эмигрантского правительства к национально-освободительному движению в Югославии)²⁰. Хорватский историк М. Пойич считает, что к значимости заявления военнопленных «надо относиться достаточно осторожно», так как формирование иностранных войск и так уже являлось частью политики СССР²¹. На наш взгляд, наоборот, в сложившихся условиях «правового вакуума» волеизъявление пленных имело важнейшее юридическое значение.

Морально-политические особенности личного состава

Костяк личного состава чехословацкой воинской части включал военнослужащих армии Чехословакии, перешедших на советскую территорию из Польши в сентябре 1939 г., беженцев из оккупированного Венгрией Закарпатья²², граждан СССР «чехословацкой национальности» (в первую очередь – волынских чехов), а также

¹⁴ Картавий С.Н. Создание в СССР иностранных военных формирований... С. 70.

¹⁵ Кујев – Дукла – Прага. Прага, 1975. С. 49.

¹⁶ Семиряга М.И. Формирование иностранных воинских частей... С. 69; *Кукобат, Илија*. Совјетски утицаји на југословенско ваздухопловство, 1941–1949: Између сарадње и супротстављања. Београд, 2020. С. 40.

¹⁷ Картавий С.Н. Создание в СССР иностранных военных формирований... С. 78.

¹⁸ Тимофеев А.Ю. Русский фактор... С. 234–235, 238, 241, 254–256.

¹⁹ Картавий С.Н. Создание в СССР иностранных военных формирований... С. 78.

²⁰ ЦАМО. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 46. Л. 27–27 об, 73 (Источник: mil.ru)

²¹ *Pojić, Milan*. Hrvatska pukovnija 369... С. 82.

²² *Za slobodu Československa...* Svazek první. Praha, 1959. S. 117.

военнопленных²³, часть которых перешла на советскую сторону добровольно²⁴ либо вообще не воевала против Красной армии (рабочие военно-строительной организации Тодта)²⁵. Настроения основной части оказавшихся в СССР чехословацких воинов были «здоровыми»²⁶, а если и возникало недовольство, то зачастую оно было вызвано не желанием воевать, а наоборот, недовольством затягиванием отправки на фронт²⁷.

подавляющую часть военнослужащих югославского батальона составляли бывшие военнопленные, в том числе из Хорватского легиона в составе вермахта. Многие из них разделяли шовинистическую «ушастскую» идеологию, отправились на Восточный фронт добровольно и воевали на советско-германском фронте в полную силу²⁸. Хотя, по утверждениям командования и политкомиссаров, в созданной в СССР югославской воинской части настроения не были «нездоровыми»²⁹, тем не менее, и политическое состояние этого формирования было неустойчивым³⁰, и дисциплина у бывших военнопленных была слабой³¹.

Отличались также морально-политические характеристики командиров чехословацкой и югославской воинских частей. Л. Свобода был кадровым офицером Чехословацкой армии и ни дня не служил в гитлеровских войсках. Он являлся непоколебимым сторонником участия чехословаков в войне против нацизма. У Свободы сложились конструктивные и до необходимых пределов доверительные отношения с представителями Советского правительства. М. Месич – командир артиллерийского дивизиона Хорватского легиона (в январе 1943 г., перед сдачей в плен, принял командование всем легионом), кавалер гитлеровского Железного креста³². Его биография была настолько «сомнительной», что советской пропаганде приходилось скрывать ее обстоятельства³³. Доверия к нему со стороны советских властей быть не могло, и назначение Месича командиром югославского формирования, создававшегося в СССР, произошло только по причине его популярности среди основной части воинского контингента этого формирования.

Развитие воинских формирований

Развитие чехословацкого воинского формирования было поступательным в ходе всей войны. Чехословацкий батальон в апреле 1943 г. был переформирован в бригаду, в апреле 1944 г. – в армейский корпус. Закономерным образом росла численность личного состава этого воинского формирования, улучшалась обеспеченность вооружением и техникой, расширялись виды войск – вплоть до создания авиационных, воздушно-десантных и танковых частей. Чехословацкое воинское формирова-

²³ *Марына В.В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос... С. 90.

²⁴ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 390; Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского Договора., 1941–1949 гг. М., 1975. С. 30;

²⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184. Л. 161–162.

²⁶ Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 5а. Д. 1. Л. 39–42; *Марына В.В.* Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 71.

²⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12238. Д. 65. Л. 1.

²⁸ *Романько О.В.* Хорватские добровольческие формирования на советско-германском фронте (1941–1943) // Военно-исторический архив. 2011. № 9. С. 77; *Муромцева Л.Х.* История боевых действий советских войск против хорватских формирований на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2021. С. 281, 283.

²⁹ *Popović, Nikola B.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svjetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988. S. 246.

³⁰ *Petranović, Branko, Dautović, Sava.* Jugoslovenska revoljucija i SSSR: 1941–1945. Beograd, 1988. S. 277–278.

³¹ *Popović, Nikola B.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 244, 244.

³² *Duretić, Veselin.* Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Кн. II. Beograd, 1985. S. 96, 198.

³³ См.: Красная звезда. 1944. 8 января. С. 3; Правда. 1944. 16 февраля. С. 2.

ние достигло и устойчивости, и применимости. Оно получило «боевое крещение» на территории СССР в марте 1943 г. и затем периодически принимало участие в боевых действиях: в ноябре 1943 г. – январе 1944 г., сентябре – октябре 1944 г. и январе – мае 1945 г. С политической точки зрения было важно, что чехословацкий корпус вместе с Красной армией вошел на территорию Чехословакии и затем участвовал в освобождении своей страны. Как и планировало руководство СССР, корпус стал основой армии новой Чехословакии³⁴, а его командир Л. Свобода в апреле 1945 г. был назначен министром обороны этой страны.

Югославское воинское формирование в период пребывания его на территории СССР так же развивалось поступательно. Созданный в ноябре 1943 г. батальон был переформирован в мае 1944 г. в бригаду. Численность личного состава югославского формирования с января до августа 1944 г. выросла в 2,5 раза. Бригада получила от Советского Союза полноценное вооружение, технику и иные виды снабжения. Она действительно могла стать основой новой армии Югославии, так как советское руководство – во многом справедливо – рассматривало югославское народно-освободительное движение под командованием И.Б. Тито как слабо организованную группу партизанских отрядов и диверсантских групп³⁵. Летом 1944 г., когда 1-я югославская бригада завершала свое формирование, для армии Тито сложилась тяжелая ситуация. Однако достижению эффективности Югославской бригады мешали вновь возникшие обстоятельства.

Появление новой югославской политической силы и «переформатирование» югославской бригады

Решение о создании в СССР югославской воинской части почти совпало по времени с признанием Советским Союзом Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), созданного в конце ноября 1943 г. под председательством коммуниста И.Б. Тито как «временного правительства» этой страны. Однако создание и формирование югославского батальона вначале происходило только при участии СССР.

Ситуация изменилась в апреле 1944 г., когда в Москву прибыла Югославская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом В. Терзичем (фактически «посольство» НКОЮ). Руководство НКОЮ взяло курс на присоединение к советскому лагерю, в том числе признав созданное в СССР югославское формирование как самостоятельную воинскую часть Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ)³⁶. Взамен советское правительство, в своих внешнеполитических расчетах сделав ставку на дальнейшее сотрудничество с И.Б. Тито, «отошло в сторону» и фактически полностью передало политический контроль над югославским воинским формированием в руки военной миссии. СССР оставил это формирование без своего политического надзора и вмешательства, хотя и продолжал ее обучение и снабжение.

Через посредство Югославской военной миссии НКОЮ сразу же взял курс на ликвидацию поддержанных советскими властями «буржуазных» основ югославского формирования. 4 мая 1944 г. в батальоне были введены должности политического комиссара части³⁷ и комиссаров на низовых уровнях³⁸, создана парторганизация Компартии Югославии (до того коммунисты действовали в воинской части неофициально). В конце августа 1944 г. в бригаду «на усиление» были отправлены лояль-

³⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 768. Л. 3; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 327, 361, 383–384; Великая Отечественная война... С. 405.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371. Л. 23, 34.

³⁶ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза... С. 137–138.

³⁷ Rojić, Milan. Hrvatska pukovnija 369... S. 83, 85.

³⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 580. Л. 29.

ные И.Б. Тито офицеры-коммунисты, в том числе новый политический комиссар Дж. Лончаревич³⁹. Тем не менее, Тито постоянно проявлял негативизм по отношению к командованию и личному составу бригады. По нашему мнению, причина такого отношения заключалась не только в политическом недоверии бывшим «ушастам», но и в «ревности» командования НОАЮ по адресу хорошо вооруженной и экипированной югославской воинской части, созданной в СССР.

Инспекторские смотры, проведенные в конце июля 1944 г., перед отбытием 1-й югославской бригады на запад, показали, что ее личный состав подготовлен к выполнению боевых задач⁴⁰. В августе 1944 г. командование бригады в своем обращении к советскому руководству официально подтвердило готовность югославских воинов воевать и попросило ввести бригаду в боевые действия. Однако это произошло только после ее прибытия в Югославию и передачи 13 октября 1944 г. в состав НОАЮ. В конце того же месяца бригада была введена в боевые действия в районе г. Чачак. Ее наступление было успешным⁴¹, однако бригаде оказалось не под силу выдержать натиск превосходящих сил противника⁴² при слабой поддержке со стороны других частей НОАЮ. Таким образом, бригада, несмотря на все «сложные моменты», связанные с политическим настроением ее личного состава, действительно была готова к участию в военных действиях. Она понесла в боях большие потери, а ее пропавшие без вести воины, обвиненные командованием НОАЮ в «переходе на сторону противника», составляли лишь около 3% численности личного состава бригады⁴³.

Тем не менее, неудачами военных действий под Чачаком в своих целях воспользовалось командование НОАЮ. 2 ноября 1944 г. бригада была выведена в тыл, подвергнута кардинальной «чистке» и «переформатированию». 18 ноября были лишены должностей М. Месич, начальник штаба М. Пришлин и другие офицеры из бывшего Хорватского легиона, а начальник разведслужбы подпоручник Н. Шабски был расстрелян как «агент гестапо»⁴⁴. Югославское командование окончательно ликвидировало «вольности», отличавшие бригаду от других частей НОАЮ, а также отобрало у нее весомую часть материальных ресурсов, переданных советской стороной⁴⁵.

В дальнейшем, после такого жесткого «переформатирования», бригада с тем или иным успехом несколько месяцев воевала на Сремском фронте, в Боснии и Славонии, но это было уже «иное» воинское формирование. К концу войны в бригаде осталось только около 20 % бойцов, которые первоначально входили в ее состав. Остальные погибли, были ранены или переведены в другие части⁴⁶. Основой для создания новой армии Югославии 1-я югославская бригада в итоге не стала. В ноябре 1945 г. большая часть ее воинов была демобилизована, и бригада фактически перестала существовать⁴⁷.

³⁹ *Popović, Nikola B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 245–246.*

⁴⁰ *Антосяк А. Советско-югославское боевое сотрудничество в годы второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1978. № 5. С. 75.*

⁴¹ *Pojić, Milan. Hrvatska pukovnija 369... S. 88, 90.*

⁴² *Вргович С. Партизанскими тропами. М., 1977. С. 138.*

⁴³ Посчитано по: *Popović, Nikola B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... S. 243; Pojić, Milan. Hrvatska pukovnija 369... S. 90.*

⁴⁴ *Pojić, Milan. Hrvatska pukovnija 369... S. 84, 90, 92; М. Месич сначала был оставлен «в распоряжении», а затем уволен из армии. После 1948 г. он подвергся преследованиям не только за «нацистское прошлое», но и за возможную связь с советскими спецслужбами, затем в результате несчастного случая стал инвалидом, умер в 1982 г.*

⁴⁵ *Тимофеев А.Ю. Русский фактор... С. 347–348.*

⁴⁶ *Вргович С. Партизанскими тропами. С. 139.*

⁴⁷ *Pojić, Milan. Hrvatska pukovnija 369... S. 92.*

Неудачные попытки «переформатирования» чехословацкого воинского формирования

Чехословацкое эмигрантское правительство тоже стремилось «переформатировать» воинское формирование, созданное в СССР, чтобы сделать его более лояльным себе⁴⁸. Президент Э. Бенеш настаивал на приезде в Советский Союз офицеров из-за границы⁴⁹ и пытался заменить Л. Свободу другим командиром. В мае 1943 г. это практически удалось, когда на должность «командующего чехословацкими частями в СССР» был назначен лояльный лондонскому правительству Я. Крадохвил⁵⁰, а Свобода остался на должности командира бригады. Однако план по смещению Свободы не удался. В ночь с 9 на 10 сентября 1941 г. приказом советского командования обвиненный в неудачах 1-го чехословацкого армейского корпуса во время Карпатско-Дуклинской операции Крадохвил был снят с поста командующего и на его место был назначен Свобода⁵¹. Кроме того, хотя в СССР из-за границы прибыло некоторое количество чехословацких офицеров, главенствующие позиции в воинской части они не заняли.

После неудачи с «переформатированием» эмигрантское правительство Чехословакии и далее пыталось снизить военно-политическую значимость созданного в СССР формирования. По указанию Э. Бенеша в ноябре 1944 г. прибывший из Лондона генерал А. Гасал развернул деятельность по формированию другой, «альтернативной», полностью подконтрольной эмигрантскому правительству армии на территории Закарпатья, тогда принадлежавшего Чехословакии. Однако советская сторона вновь продемонстрировала, что только она играет главную политическую роль в вопросе создания чехословацких воинских формирований: командование 4-го Украинского фронта дало указание Гасалу распустить созданные им части, а их личный состав – отправить в 1-й чехословацкий армейский корпус. Затем эмигрантское правительство еще раз попыталось создать «альтернативную» армию на освобожденной территории Словакии⁵², но советские власти вновь не дали этого сделать⁵³.

Выводы

Таким образом, анализ факторов, повлиявших на судьбу 1-го чехословацкого армейского корпуса и 1-й югославской пехотной бригады, созданных в Советском Союзе, показал, что в достижении этими формированиями эффективности решающую роль сыграли их взаимоотношения с главным политическим участником этого процесса. Именно от воли этого участника зависело и достижение поставленных при создании иностранного формирования целей, и само его существование. Для чехословацкого корпуса таковым постоянно был СССР, который всеми силами старался обеспечить устойчивость и применимость этого формирования, что и было успешно достигнуто.

У 1-й югославской бригады в апреле – мае 1944 г. появился новый главный политический участник (НКОЮ). Его ревнивое и в целом негативное отношение к бригаде определило невозможность достижения запланированной советским руководством эффективности этого воинского формирования. После вывода бригады на территорию Югославии в октябре 1944 г. не только остановилось ее развитие,

⁴⁸ Za svobodu Československa... Svazek první. S. 111.

⁴⁹ Richter, Karel, Benčík, Antonín. Kdo byl Generál Píka: portrét čs. vojáka a diplomata. Brno, 1997. S. 172.

⁵⁰ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза... С. 102, 114.

⁵¹ Марьина В.В. Чехословацкие воинские части в СССР... С. 101.

⁵² Za svobodu Československa... Svazek třetí. S. 276, 284.

⁵³ Maršálek, Zdenko. “Česká”, nebo “československá” armáda? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945. Praha, 2017. S. 339.

но и благодаря усилиям командования НОАЮ она утратила свое первоначальное значение как «образцовое» формирование, призванное стать основой новой Югославской армии.

Воздействие указанного выше фактора развернуло судьбу чехословацкого и югославского воинских формирований, созданных в СССР, в разных направлениях. Если 1-й чехословацкий армейский корпус стал символом борьбы Чехословакии с нацизмом (что не отрицает современная чешская историография) и основой новой Чехословацкой армии, то 1-я югославская бригада была жестко «перестроена», «растворена» в составе НОАЮ, основой новой Югославской армии не стала, а затем практически была предана забвению.

Остальные факторы были косвенными для достижения применимости и устойчивости чехословацкого и югославского воинских формирований, созданных в СССР, хотя и оказали значимое воздействие на различные аспекты их создания, комплектования и боевого применения. В числе таких факторов – наличие правовых основ (межгосударственных соглашений), принадлежность к традиционной армии соответствующей страны, влияние других стран (в данном случае – Великобритании).

Поступила в редакцию / Submitted: 02.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.09.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 28.09.2023

References

- Antosjak, A. “Sovetsko-jugoslavskoe boevoe sotrudnichestvo v gody vtoroi mirovoi voiny [Soviet-Yugoslav Military Cooperation During World War II].” *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 5 (1978): 67–82 (in Russian).
- Bajić, Predrag Dj. *Saveznička vojna pomoć NOP-u 1943–1945. godine* [The Allied Military Assistance to the National Liberation Movement in 1943–1945]. Belgrade: [N.s.], 2016 (in Serbian).
- Binar, Aleš. *Československý vojenský odboj za Druhé světové války na Východě (1939–1945)* [Czechoslovak Military Resistance during World War II in the East (1939–1945)]. Brno: Univerzita obrany v Brně, 2019 (in Czech).
- Dimitrijević, Bojan B. “Sovjetska obavestajna služba u Jugoslaviji 1944–1948. godine [The Soviet Intelligence Service in Yugoslavia in 1944–1948].” In *Oslobodjenje Beograda: Zbornik radova* [Liberation of Belgrade: Collection of Works], 437–455. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2010 (in Serbian).
- Dzhilas, M. *Besedy so Stalinym* [Conversations with Stalin]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2002 (in Russian).
- Đuretić, Veselin. *Saveznici i jugoslovenska ratna drama* [The Allies and the Yugoslav War Drama], bk. 2. Beograd: Narodna knjiga Publ., 1985 (in Serbian).
- Kalvoda, Josef. *Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy*. Washington (DC): University Press of America, 1978.
- Kartavy, S.N. “Sozdanie v SSSR inostrannykh voennykh formirovaniy i podgotovka dlia nikh ofiterskikh kadrov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Creation of Foreign Military Formations in the USSR and Training of Officers for Them During the Great Patriotic War].” PhD dis., P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2000 (in Russian).
- Kukobat, Iliya. *Sovjetski uticaji na jugoslovensko vazduhoplovstvo, 1941–1949: Između saradnje i suprotstavljanja* [Soviet Influences on the Yugoslav Air Force, 1941–1949: Between Cooperation and Opposition]. Beograd: Institut za savremenu istoriju Publ., 2020 (in Serbian).
- Mar'ina, V.V. “Chekhoslovatskie voinskie chasti v SSSR. 1941–1945 gody [Czechoslovak Military Units in the USSR, 1941–1945].” *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3 (2010): 83–106 (in Russian).
- Mar'ina, V.V. “Chekhoslovackiy legion v SSSR (1939–1941 gg.) [The Czechoslovak Legion in the USSR (1939–1941)].” *Voprosy istorii*, no. 2 (1998): 58–73 (in Russian).
- Mar'ina, V.V. *Sovetskii Soiuz i chekho-slovackii vopros vo vremia Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945 gg.* [The Soviet Union and the Czecho-Slovak Question During World War II, 1939–1945], bk. 2. Moscow: Indrik Publ., 2009 (in Russian).

- Maršalek, Zdenko. *‘Česká,’ nebo ‘československá’ armada? Národnostní složení československých vojenských jednotek v zahraničí v letech 1939–1945* [‘Czech,’ or ‘Czechoslovak Army? National Composition of Czechoslovak Military Units Abroad in 1939–1945]. Praha: Academia Publ., 2017 (in Czech).
- Muromtseva, L.H. “Istoriia boevykh deistvii sovetskikh voisk protiv khorvatskikh formirovaniia na sovetско-germanskом fronte v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1943 gg.) [The history of the fighting of Soviet troops against Croatian formations on the Soviet-German front during the Great Patriotic War (1941–1943)].” PhD Dissertation, Voronezh State Pedagogical University, 2021 (in Russian).
- Petranović, Branko. *Srbija u Drugom svetskom ratu, 1939–1945* [Serbia in the Second World War, 1939–1945]. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar Publ., 1992 (in Serbian).
- Petranović, Branko, and Dautović, Sava. *Jugoslovenska revolucija i SSSR: 1941–1945* [The Yugoslav Revolution and the USSR: 1941–1945]. Beograd: Narodna knjiga Publ., 1988 (in Serbian).
- Pojić, Milan. *Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941–1943: ratni dnevnik* [Croatian Regiment 369. in the Eastern Theater 1941–1943: War Diary]. Zagreb: Hrvatski državni arhiv Publ., 2007 (in Croatian).
- Popović, Nikola B. *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945)* [Yugoslav-Soviet Relations in World War II (1941–1945)]. Beograd: Institut za savremenu istoriju Publ., 1988 (in Serbian).
- Richter, Karel, and Benčík, Antonín. *Kdo byl Generál Píka: portrét čs. vojáka a diplomata* [Who was General Píka: Portrait of the Czech Republic’s Soldier and Diplomat]. Brno: Doplněk Publ., 1997 (in Czech).
- Roman’ko, O.V. “Khorvatskie dobrovol’cheskie formirovaniia na sovetско-germanskом fronte (1941–1943) [Croatian Volunteer Formations on the Soviet-German Front (1941–1943)].” *Voенno-istoricheskii arkhiv*, no. 9 (2011): 71–90 (in Russian).
- Semiryaga, M.I. “Formirovanie inostrannykh voinskikh chastei na territorii SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Formation of Foreign Military Units on the Territory of the USSR During the Great Patriotic War].” *Voенno-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1959): 54–69 (in Russian).
- Shinkarev, I.I. “Rol’ Sovetskogo Soiuzа v sozdaniі voozruzhennykh sil stran Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Role of the Soviet Union in the Creation of the Armed Forces of Eastern and Southeastern Europe During the Great Patriotic War].” PhD diss., Military-Political Order of Lenin Red Banner Academy named after V.I. Lenin, 1966 (in Russian).
- Sipols, V. *Velikaia Pobeda i diplomatia. 1941–1945* [The Great Victory and Diplomacy. 1941–1945]. Moscow: Novina Publ., 2000 (in Russian).
- Timofeev, A.Yu. *Russkii faktor: Vtoraia mirovaia voina v Jugoslavii, 1941–1945* [The Russian Factor: World War II in Yugoslavia, 1941–1945]. Moscow: Veche Publ., 2010 (in Russian).
- Vrgovich, S. *Partizanskimi tropami* [By Patrisan Paths]. Moscow: Voenizdat Publ., 1977 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Федор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32а; permcavt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Fedor L. Sinityn, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher at the Department for Modern and Contemporary History, Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; permcavt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-656-669>
EDN: NHUDLO

Научная статья / Research article

Венгерские добровольческие антифашистские вооруженные формирования в годы Великой Отечественной войны

Сергей Юрьевич Кондратенко

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

konrad_85@mail.ru

Аннотация: На примере истории венгерских добровольческих антифашистских формирований, созданных в годы Великой Отечественной войны, автором выявляются и раскрываются факторы, ставшие решающими при создании «иностранной» воинской части. Источниковая база, использованная при проведении исследования, включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы из фондов трех федеральных архивов – Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Создание венгерских воинских частей затруднялось отсутствием организованного антифашистского движения среди военнопленных, которые в основной своей массе сохраняли верность режиму М. Хорти. Изменения внутри- и внешнеполитического положения Венгрии в 1944 г. способствовало развертыванию добровольческого движения и началу процесса формирования венгерских добровольческих антифашистских соединений. Автор приходит к выводу, что решающими факторами, оказавшими влияние на формирование венгерских добровольческих соединений, стали внешние факторы. Они способствовали росту антифашистских и антигерманских настроений в среде военнопленных, что привело к изменению отношения венгров к идее создания добровольческих соединений, что позволило советскому командованию приступить к их развертыванию на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: добровольческое движение, Вторая мировая война, венгерские военнопленные, Коммунистическая партия Венгрии, правительство Миклоша Каллаи

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Иностранные воинские формирования, созданные Советским Союзом для борьбы с нацистской Германией в годы Великой Отечественной войны: политические решения, организация, комплектование» (№ 22–28–00405).

Для цитирования: Кондратенко С.Ю. Венгерские добровольческие антифашистские вооруженные формирования в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 656–669. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-656-669>

Hungarian Volunteer Anti-Fascist Armed Groups during the Great Patriotic War

Sergey Yu. Kondratenko

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

konrad_85@mail.ru

Abstract: Using the example of the history of Hungarian volunteer anti-fascist groups created during the Great Patriotic War, the author identifies the factors that became decisive in the formation of a “foreign” military unit. The source base used in the research includes both published and unpublished



documents from three federal archives – the Russian State Archive of Socio-Political History, the Russian State Military Archive, and the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The creation of Hungarian military units was complicated by the lack of an organized anti-fascist movement among prisoners of war, who for the most part remained loyal to the regime of Miklós Horthy. The changes in the domestic and foreign political situation of Hungary in 1944 contributed to the development of the volunteer movement and the beginning of the process of forming Hungarian volunteer anti-fascist groups. The author comes to the conclusion that the decisive factors that influenced the formation of the Hungarian volunteer units were the external ones. They contributed to the growth of anti-fascist and anti-German sentiment among prisoners of war, which led to a change in the attitude of the Hungarians to the idea of creating volunteer units; it allowed the Soviet command to begin their deployment at the final stage of the Great Patriotic War.

Keywords: volunteer movement, World War II, Hungarian prisoners of war, Communist Party of Hungary, government of Miklós Kállay

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation within the framework of the project “Foreign military formations created by the Soviet Union to fight Nazi Germany during the Great Patriotic War: political decisions, organization, recruitment” (No. 22–28–00405).

For citation: Kondratenko, S.Yu. “Hungarian Volunteer Anti-Fascist Armed Groups during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 656–669 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-656-669>

Введение

В годы Великой Отечественной войны в составе Красной армии действовали «иностранцы» воинские формирования, укомплектованные как гражданами стран-союзниц СССР по Антигитлеровской коалиции – Польши, Чехословакии, Югославии, так и бывшими военнопленными армий стран-союзниц нацистской Германии – Румынии и Венгрии. В исторической науке вопросы создания и боевого применения «иностранцев» формирований Красной армии рассмотрены недостаточно. В статье на примере истории венгерских добровольческих антифашистских вооруженных формирований выявляются и анализируются факторы, ставшие решающими при создании «иностранного» соединения.

В годы Великой Отечественной войны Венгрия являлась союзником нацистской Германии и направила свои войска на советско-германский фронт. Венгерские соединения участвовали в боевых действиях в 1941–1943 гг., но после тяжелых поражений на фронте они были выведены в Венгрию. Только на оккупированной советской территории были оставлены венгерские части и соединения, которые принимали участие в антипартизанских и карательных операциях¹. Венгрия оставалась союзником Германии до конца войны и ее вооруженные силы участвовали в боях с советскими войсками до полной и безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Однако на завершающем этапе войны на территории Венгрии, занятой советскими войсками, были созданы венгерские воинские формирования для участия в боевых действиях против немецко-венгерских войск совместно с Красной Армией.

В советской историографии особое внимание уделялось изучению антифашистского сопротивления в Венгрии, деятельности венгерских коммунистов – эмигрантов, формированию новых органов власти на занятой советскими войсками территории Венгрии и ряду других вопросов². Таким образом, советские историки не уделяли должного внимания проблеме создания венгерских вооруженных формирований в составе Красной Армии.

¹ Nigel Thomas, László Pál Szabó. *The Royal Hungarian Army in World War II*. London, 2008. P. 18.

² Держалюк Н.С. Венгерские интернационалисты в Великой Отечественной войне. К., 1985; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941–1945 гг. М., 1978 и др.

Современные российские и зарубежные историки помимо вышеозначенных проблем в своих работах обратились к новым направлениям исследования участия Венгрии во Второй мировой войне: содержание и трудовое использование венгерских военнопленных, их взаимодействие с местным населением и советскими органами власти, участие венгерских войск в антипартизанских и карательных операциях и др.³ Стоит особо отметить работы Н.В. Филоненко⁴, в которых на обширной источниковой базе рассматривается участие венгерских вооруженных сил в боевых действиях на советско-германском фронте, особый интерес в контексте тематики статьи вызывают приводимые Н.В. Филоненко материалы о работе советских политорганов по разложению венгерских войск. Таким образом, вопрос о формировании венгерских просоветских добровольческих антифашистских вооруженных формирований остается недостаточно изученным в отечественной историографии, и данная статья призвана восполнить этот пробел.

Цель исследования – выявление причин возникновения добровольческого антифашистского движения среди венгерских военнопленных и особенностей формирования венгерских воинских соединений в составе Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

Источниковой базой исследования стали не только опубликованные документы и материалы⁵, но и архивные документы из фондов Исполнительного комитета Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 495), Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР Российского государственного военного архива (Ф. 4п), Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии (Ф. 56) и трофейного фонда Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Ф. 500).

Участие венгерских войск в боевых действиях на советско-германском фронте в 1941–1944 гг.

4 июня 1920 г. в Трианонском дворце венгерская делегация подписала с Антантой мирный договор, который поставил точку не только в участии страны в Первой мировой войне, но и в политических катаклизмах 1918–1919 гг. По условиям договора Венгерское королевство лишилось 2/3 своей территории и 60 % населения⁶.

Трианонский договор стал для Венгрии настоящей национальной трагедией, и «нацию охватили чувство ярости и жажда мести, спрессованные в лозунг: “Нет, нет, никогда!”⁷. Установившийся в Венгрии после разгрома коммунистов авторитарный режим регента адмирала Миклоша Хорти на волне общественного возмущения взял курс на реваншизм и сотрудничество со странами будущей «оси» – фашистской Италией и нацистской Германией.

³ Краус Т., Варга Е.М. Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований 2015. № 1. С. 73–96; Краус Т. Венгерские войска во Второй мировой войне: горькая правда архивных документов и попытка ревизии // Quaestio Rossica 2020. № 2. С. 604–620; Перевозчиков Д.В. Из истории пребывания венгерских военнопленных в Удмуртии в 1943–1949 годах // Славяноведение 2020. № 1. С. 83–88 и др.

⁴ Филоненко Н.В. История боевых действий советских войск против вооруженных сил хортистской Венгрии на территории СССР (1941–1944 гг.). Воронеж, 2017; Филоненко Н.В. Документы 2-й венгерской армии в архивах России, Венгрии, Германии и Италии // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 143–154 и др.

⁵ Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М., 2005; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне: документы и материалы. М., 1985; Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. М., 2014. Т. 2.

⁶ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 444.

⁷ Там же. С. 424.

К лету 1941 г., сотрудничая со странами-агрессорами, режим Хорти смог вернуть 80 тыс. кв. км территории,⁸ потерянной по Трианонскому договору. Венгрия рассчитывала продолжить возврат утраченных территорий, в том числе и вооруженным путем. Однако Германия рассматривала ее исключительно как поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции. При подготовке нападения на СССР немецкое командование не планировало задействовать венгерские войска, но использовало территорию королевства для переброски немецких войск в Румынию⁹.

Являясь частью блока агрессивных держав и находясь под давлением крайне правых и фашистских сил, режим Хорти не мог избежать участия в войне против СССР. После «кошицкого инцидента», когда якобы советские самолеты нанесли удар по г. Кошице, 27 июня 1941 г. Венгрия объявила войну Советскому Союзу. Для участия в боевых действиях против Красной Армии была направлена Карпатская группа под командованием генерал-полковника Ференца Сомбатхейи. В ее состав вошли VIII корпус (1-я горная и 8-я пограничная бригады) и Мобильный корпус (1-я и 2-я моторизованная, 1-я и 2-я кавалерийские бригады). Общая численность группы составляла 44 444 солдата и офицера¹⁰.

Карпатская группа оперативно подчинялась немецкой группе армий «Юг» и практически сразу после начала боевых действий была разделена. VIII корпус был выделен для несения оккупационной службы, а Мобильный корпус совместно с соединениями немецких 17-й армии и 1-й танковой группы принял участие в боевых действиях на Украине. В ноябре 1941 г. Мобильный корпус был возвращен в Венгрию.

В январе 1942 г. в Будапешт прибыл начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель с настойчивым требованием расширить участие страны в войне. Венгерское военно-политическое руководство согласилось отправить весной 1942 г. на советско-германский фронт отдельную армию.

В апреле 1942 г. на фронт была направлена 2-я армия под командованием генерал-полковника Густава Яни, состоявшая из III, IV, VII корпусов (9 легких дивизий) и 1-й полевой бронетанковой дивизии. Общая численность армии составляла 209 000 солдат и офицеров¹¹.

Венгерские войска заняли участок фронта юго-западнее Воронежа и в течение лета – осени 1942 г. вели тяжелые бои с советскими войсками за донские плацдармы.

12 января 1943 г. войска Воронежского фронта перешли в наступление против 2-й венгерской армии. В историю Великой Отечественной войны эта операция вошла как Острогжско-Россошанская, в ходе которой были разбиты не только венгерские, но и итальянские, и немецкие войска. Большая часть дивизий 2-й армии была окружена и разгромлена и лишь соединения, дислоцированные в тыловых районах, смогли в беспорядке отступить. Остатки 2-й армии в апреле 1943 г. были выведены в Венгрию.

Отдельные венгерские соединения продолжали нести службу на оккупированной территории СССР, принимая участие в карательных операциях против партизан и мирных жителей.

Война против СССР была встречена в Венгрии без особого энтузиазма, за исключением фашистских и ультраправых кругов. И чем больше Германия эксплуатировала экономику страны, чем более тревожные новости приходили с фронта, тем сильнее росло недовольство войной во всех слоях венгерского общества, в том числе и в вооруженных силах. Штабные офицеры 2-й армии отмечали, что народные массы Венгрии не понимают, почему их страна участвует в войне с СССР,

⁸ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 489.

⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2003. С. 275.

¹⁰ Nigel Thomas, László Pál Szabó. The Royal Hungarian Army... P. 15.

¹¹ Ibid. P. 16.

и поэтому не поддерживают армию¹². Малая часть венгерских офицеров пытались поднять боевой дух своих войск лозунгами борьбы с «мировым большевизмом». Так, в инструкции генерал-майора Имре Колошвари, командира 105-й легкой дивизии, отмечалось, что война против Советского Союза – это война с большевизмом, который стремился уничтожить не только Венгрию, но и всю Европу, и что это была превентивная война с целью сохранения независимости Венгрии¹³.

Идеи антибольшевизма были популярны среди военнослужащих с фашистскими и националистическими взглядами, которые принимали активное участие в боевых действиях, особенно карательных операциях против партизан. Однако большей части венгерских солдат были чужды крайне правые взгляды, и с каждым месяцем пребывания на советско-германском фронте их боевой дух падал.

Антифашистское движение венгерских военнопленных

Венгерское командование одним из важнейших факторов морального разложения военнослужащих считало советскую пропаганду. С первого дня участия Венгрии в войне против СССР советские органы пропаганды – Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Отделение по работе с войсками противника РККА развернули активную работу среди венгерских солдат и офицеров. К ней были привлечены влиятельные деятели венгерской коммунистической эмиграции, проживавшие в СССР, например Матьяш Ракоши, глава заграничного бюро ЦК Коммунистической партии Венгрии (КПВ), члены заграничного бюро ЦК КПВ Михай Фаркаш и Бела Санто, известный писатель Бела Иллеш и многие другие.

Активисты КПВ принимали активное участие в составлении агитационных материалов для венгерских солдат, часто лично выезжали на фронт и встречались с военнопленными. Лейтмотивом всех агитационных материалов был несправедливый для Венгрии характер войны против СССР, подчинение страны нацистской Германии и необходимость вооруженного сопротивления режиму Хорти. Так, в листовке от 17 июля 1942 г. отмечались добрососедские отношения между Венгрией и СССР и, в частности, говорилось:

Венгерским заводам не хватало сырья, на фабриках не было хлопка. Жителям не хватало одежды. Где было взять эти товары во время войны в Европе? На помощь Венгрии пришла Россия! 3 сентября 1940 г. Советский Союз подписал с Венгрией торговое соглашение. Советский Союз продал Венгрии тысячи тонн хлопка и другого текстильного сырья, марганцевую и хромовую руду на 19 миллионов пенго. Он согласился купить у Венгрии различные товары на 24 миллиона пенго. Венгерские рабочие вздохнули с облегчением. Их заводам уже не угрожала теперь остановка из-за отсутствия заказов и сырья. Деревенский люд и горожане обрадовались. Они знали: русский хлопок даст им одежду и белье. И, действительно, в Венгрию стали поступать один за другим поезда с русским сырьем¹⁴.

Далее в листовке указывалось, что взаимовыгодное сотрудничество между двумя странами было разрушено режимом Хорти, который «продался Гитлеру» и начал войну против СССР:

Кто проиграл от этого? Венгерский народ!

За первый год войны венгерские войска еще не принимали широкого участия в военных действиях. Тем не менее, они уже потеряли на русском фронте 64 тысяч человек. Теперь немцы гонят венгров на передовые позиции целыми бригадами и ежедневно гибнут тысячи венгров¹⁵.

¹² *Farkas Tamás*. On the periphery of the bloodlands: Hungarian Troops at War against Soviet Partisans. Oslo, 2020. P. 76.

¹³ *Farkas Tamás*. On the periphery of the bloodlands... P. 76.

¹⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Информационное противоборство в годы войны. М., 2014. Т. 2. С. 237.

¹⁵ Там же.

Листовки и другие агитационные материалы преследовали цель морального разложения венгерских солдат. Для решения этой задачи предназначались особые листовки, в которых приводились рассказы пленных. Так, в листовке от 15 июля 1942 г., написанной от имени четверых венгерских военнопленных, отмечалось хорошее обращение с ними в плену:

Мы, венгры, очень боялись плена, потому что и мы верили рассказам немцев о том, что здесь плохо обращаются с пленными. Но сейчас мы убедились, что это неправда. Пленным здесь никто ничего плохого не делает. Еще раз вам говорим: не бойтесь плена. Мы уже знаем, что такое плен, и даем вам венгерское честное слово, что здесь у русских ничего плохого с вами не случится, потому что и с нами они обращались с первого же дня честно и хорошо. Вам будет здесь хорошо¹⁶.

Далее говорилось о том, что война идет в интересах Германии – исконного врага Венгрии, и единственной возможностью не участвовать в ней является сдача в плен. В листовке отмечалось:

Война скоро не кончится, если вы будете продолжать помогать немцам – врагам венгерцев. Эта война не даст никакой пользы Венгрии и нам с вами. Не жалко ли проливать столько венгерской крови, только потому что этого требуют Гитлер и Хорти. Поэтому жалко каждой капли венгерской крови, которую венгерский солдат проливает за немца. Хватит проливать крови. Вы должны помочь кончить войну! Если вас не пускают домой, переходите в плен, и тогда ваша жизнь будет вне опасности, после войны вы также как и мы вернетесь к вашим семьям. Наша родина Венгрия будет иметь от этого больше пользы, чем, если бы мы умерли за немцев¹⁷.

Масштабы агитационной и пропагандистской работы в отношении венгерских войск были значительными, и даже вывод остатков 2-й армии в Венгрию не привел к снижению объема работы с венгерскими солдатами. Так, только с 25 апреля по 15 мая 1944 г. политорганы 1-го Украинского фронта и 18-й армии издали на венгерском языке 35 листовок тиражом свыше 5340 тыс. экземпляров и переправили через фронт в Венгрию 1 430 писем военнопленных¹⁸.

Результаты данной работы не только повлияли на морально-психологическое состояние венгерских войск, но и рост числа добровольно сдавшихся в плен. Так, только в мае 1944 г. на участке фронта, который занимала 18-я армия, добровольно сдалось 570 человек, а за последнюю неделю июля – 9 600 венгерских солдат и офицеров¹⁹.

Работа с венгерскими военнопленными была не менее важной. Советские политорганы и КПВ придавали ей особое значение. Агитацией и пропагандой предполагалось не только сформировать благожелательное отношение пленных к СССР, но и подготовить антифашистских агитаторов, кадры для партизанских отрядов и активистов будущей свободной и демократической Венгрии. Даже незначительное количество военнопленных, например на 1 апреля 1942 г. в лагерях Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), содержалось всего 55 военнопленных венгров²⁰, ни на минуту не останавливало данную работу.

В работе с пленными советские политорганы стремились добиться институционализации антифашистского движения. Начало этому процессу было положено в январе 1942 г., когда состоялась первая антифашистская конференция венгерских военнопленных, на которой была принята декларация «К венгерскому народу

¹⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Информационное противоборство в годы войны. М., 2014. Т. 2. С. 241, 242.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 366.

¹⁹ Там же. С. 365.

²⁰ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4п. Оп. 2. Д. 4. Л. 98.

и венгерской армии». На конференции прозвучали призывы к вооруженной борьбе с режимом Хорти:

Венграм необходимо воевать не против советских рабочих и крестьян, а против Хорти и Бардоши, которые поставили Венгрию на службу германским нацистам²¹.

Рост числа военнопленных венгров в 1942–1944 гг. (61 тыс.)²² позволил продолжить процесс формирования антифашистского движения, который стал более централизованным. В начале 1943 г. по инициативе Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) началось создание антифашистских школ для военнопленных, в которых под руководством активистов Коминтерна проходили обучение военнопленные. В мае 1943 г. начала работу Центральная антифашистская школа в г. Красногорске. Среди первого состава слушателей школы была и группа венгров в составе 40 человек²³. Всего в годы Великой Отечественной войны было создано 10 таких школ и центров по подготовке агитаторов и пропагандистов в лагерях военнопленных, в которых прошло обучение около 1 тыс. венгров²⁴.

Формирование среди венгерских военнопленных антифашистского актива, по мнению лидеров венгерских коммунистов, должно было способствовать организационному оформлению венгерского антифашистского движения по примеру Национального комитета «Свободная Германия» и Румынского национального комитета. В конце июля 1943 г. Начальнику УНКВД Молотовской области и начальнику лагеря военнопленных № 241 было направлено письмо о необходимости подготовки делегатов на съезд для создания Венгерского национального комитета. Приказывалось немедленно развернуть агитационную кампанию среди пленных венгерских солдат и особенно офицеров с целью создания комитета. Итогом агитационной кампании должны были стать общелагерные собрания, на которых избирались 3–5 делегатов на конференцию по формированию Венгерского национального комитета. Особо подчеркивалась необходимость избрания делегатов из числа старших и высших офицеров и необходимость «учесть, чтобы помимо рабочих и крестьян были представлены также и все другие слои венгерского населения»²⁵. Помимо создания Венгерского национального комитета, лидеры зарубежного бюро ЦК КПВ планировали сформировать из числа военнопленных воинскую часть имени Лайоша Кошута²⁶.

На конференцию прибыло 42 делегата, но представителей старшего и высшего офицерства среди них не было²⁷. Венгерским коммунистам так и не удалось привлечь их на свою сторону. Даже личные встречи Матьяша Ракоши с самым старшим по званию венгерским военнопленным офицером – генерал-лейтенантом Марцеллом Штоммом не увенчались успехом. Венгерские генералы не возражали против участия военнопленных в создании комитета, но сами наотрез отказались с ним сотрудничать. Камнем преткновения стала позиция офицеров относительно критики Миклоша Хорти. В специальном сообщении заграничного бюро ЦК КПВ в ИККИ отмечалось:

Военнопленные офицеры в своем подавляющем большинстве, а кадровые офицеры все без исключения, отказались выступать против Хорти <...> По их словам, Хорти и сам является противником немцев. Немцы убрали с дороги его сына, и он лишь под нажимом немцев включился в войну и уже старается из нее выйти²⁸.

²¹ *Держалюк Н.С.* Венгерские интернационалисты... С. 52.

²² Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. С. 11.

²³ *Держалюк Н.С.* Венгерские интернационалисты... С. 62.

²⁴ Там же. С. 64.

²⁵ РГВА. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 9. Л. 1.

²⁶ Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. С. 9.

²⁷ РГВА. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 9. Л. 25.

²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 142. Д. 825. Л. 18.

Далее подчеркивалось, что подобные настроения царят и среди солдат, более того они являются господствующими в самой Венгрии²⁹. По мнению венгерских коммунистов, изменить отношение в обществе к режиму Хорти было возможно только путем дальнейшей агитации и пропаганды, а также «развитием событий» вокруг Венгрии³⁰.

Работа конференции ограничилась принятием программы, в которую были внесены положения о необходимости выхода Венгрии из войны и разрыва союза с Германией. Попытки сформировать Венгерский национальный комитет и добровольческую воинскую часть не увенчались успехом.

Вновь к идее создания добровольческого соединения из своих военнопленных венгерские коммунисты вернулись в феврале 1944 г. 27 февраля 1944 г. Матьяш Ракоши обратился с письмом к Народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову с предложением о формировании дивизии из военнопленных венгерской армии. Глава заграничного бюро ЦК КПВ рекомендовал советскому руководству «создать из военнопленных венгерской армии военную организацию»³¹. Предпосылки для этого М. Ракоши видел в принятии венгерскими военнопленными резолюций, в которых они просили «дать им возможность с оружием в руках сражаться против фашистов и за независимую демократическую Венгрию»³². Планировалось создать полноценную дивизию, которая будет выполнять также и пропагандистские функции, так как

ее наличие содействовало бы подрыву духа в армии Хорти и очень укрепило бы позицию противников войны и друзей Советского Союза³³.

Однако М. Ракоши переоценил влияние принятых резолюций и масштабы добровольческого движения среди венгерских военнопленных. По данным УПВИ НКВД СССР, заявление о создании воинских частей для вооруженной борьбы совместно с Красной Армией было получено только от 499 военнопленных венгров³⁴.

Попытка зарубежного бюро ЦК КПВ создать добровольческую воинскую часть из венгерских военнопленных не увенчалась успехом вследствие того, что данная инициатива не опиралась на низовое добровольческое движение, как это было, например, среди румынских военнопленных, так как венгерские солдаты и офицеры сохраняли верность режиму Хорти. Переломить их сознание смогло развитие событий вокруг Венгрии, что и произошло в 1944 г.

Весь 1943 г. венгерское правительство Миклоша Каллаи с согласия регента искало пути вывода страны из войны. В сентябре 1943 г. союзники через Стамбул переслали «предварительное соглашение о перемирии», которое было принято М. Каллаи. Переговоры Венгрии с антигитлеровской коалицией не ускользнули от внимания Германии, и в Берлине был подготовлен план военной оккупации своего союзника.

В середине марта 1944 г. А. Гитлер пригласил М. Хорти на очередную встречу, где предъявил ему ультиматум с требованием ввода немецких войск в Венгрию. После тяжелых переговоров М. Хорти был вынужден принять эти условия, и 19 марта на территорию Венгрии вошли 8 немецких дивизий. Фактически страна оказалась под немецкой оккупацией и была вынуждена снова направить войска на советско-германский фронт. В северных Карпатах заняла позиции 1-я венгерская армия (VI корпус (18-я, 19-я резерв-

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 142. Д. 825. Л. 18.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 826. Л. 3.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ РГВА. Ф. 4п. Оп. 2. Д.3. Л. 81.

ные, 27-я легкая дивизии и 2-я горная бригада), VII корпус (16-я и 21-я легкие дивизии), IX корпус (20-я и 25-я пехотные дивизии), XI немецкий корпус (венгерские 24-я пехотная дивизия и 1-я горная бригада), 2-я бронетанковая и 201-я легкая дивизии)³⁵ под командованием генерал-лейтенанта Гезы Лакатоша. Венгерские войска летом – осенью 1944 г. вели тяжелые бои в Карпатах, постоянно отступая под ударами Красной Армии все дальше на запад вглубь Венгрии. Утром 23 сентября 1944 г. части советского 18-го танкового корпуса пересекли венгерскую границу. К концу года значительная часть территории страны была занята советскими войсками, а Будапешт оказался в плотном кольце окружения.

Наличие немецких войск в Венгрии не остановило попыток правительства страны договориться с антигитлеровской коалицией о перемирии. Предварительное перемирие было подписано 11 октября 1944 г. По его условиям Венгерское королевство должно было вернуть все территории, приобретенные после 1938 г., и объявить Германии войну³⁶. Через четыре дня, 15 октября М. Хорти обратился к нации с соответствующим воззванием, которое послужило сигналом к фашистскому мятежу. Нацистская Германия была осведомлена о переговорах Венгрии с союзниками и подготовила контрмеры. Вечером 15 октября члены венгерской фашистской партии «Скрещенные стрелы» заняли ключевые объекты в Будапеште, немецкие войска блокировали военные объекты, а офицеры Вермахта вынудили венгерский Генеральный штаб не подчиняться приказам М. Хорти. Регент на следующий день сложил с себя властные полномочия и назначил премьер-министром страны лидера венгерских фашистов Ференца Салаши, который сохранил верность союзу с Германией.³⁷ Венгрия оставалась союзницей нацистской Германии до самого последнего дня войны. Страна была оккупирована немецкими войсками, которые фактически подчинили себе венгерскую армию и нещадно эксплуатировали ее экономику.

Создание венгерских просоветских добровольческих антифашистских вооруженных формирований

Свержение М. Хорти, установление фашистской диктатуры Ф. Салаши и оккупация страны привели к росту антигерманских настроений в Венгрии, которые стали важным фактором, оказавшим влияние на создание венгерских добровольческих вооруженных формирований.

Массовые антигерманские настроения среди венгерских военнослужащих стали фиксироваться советским политорганами. Так, в донесении от 27 января 1945 г. начальника 7-го отдела политуправления 2-го Украинского фронта о работе политотдела 151-й стрелковой дивизии по разложению немецко-венгерских войск и населения противника, окруженных в Будапеште, отмечался рост антигерманских настроений, переходивших в откровенную враждебность к военнослужащим вермахта среди венгерских солдат и офицеров:

Командир роты 13 батальона «Кишко» старший лейтенант Копачи приказывал солдатам повернуть оружие против немцев и их помощников – «нилошей». Подобные примеры пленные в своих высказываниях приводят очень часто. Венгерские солдаты и офицеры – бывшие союзники немцев – стали теперь их врагами. Подавляющее большинство венгров понимало, к какой катастрофе их привели немцы. Отсюда – озлобление против немцев, иногда переходившее даже в стычки. Командир взвода 101 строительного батальона Варга Иштван рассказывал о том, что немецкие солдаты боялись в одиночку появляться среди венгров³⁸.

³⁵ Nigel Thomas, *László Pál Szabó. The Royal Hungarian Army...* P. 20.

³⁶ *Контлер Л. История Венгрии...* С. 499.

³⁷ Там же. С. 500.

³⁸ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Информационное противоборство в годы войны. М., 2014. Т. 2. С. 123–124.

Необходимо отметить, что подобные настроения были распространены не только среди рядовых и младших офицеров, но и среди старшего и высшего офицерского состава. Так, генерал-полковник Иван Хинди в своем отчете об окружении и уничтожении немецко-венгерских войск в районе Будапешта писал, что «нет теперь такого человека в Венгрии, который желал бы связать судьбу своей страны с Германией»³⁹.

Следствием роста антигерманских настроений в венгерской армии стала массовая добровольная сдача в плен. Так, в период боев за Будапешт только на участке 2-го Украинского фронта добровольно сдались 6440 солдат и офицеров. В один день, 28 декабря 1944 г., добровольно сдались в плен более тысячи солдат дивизии «Святой Ласло» во главе с командиром полка подполковником Ш. Валемом и 28 другими офицерами⁴⁰.

По данным политотделов советских фронтов и армий, многие венгерские солдаты, перешедшие на сторону Красной Армии, выражали желание с оружием в руках воевать против «нилашистов» и немецких оккупантов⁴¹. Генерал-полковник Миклош Бела в ноябре 1944 г. в письменном виде обратился к командующему 4-м Украинским фронтом генералу армии И.Е. Петрову с предложением создать при содействии советских войск венгерские части для борьбы с немцами, в том числе и с привлечением военнопленных.

Солдаты и офицеры, добровольно сдавшиеся в плен и изъявившие желание воевать с Германией, вливались в соединения, которые стали создаваться в это время по инициативе нового венгерского правительства.

Таким образом, еще одним фактором, оказавшим влияние на процесс создания венгерских соединений, оперативно подчиненных Красной армии, стало наличие альтернативных салашистским органов власти.

На освобожденной венгерской территории в г. Дебрецене 22 декабря 1944 г. было образовано Временное национальное правительство во главе с уже упоминавшимся генерал-полковником Миклошем Бела. В тот же день новое венгерское правительство приняло декларацию, в которой заявило о необходимости борьбы венгерского народа против немецких войск. Также в декларации было объявлено о начале формирования новой венгерской армии:

В интересах борьбы против немецких угнетателей и ускорения освобождения нашей Родины Временное национальное правительство создает новую национальную вооруженную силу, которая явится важнейшей гарантией венгерской независимости и государственного суверенитета⁴².

В это же время инициативу в формировании добровольческого венгерского воинского соединения проявили военнопленные, которые были хорошо осведомлены о ситуации вокруг страны и о создании Временного национального правительства. О своем желании послужить новому правительству заявил даже генерал-лейтенант М. Штомм, который годом ранее наотрез отказался сотрудничать с заграничным бюро ЦК КПВ. Вместе с генерал-майором Л. Деже 26 декабря 1944 г. он обратился к начальнику ГУПВИ НКВД СССР⁴³ генерал-лейтенанту И.А. Петрову с просьбой создать венгерские национальные части из числа военнопленных. В заявлении отмечалось, что стремление Временного правительства «приложить все силы венгер-

³⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12480. Д. 35. Л. 75.

⁴⁰ Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 377.

⁴¹ Там же. С. 377.

⁴² Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. М., 1966. С. 206.

⁴³ 1 января 1945 года УПВИ было реорганизовано в Главное управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ).

ской нации для того, чтобы встать в ряды демократических стран, воюющих против тиранического нацистского режима Гитлера»⁴⁴ вдохновило генералов «обратиться к Вашему превосходительству с просьбой по поводу создания венгерских национальных частей»⁴⁵. Далее шли заверения в том, что

все венгерские военнопленные одобряют нашу просьбу <...> Мы обещаем, что этот легион будет занимать должное место в рядах Красной Армии против нашего тысячелетнего врага – Германии. Эта война нужна для всей венгерской нации и для военнопленных чтобы своей кровью искупить наш позор последних трех лет⁴⁶.

Ознакомившись с просьбами венгерских военнопленных генералов, Государственный Комитет Обороны в декабре 1944 г. принял постановление о формировании во 2-м Украинском фронте 1-й добровольческой Венгерской пехотной дивизии. Дивизия должна была быть сформирована в г. Дебрецен по штатам венгерской армии численностью 14 тыс. чел. Укомплектовать дивизию офицерами, сержантским и рядовым составом планировалось на 25 % из числа добровольцев-военнопленных, содержащихся в тыловых лагерях, и на 75 % за счет пленных, находившихся во фронтовых лагерях 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов⁴⁷. Дивизию предполагалось вооружить трофейным вооружением, за что были ответственны 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты и Главное артиллерийское управление РККА⁴⁸. В дивизию направлялся инструкторский аппарат из числа офицеров Красной Армии, преимущественно знающих венгерский язык, также в ее составе создавался культурно-просветительский отдел, укомплектованный военнопленными венграми, прошедшими обучение в антифашистских школах и информационный отдел Контрразведки СМЕРШ⁴⁹. Формирование дивизии должно было быть завершено к 15 февраля 1945 г.

В лагерь военнопленных была направлена разнарядка на отправку в венгерскую дивизию 15 тыс. добровольцев, из этого числа 3,5 тыс. чел. должны были поступить из тыловых лагерей, а 11 500 из фронтовых⁵⁰. На 10 марта 1945 г. в распоряжение министерства обороны венгерского Временного правительства поступило 10 476 венгерских добровольцев,⁵¹ а всего из лагерей военнопленных ему было передано 21 756 чел.⁵² Также прорабатывался вопрос комплектования венгерских подразделений добровольцами из гражданского населения освобожденных территорий, ранее служивших в венгерской армии. Так, на 1 ноября 1944 г. во всех округах и фронтах содержался 8701 чел., ранее служивших в венгерской армии, однако среди них не было ни одного этнического венгра⁵³. Во время встречи 9 января 1945 г. представителя советского главного командования генерал-полковника Ф.И. Кузнецова с министром обороны Временного национального правительства генерал-полковником Яношем Верешем последний сообщил, что среди гражданского населения освобожденных территорий Венгрии может быть много желающих вступить в венгерские добровольческие формирования, причем среди них будут как резервисты, которые уже имеют военную подготовку, так и молодые контингенты с допри-

⁴⁴ Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 годов... С. 266.

⁴⁵ Там же. С. 267.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 265.

⁴⁸ Там же. С. 266.

⁴⁹ Там же. С. 265–266.

⁵⁰ Там же. С. 267–268.

⁵¹ Там же. С. 276.

⁵² Там же. С. 11.

⁵³ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 714. Л. 714.

зывной подготовкой⁵⁴. Вскоре задача использования людских ресурсов освобожденной территории Венгрии для борьбы с нацистской Германией была возложена на органы власти Временного национального правительства.

Строительство новой венгерской армии началось после 20 января 1945 г. В этот день Временное национальное правительство подписало Соглашение о перемирии со странами антигитлеровской коалиции. В ст. 1 Соглашения указывалось, что

правительство Венгрии обязуется содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (советского) Главнокомандования. При этом Венгрия выставит не менее 8 пехотных дивизий со средствами усиления⁵⁵.

Через десять дней после подписания соглашения о перемирии, 30 января 1945 г., венгерское правительство опубликовало обращение о призыве в новую армию. В обращении местным органам власти предписывалось до 18 февраля направить в министерство обороны списки добровольцев. После получения списков в министерстве была начата их обработка, которая велась с соблюдением всех бюрократических норм и правил, что затягивало развертывание соединений новой армии.

4 марта 1945 г. состоялось совещание заместителя председателя Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии генерал-лейтенанта М.М. Стахурского с премьер-министром Временного правительства, министром обороны и другими членами венгерского правительства. На совещании в том числе обсуждался вопрос о ходе формирования венгерских войск. В связи с экономическими и мобилизационными трудностями в стране было решено, в первую очередь, сформировать две пехотные дивизии⁵⁶. Обе дивизии имели одинаковую структуру: три пехотных и один артиллерийский полк, разведывательный и саперный батальоны, батальон связи и зенитно-артиллерийский дивизион. Боевой и численный состав дивизии был следующим: 10 500 чел., 3899 винтовок, 5610 пистолетов-пулеметов, 286 ручных пулеметов, 142 станковых пулемета, 44 миномета, 122 орудия⁵⁷.

К началу апреля 1-я и 6-я пехотные дивизии завершили формирования и были готовы к отправке на фронт. Обе дивизии были переданы в оперативное подчинение 3-го Украинского фронта, действовавшего в Австрии. 1-я пехотная дивизия вошла в состав 26-й армии и сосредоточилась в 20 км западнее г. Винер-Нойштадт. 6-я пехотная дивизия поступила в распоряжение 27-й армии и развернулась в районе австрийских городов Эдлиц и Хармиш западнее и юго-западнее г. Сомбатхей.

Однако дивизиям не пришлось участвовать в боевых действиях против немецких войск. После капитуляции нацистской Германии венгерские соединения были привлечены к ликвидации отдельных немецких и венгерских отрядов, отказавшихся сложить оружие, и во второй половине мая обе дивизии возвратились в Венгрию.

В начале апреля 1945 г. на базе венгерской 24-й пехотной дивизии, перешедшей на сторону Красной Армии, началось формирование 5-й пехотной дивизии, завершившееся уже после окончания войны.

Три пехотные дивизии, созданные при помощи Красной Армии, стали основой армии новой Венгрии, которая в послевоенные годы пошла по пути социалистического строительства и стала союзником СССР по Организации Варшавского Договора.

⁵⁴ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: документы и материалы. М., 1985. С. 257.

⁵⁵ Там же. С. 242–243.

⁵⁶ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании... С. 212.

⁵⁷ Там же. С. 213.

Выводы

Венгрия, являясь союзницей нацистской Германии и преследуя цель продолжить возвращение территорий, потерянных по Трианонскому мирному договору 1920 г., приняла участие в агрессии против СССР. Участие Венгрии в войне не имело широкой поддержки ни в венгерском обществе, ни в вооруженных силах. Лозунги борьбы с мировым большевизмом находили отклик только среди националистически и профашистски настроенных военнослужащих. Поражения немецких и венгерских войск на фронте приводили к падению боеспособности, разложению венгерских соединений и росту числа военнопленных. Данному процессу также способствовала пропагандистская работа, которую вели среди солдат и офицеров венгерской армии советские органы пропаганды с привлечением венгерских коммунистов-эмигрантов. Однако режим М. Хорти сохранял внутривнутриполитическую стабильность, а венгерские солдаты и офицеры хранили ему верность даже в плену, что затрудняло институционализацию венгерского антифашистского движения среди военнопленных. Все попытки заграничного бюро ЦК КПВ начать данный процесс терпели неудачи до тех пор, пока не изменилось внутри- и внешнеполитическое положение Венгрии. Немецкая оккупация страны, свержение осенью 1944 г. М. Хорти и установление фашистского режима Ф. Салаши способствовали росту антинемецких настроений как среди военнослужащих венгерской армии, так и среди военнопленных. Освобождение Красной Армией значительной части территории Венгрии позволило начать формирование альтернативных салашистским органов власти – в декабре 1944 г. было создано Временное национальное правительство, которое подписало перемирие со странами антигитлеровской коалиции. Рост антинемецких настроений и создание органов власти новой Венгрии стали необходимыми условиями для развертывания добровольческого движения. Венгерские военнопленные стали массово обращаться к советскому руководству с просьбой позволить им создать воинские части для борьбы с нацистской Германией. Советским военно-политическим руководством было принято решение возложить обязанность развертывания венгерских соединений на министерство обороны Временного национального правительства. Зимой – весной 1945 г. с помощью Красной Армии было начато формирование первых трех пехотных дивизий, которые комплектовались как добровольцами-военнопленными, так и бывшими военнослужащими венгерской армии. Дивизии не приняли активного участия в боевых действиях, но послужили основой для строительства новой венгерской армии.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2023

References

- Denes Bernad, and Charles K. Kliment. *Magyar Warriors: The History of the Royal Hungarian Armed Forces, 1919–1945*, vol. 1. London: Helion & Company, 2015.
- Derdzhalyuk, N.S. *Vengerskie internatsionalisty v Velikoi Otechestvennoi voine* [Hungarian internationalists in the Great Patriotic War]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1985 (in Russian).
- Farkas, Tamás. *On the periphery of the bloodlands: Hungarian Troops at War against Soviet Partisans*. Oslo: UiO, 2020.
- Kontler, L. *Istoriia Vengrii. Tysiachiletie v tsentre Evropy* [History of Hungary. Millennium in the center of Europe]. Moscow: Ves Mir Publ., 2002 (in Russian).
- Kraus, T., and Varga, E.M. “Vengerskie voiska i natsistskaia istrebitelnaia politika na territorii Sovetskogo Soiuzu [Hungarian troops and the Nazi extermination policy on the territory of the Soviet Union].” *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniï*, no. 1 (2015): 73–96 (in Russian).

- Kraus, T. “Hungarian troops in World War II: the bitter truth of archival documents and an attempt at revision.” *Quaestio Rossica*, no. 2 (2020): 604–620, <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.506> (in Russian).
- Muller-Gillebrandt, B. *Sukhoputnaia armiiia Germanii 1933–1945* [Land Army of Germany 1933–1945]. Moscow: Izografus, Eksmo Publ., 2003 (in Russian).
- Nigel, Thomas, László, Pál Szabó. *The Royal Hungarian Army in World War II*. London, Osprey Publ., 2008.
- Perevoshchikov, D.V. “From the history of the stay of Hungarian prisoners of war in Udmurtia in 1943–1949.” *Slavianovedenie*, no. 1 (2020): 83–88, <https://doi.org/10.31857/S0869544X0008118-2> (in Russian).
- Filonenko, N.V. “Documents of the 2nd Hungarian Army in the Archives of Russia, Hungary and Italy.” *Vestnik Arkhivista*, no. 3 (2017): 143–154 (in Russian).
- Filonenko N.V. “Istoriia boevykh deistvii sovetskikh voisk protiv voozruzhennykh sil khortistskoi Vengrii na territorii SSSR (1941–1944 gg.) [History of the military operations of the Soviet troops against the armed forces of Horthy Hungary on the territory of the USSR (1941–1944)].” PhD diss., Voronezh State University, 2017 (in Russian).
- Shinkarev, I.I. “*Rol Sovetskogo Soyuza v sozdanii voozruzhennykh sil stran Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*” [The role of the Soviet Union in the creation of the armed forces of the countries of Eastern and South-Eastern Europe during the Great Patriotic War].” PhD diss., Military-political Order of Lenin Red Banner Academy named after V.I. Lenin, 1966 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Юрьевич Кондратенко, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32А; Konrad_85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8228-7444>

Sergey Yu. Kondratenko, PhD in History, Junior Researcher at the Department of New and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia; Konrad_85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8228-7444>



СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-670-679>
EDN: JXDINT

Научная статья / Research article

Западная религиозная пропаганда в Святой Земле в переписке В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева в 1880-е гг.

Владимир Владимирович Блохин 

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ blokhin-vv@rudn.ru

Аннотация: Рассматривается переписка общественного и религиозного деятеля и основателя Императорского православного палестинского общества В.Н. Хитрово с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым в 1880-е гг., исследуется проблема пропаганды католической и протестантской церковью на Святой Земле. Показано, что в своих обстоятельных отчетах, исторических очерках и письмах В.Н. Хитрово информировал К.П. Победоносцева об угрозах православию в Святой Земле. Успехи западной пропаганды В.Н. Хитрово небезосновательно связывал с реализацией западными державами своих национальных интересов. Конфессиональная политика Франции и протестантских держав (Англии и Германии) являлась «инструментом» продвижения их национальных интересов. «Пропаганда» и религиозное проникновение западных конфессий проявлялась в религиозной и политической формах, что воплощалось в создании учебных заведений, больниц, распространении полусветских женских орденов, просвещении местного населения. Успех католицизма В.Н. Хитрово связывал с деятельностью Латинского патриарха И. Валерги. Особым направлением проникновения на Святую Землю являлись библейские исследования, одним из примеров которых стала деятельность викторианского генерала Гордона. Причины ослабления православия на Святой Земле В.Н. Хитрово связывал не только со скромным финансированием, но и с недостаточной координацией светских и церковных институтов Российской империи в реализации государственной конфессиональной политики. Автор приходит к выводу, что корреспондентов связывали доверительные отношения и схожие взгляды по основным религиозным и политическим вопросам.

Ключевые слова: Восточный вопрос, национальные интересы, Русская духовная миссия, внешняя церковно-государственная политика, Великие державы

Благодарности и финансирование: Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований ИППО – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» № 100517-1-174.

Для цитирования: Блохин В.В. Западная религиозная пропаганда в Святой Земле в переписке В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева в 1880-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 670–679. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-670-679>



Western Religious Propaganda in the Holy Land in the Correspondence of V.N. Khitrovo and K.P. Pobedonostsev in the 1880s

Vladimir V. Blokhin 

RUDN University, Moscow, Russia

✉ blokhin-vv@rudn.ru

Abstract: The author has examined the correspondence of socio-religious figure and founder of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) V.N. Khitrovo with Chief Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev in the 1880s; the problem of propaganda of the Catholic and Protestant churches in the Holy Land is explored. It is shown that in his detailed reports, historical essays and letters V.N. Khitrovo informed K.P. Pobedonostsev about threats to Orthodoxy in the Holy Land. V.N. Khitrovo rightly supposed that the success of Western propaganda was due to the Western powers' implementation of their national interests. The religious policy of France and the Protestant powers (England and Germany) was a "tool" for promoting their national interests. "Propaganda" and religious penetration of Western faiths manifested themselves in religious and political forms, which was embodied in the creation of educational institutions, hospitals, the spread of semi-secular women's orders, and the education of the local population. V.N. Khitrovo associated the success of Catholicism with the activities of Latin Patriarch I. Valerga. A special way of penetration into the Holy Land was biblical research, one example of which was the activities of Victorian General Gordon. V.N. Khitrovo considered that the weakening of Orthodoxy in the Holy Land was due to not only modest funding, but also insufficient coordination of secular and church institutions of the Russian Empire in the implementation of state religious policy. The author comes to the conclusion that the correspondents had trust-based relations and similar views on major religious and political issues.

Keywords: Eastern Question, national interests, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission, foreign church-state policy, Great Powers

Acknowledgements and Funding: The article was written within the framework of the implementation of the Program of Basic Scientific Research of the IOPS – Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the direction of "Russia and the Middle East: historical, political, archaeological and cultural contacts and connections" No. 100517-1-174.

For citation: Blokhin, V.V. "Western Religious Propaganda in the Holy Land in the Correspondence of V.N. Khitrovo and K.P. Pobedonostsev in the 1880s." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 670–679. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-670-679>

Введение

Ближний Восток и Палестина во второй половине XIX в. были фокусом международных противоречий, где перекрещивались интересы великих держав – Великобритании, Франции, России. Инструментом геополитического противостояния зачастую являлась «мягкая сила», когда утверждение политического господства происходило посредством религиозного проникновения. В этой связи изучение причин, форм и методов западной религиозной пропаганды, а также организация сопротивления расширению западного влияния в Палестине является чрезвычайно актуальной задачей. Особенный интерес представляют собой переписка В.Н. Хитрово, создателя Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) с Обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцева в 1880-е гг., период, когда существенно возросла роль церкви во внешней политике России.

История изучения вопроса довольно обстоятельна. Еще дореволюционные исследователи проявляли интерес к инославной пропаганде, проанализировав формы и методы ее ведения. Правда, научный интерес касался первой половины

XIX в.¹ Исключением был лишь труд Ф. Грекова, который рассматривал историю ИППО в 1880–1890-е гг., где переписка В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева была затронута лишь вскользь².

Эта тема не исчезла со страниц печати и в 1920-е гг.³ В советских работах конфессиональная проблематика во внешней политике европейских стран и России на Ближнем Востоке не занимала центрального места в научном дискурсе, а потому переписка В.Н. Хитрово с К.П. Победоносцевым осталась на периферии научного интереса⁴.

Подлинно масштабные исследования русского присутствия в Святой Земле развернулись благодаря вкладу одного из выдающихся византинистов России, философа и историка Н.Н. Лисового, который, хотя и подчеркивал значение К.П. Победоносцева в становлении ИППО, специально не рассматривал переписку обоих корреспондентов в контексте осмысления инославного влияния⁵.

Специально переписка В.Н. Хитрово с К.П. Победоносцева рассмотрена А.Ю. Полуновым, однако в указанном нами ракурсе отдельно не исследовалась⁶.

Современные российские ученые довольно обстоятельно рассмотрели проблематику внешней политики европейских держав, сконцентрировав свое внимание на первой половине XIX в. Российская исследовательница И.Ю. Смирнова отмечает:

Изучение предпосылок Крымской войны убеждает в том, что важным фактором в дипломатии ведущих держав служила их конфессиональная политика – установление церковно-миссионерского присутствия в странах Средиземноморья, прозелитизм среди православного населения восточных патриархатов, ослабление авторитета православной Российской империи с целью вытеснения России из ближневосточного региона»⁷.

Цель исследования – выяснение позиции В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева по отношению к западной конфессиональной пропаганде в Святой Земле в 1880-е гг.

Источниковой базой статьи являются письма В.Н. Хитрово к К.П. Победоносцеву, его обстоятельные исторические обзоры западного проникновения в Палестину, имевшие очевидно аналитический характер. Многие из них были предназначены решить конкретные проблемы и коллизии, возникавшие между русскими консулами, представителями МИД, с одной стороны, представителями Русской ду-

¹ См.: *Аничкова В.Н.* Французская католическая миссия на Востоке // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1906. Т. 17. Вып. 3; *Безобразов П.В.* Инославная пропаганда в Палестине и Сирии // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1909. Т. XX. Вып. 3; *Дмитриевский Д.С.* Латинская уния в Палестине // Полтавские епархиальные ведомости. 1898. Т. 8.

² См.: *Греков Ф.* Императорское Православное Палестинское Общество. Очерк его деятельности за 1882–1890-е гг. СПб., 1891.

³ См.: *Успенский Ф.И.* Конкуренция народов на Ближнем Востоке. Россия и Франция // Сообщения российского Палестинского общества. 1926. Т. 29. С. 1–27.

⁴ См.: *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30–40-х гг. XIX века. М., 1975; *Георгиев В.А., Княгина Н.С., Панченкова М.Т., Шерст В.И.* Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII начало XX века. М., 1978.

⁵ См.: *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX начале XX в. М., 2006.

⁶ См.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев и русские учреждения в Святой Земле // К.П. Победоносцев и русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М.; СПб., 2017.

⁷ *Смирнова И.Ю.* 1) Конфессиональная политика великих держав на христианском Востоке в 50–60-е гг. XIX в. // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 1. С. 92; См. также: 2) Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX веке // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. Научный журнал. 2021. № 3 (8). С. 351–360.

ховной миссии, с другой. Свою задачу В.Н. Хитрово видел в донесении объективной информации К.П. Победоносцеву, от которого напрямую зависела эффективность защиты русских интересов в Святой Земле.

Значительный массив писем и записок К.П. Победоносцева опубликован в обширных сборниках документов о В.Н. Хитрово, имеющих поистине энциклопедический характер⁸.

Концептуальное значение для исследования темы имеют и сами труды К.П. Победоносцева⁹.

Международный контекст

При характеристике внешней политики России важно учитывать, что она диктовалась не только защитой своих национальных интересов, но и защитой православия, поскольку Россия считала себя преемницей Византии. Особенно это чувствительно было на Святой Земле, что диктовало потребность координации в деятельности светских и церковных органов власти¹⁰.

По мнению И.Ю. Смирновой, содействие зарубежной деятельности Русской православной церкви составляло одну из главных функций российского дипломатического ведомства. И прежде всего конфессиональная направленность российской дипломатии проявлялась в таком этнорелигиозном регионе, как христианский Восток, где церковная политика России в силу исторических и религиозных причин не могла не совпадать с политикой государственной¹¹.

В 1880-х гг. значение этноконфессионального аспекта еще в большей мере возросло. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. еще в большей степени ослабила позиции России на Ближнем Востоке. В значительной степени это обуславливалось тем, что многие деятели церкви, особенно болгары, представители Константинопольского патриархата, эллинисты все в большей степени в своей религиозной деятельности руководствовались не вселенскими христианскими принципами, а сугубо национальными мотивами и интересами. Политическая целесообразность стала преобладать в религиозных кругах, за спинами которых стояли национальные правительства. В Палестине активизировались католические и протестантские круги, вдохновляемые своими национальными правительствами. В этих условиях и российская власть стала вносить коррективы в свою внешнюю политику. Олицетворением перемен стал К.П. Победоносцев.

Будучи глубоко религиозной и цельной натурой, К.П. Победоносцев проницательно оценивал вызовы современного западного секуляризма¹². В условиях, когда в политической культуре европейских стран и среди либеральных кругов России активно утверждалась мысль об отделении церкви от государства, обер-прокурор Синода подчеркивал значение духовной деятельности церкви в обществе. К.П. Победоносцев писал:

Государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное...¹³

⁸ См.: К.П. Победоносцев и русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М.; СПб., 2017; Россия в Святой земле. Документы и материалы: в 3 томах. М., 2015; *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. Т. 1–3.

⁹ *Победоносцев К.П.* Государство и Церковь. М., 2011. Т. 1–2.

¹⁰ *Смирнова И.Ю.* Конфессиональный вектор... С. 353.

¹¹ Там же.

¹² *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев и русские учреждения в Святой Земле // К.П. Победоносцев и русская духовная миссия... С. 20.

¹³ *Победоносцев К.П.* Государство и Церковь. М., 2011. Т. 2. С. 312.

Такая установка побуждала Победоносцева активно вмешиваться в «светскую» внешнюю политику, влиять на российскую дипломатию.

Принципиальное значение для русского дела в Палестине имело назначение К.П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего Синода. Поддержка великих князей в этом вопросе свидетельствовала о государственных приоритетах российской власти¹⁴.

По справедливому замечанию Л. Герд, при К.П. Победоносцеве «на место панславизма в русской внешней политике пришла русская национальная политика»¹⁵.

Незаменимым корреспондентом и экспертом для Победоносцева стал В.Н. Хитрово, обсуждавший с ним ключевые вопросы внешней церковно-государственной политики. Знакомство с публицистикой В.Н. Хитрово, с его письмами и обстоятельными очерками показывает, насколько глубоки и проницательны были суждения Хитрово о проблемах русского присутствия в Святой Земле.

При характеристике взаимоотношений этих двух выдающихся деятелей русской религиозной жизни нельзя не учитывать фактор их личной дружбы и единомыслия. Если В.Н. Хитрово был инициатором создания ИППО, то Победоносцев оказывал обществу серьезную материальную и организационную поддержку. Известно, что в первые годы существования ИППО заседания общества проходили в доме Победоносцева¹⁶. Сам проект создания ИППО В.Н. Хитрово направил на рассмотрение К.П. Победоносцева. В своем письме от 2 января 1882 г. К.П. Победоносцеву он писал:

В личных разговорах, которых Вам угодно было [меня] удостоить, а равно и письменно, позволил я себе изложить Вам мое глубокое убеждение в необходимости и пользе учреждения подобного Общества¹⁷.

Речь, следовательно, шла еще о личных контактах и личных разговорах.

Впечатляет и высокая оценка К.П. Победоносцевым знаний В.Н. Хитрово в области церковной жизни. В письме от 4 февраля 1883 г. Победоносцев попросил Хитрово дать оценку трудам священника Кашменского с целью рекомендовать к публикации от имени Палестинского общества:

Достопочтеннейший Василий Николаевич! Позвольте просить Вас рассмотреть прилагаемые рукописи: Свящ[енник] Кашменский, почтенный человек и замечательный у нас деятель в Церкви. Другая рукопись давно уже сообщена мне г. Сумароковым. Мне желательно знать, признаете ли Вы полезным напечатать которую-нибудь из этих рукописей от имени Палестинского Общества. Душевно преданный К. Победоносцев¹⁸.

Первое, что особенно важно учитывать при изучении наследия В.Н. Хитрово, – это связь его религиозных наблюдений с осознанием внешнеполитических перемен, происходивших в Европе. Опубликовав свой очерк «Православие в Святой Земле» в 1881 г., то есть в период, когда Победоносцев стал политической опорой нового императора Александра III, Хитрово отмечал:

¹⁴ Лисовой Н.Н. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. М., 2000. Вып. 2. С. 67.

¹⁵ Герд Лора. Константинопольская патриархия и Русская церковь перед революцией // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. №1 (34). С. 290.

¹⁶ Лисовой Н.Н., Миклиева М.А. К истории русского духовного и политического присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Россия в Святой земле. Документы и материалы. М., 2015. Т. 1. С. 38.

¹⁷ Письмо В.Н. Хитрово к Обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 2 января 1882 // Россия в Святой земле. Документы и материалы в 3-х т. М., 2015. Т. 3. С. 98.

¹⁸ Письмо Обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева к помощнику председателя православного палестинского общества В.Н. Хитрово от 4 февраля 1883 г. // Россия в Святой земле... С. 123.

С этого же года т. н. «восточный вопрос» приобретает свой острый характер, и политические цели европейских держав нередко прикрываются религиозным знаменем. Это последнее обстоятельство в особенности не следует упускать из виду для правильного суждения о положении Православия и о религиозном движении в Св. Земле за последние 40 лет¹⁹.

«Дело Валерги не пропадет...»

Очерку «Православие в Святой Земле» предшествовал набросок, адресованный В.Н. Хитрово выдающемуся государственному деятелю и востоковеду адмиралу Е.В. Путятину, под названием «Иерусалимский вопрос. Записка графу Е.В. Путятину» (1878), в котором были очерчены угрозы русскому религиозно-политическому влиянию в Палестине. В первую очередь, это – распространение католической пропаганды. Ключевая идея письма состоит в констатации того факта, что спонсором католического влияния и пропаганды являлось французское правительство. В этой связи Хитрово рассматривал назначение Иерусалимским патриархом ставленника Франции Иосифа Валергу:

Католическая пропаганда, которая благодаря войне (Крымской войне. – В.В.) и влиянию Франции, приняла в Святой Земле особенно значительные размеры <...> Валерга был, бесспорно, человеком замечательных способностей. Назначенный Иерусалимским патриархом, он, прежде всего, встретил сильнейший отпор со стороны францисканцев Святой земли, не только своих единоверцев, но и подчиненных ему в иерархическом отношении²⁰.

Автор пишет, что для того, чтобы сломить сопротивление ордена, Валерга заручился поддержкой Наполеона III²¹. Одновременно Хитрово замечает:

Валерга оставил их (францисканцев. – В.В.) при прежней деятельности и обратил внимание именно на те стороны, которыми они не занимались, – поднятием католического влияния и распространением католической пропаганды²².

Не менее опасным считал Хитрово и усиление политического влияния Франции, распространение среди местного населения привлекательной политической пропаганды, когда латинство выступало как инструмент Франции:

Но кроме этой религиозной пропаганды нельзя не обратить внимание и на политическую, преимущественно старшей дочери католической Церкви – Франции <...> Я позволю себе указать на особый вид политической пропаганды, который особенно практиковался императорской Францией. Это посылка правительственных ученых экспедиций. Широко задуманные, снабженные с избытком денежными средствами, со всевозможными рекламами, если они в ученом отношении далеко не всегда увенчивались желаемым успехом, то в политическом отношении они немало способствовали обаянию католической Франции. Чтобы подтвердить сказанное, упомяну имена Герена, Рея, Ренана и в особенности сенатора Соси²³.

По мнению В.Н. Хитрово, «ученые экспедиции достигли своей цели». Даже с переменой отдельных лиц, смертью Валерги, влияние Франции стало прочным, а «дело его (Валерги. – В.В.)» не пропадет²⁴.

Двумя годами позже, 12 апреля 1880 г., Хитрово пишет письмо К.П. Победоносцеву «Очерк положения Православия в Палестине». В нем он вновь подчеркивает, что Иосиф Валерга выражал национальные интересы Франции. Не имея воз-

¹⁹ Хитрово В.Н. Православие в святой земле // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 130.

²⁰ Хитрово В.Н. Иерусалимский вопрос. Записка, поданная Графу Е.В. Путятину 19 октября 1879 года // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 68.

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 69.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Там же. С. 70.

возможности сокрушить влиятельных францисканцев, Валерга обратился за помощью к имперскому правительству Франции:

Тогда он решил обратиться к только что образовавшейся императорской Франции и начинавшей вмешиваться в Восточные дела и в лице ее Валерга нашел сильного союзника <...> Благодаря всеильному тогда французскому правительству <...> он вернулся в Иерусалим полно-властным хозяином²⁵.

С момента своего укрепления И. Валерга развернул католическую пропаганду, кадрами для которой стали «полусветские, полумонашеские женские ордена». Одной из наиболее известных и влиятельных за 24 года присутствия в Святой Земле стала община «Сионских сестер», часть финансирования которой пришла от одной из сестер, бывшей замужем за одного из племянников Ротшильда²⁶.

В своем очерке В.Н. Хитрово указывает на две разновидности латинской пропаганды: религиозную и политическую. Религиозная пропаганда осуществлялась «даровой раздачей лекарств», бесплатной медицинской помощью, «устройством патронатов для воспитанников». Весь Иерусалим был окружен сетью «латинских монастырей, школами и госпиталями» как бы «передовыми фортами», что способствовало переходу населения в ряде пригородов Иерусалима в «поголовное латинство»²⁷.

Второй способ пропаганды – политический. Хитрово тонко подметил сильные стороны французского влияния – «посылку правительственных ученых экспедиций». Франция проводила серьезные библейские исследования. В этой связи необходимо отметить Шарля Гейярдо, «последователя Ренана», врача, археолога, географа, проведшего большую часть времени в Египте, Ливане и Палестине. Причем зачатую научные исследования шли рука об руку с разведывательными миссиями²⁸. В.Н. Хитрово Победоносцеву:

Не могу не заметить, что большинство этих экспедиций, сделанных преимущественно за счет французского правительства, немаловажную роль, как в английских, германских экспедициях, играла политическая подкладка²⁹.

Главным негативным результатом латинской пропаганды, по мнению Хитрово, стало сокращение числа в Святой Земле православных верующих. Он отмечал:

В 1880 году число протестантов доходит до 2 тыс., а число латинян до 12 тыс. У тех и у других, по имеющимся у меня сведениям, считается 165 разных учреждений, как-то монастырей, школ, приютов, больниц, странноприимных домов и т.п. Из 14 тыс. человек, составляющих протестантскую и латинскую общины в Святой Земле – 8 тыс. представляют то число православных, которых иноверным миссионерам удалось оторгнуть от православия и это, большею частью, в последние десять лет³⁰.

Еще большую опасность Хитрово связывал с обращением в католицизм детей, представлявших по большей части бедное и политически угнетенное население. К тому же на детей оказывали сильное воздействие «первые впечатления» от воспитания. Продолжение существовавших тенденций, по мнению Хитрово, приведет к тому, «что православие перестанет существовать в его колыбели»³¹.

²⁵ К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. СПб., 2017. С. 63.

²⁶ Там же. С. 64.

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ Манцевич Л.Н. Французский Иерусалим // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 3. С. 49.

²⁹ К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия... С. 67.

³⁰ Там же. С. 69.

³¹ Там же.

Протестанты на Святой Земле

Быстрые успехи показала и протестантская пропаганда, стремившаяся утвердиться с 1840-х гг. Протестанты положили себе прочное основание, укрепившись в школах, больницах, земледельческих колониях. Одним из инструментов утверждения их влияния в Палестине стали научные библейские исследования. В этой связи показательна роль британского миссионера, генерала Чарльза Джорджа Гордона, совершившего паломничество в Святую Землю в 1883 г. Интерес ко Святой Земле неуклонно возрастал в Британии с середины XIX в., когда был основан Фонд исследований Палестины (1865), привлечший к своей деятельности многочисленных энтузиастов науки.

Гордон был несомненным представителем викторианской эпохи, стремившийся всюду утвердить влияние Британской империи. В то же время он отстаивал идеи библейской археологии, которая представляла собой осуществление борьбы протестантов против власти католической церкви, символизируя глубину проникновения евангелизма в английское общество, возродив интерес не только к Новому Завету, но и стремлению привести в соответствие духовную Библию с исторической. С этой точки зрения поиск места Гроба Господня, который осуществлял Гордон, стал тогда окончательным вызовом католической церкви³².

Гордон был вдохновлен интеллектуальной атмосферой своего времени. Исторический, религиозный и научный контекст, следующий за наполеоновскими войнами, прогресс науки, включая теорию эволюции Дарвина, и возрождение религиозных верований и изучение Библии в Британии напрямую привело к взглядам Гордона на Святую Землю³³.

В результате археологических разысканий, оценка которых не входит в тематику статьи, Гордон пришел к весьма смелому заключению, что Христос был распят в другом месте, за пределами старого города, а сама его могила внешне, по очертаниям напоминала человеческую голову. Такая точка зрения ставила под сомнение, как мнение католиков, так и православных. Эта «революционная идея» Гордона становилась своеобразным вызовом традиционным представлениям о месте Голгофы.

К этим идеям Гордон подходил, опираясь на идеи Джона Нельсона Дарби, который скончался незадолго до прибытия Гордона в Палестину. Дарби был основателем так называемого диспенсационализма, что, в свою очередь, оказало влияние на его группу последователей, известную как Плимутские братья. В своих работах Дарби отождествлял реальный, исторический Иерусалим с духовным, что открывало огромные возможности для субъективных толкований евангельской истории³⁴.

В этой связи интересна оценка В.Н. Хитрово, данная им в его «Письмах о Святой Земле»:

Предположения Гордона так и остаются предположением даже между его соотечественниками; о нем даже научного спора серьезно вести нельзя, так как бесспорных доказательств, кроме своих догадок, не представил. Таких предположений относительно Иерусалима, и именно потому, что это Иерусалим, а не другой город, много³⁵.

Отвергнув «научные аргументы» генерала Гордона, Хитрово пришел к выводу политическому, состоявшему в «самоуверенности» протестантов, особенно немцев. Он замечал, что протестанты, «не имея в Храме Воскресенья» принадлежащей им доли», протиснулись туда, куда их раньше не пускали³⁶.

³² Frantzman Seth J., Kark Ruth. General Gordon, Palestine Research Foundation and the Origins of 'Gordon's Calvary' in the Holy Land // Palestine Research Quarterly. 2008. № 2. P. 120.

³³ Ibid. P. 127.

³⁴ Ibid. P. 130.

³⁵ Хитрово В.Н. Письма о Святой Земле // Сочинение сочинений и писем. М.; СПб., 2011. Т. 2. С. 11.

³⁶ Там же. С. 12.

Переписка В.Н. Хитрово с К.П. Победоносцевым, обстоятельные отчеты и исторические обзоры о протестантской и католической пропаганде должны были убедить в опасности этого феномена, привлечь внимание государственных лиц для активизации внешнеполитических усилий России в Палестине.

Ответом на инославную пропаганду и стало утверждение Императорского Православного Палестинского общества, которому была придана высшая государственная санкция. В.Н. Хитрово со всей убедительностью поставит вопрос об эффективности русского присутствия в Святой Земле. Для него была очевидна несогласованность духовной и светской власти в продвижении русских интересов в Палестине³⁷. В этой связи он писал Победоносцеву, что больше четверти века с малыми перерывами длится «глухая борьба между Патриархатом, консулом и начальником духовной миссии»³⁸.

Вместе с тем В.Н. Хитрово понимал, что судьба русского дела в Святой Земле зависела не только и не столько от материальных факторов, или «ежегодных щедрот государыни императрицы», но от самой поставки вопроса нашей политики в Палестине, о значении национально-религиозных приоритетов. Он заключал:

Мы не должны забывать завета нам данного – защиты православия и помнить слова Робинзона: если католик-прирожденный союзник Франции, протестант – Англии и Германии, то православный – такой же союзник России³⁹.

Выводы

Переписка В.Н. Хитрово с К.П. Победоносцевым показывает, что отношения между двумя корреспондентами носили доверительный личный характер, а сам Победоносцев высоко оценивал экспертные оценки В.Н. Хитрово религиозно-политической обстановки вокруг Святой Земли. Многолетнее сотрудничество В.Н. Хитрово с обер-прокурором Святейшего Синода обуславливалось единством их религиозно-политических воззрений.

Лейтмотивом переписки В.Н. Хитрово является убеждение, что успех западной пропаганды зависел от политических интересов европейских стран. Регулярно и настойчиво В.Н. Хитрово докладывал К.П. Победоносцеву о необходимости координации светских (МИД, консулы в Палестине) и религиозных (Русская духовная миссия) институтов в реализации конфессиональной политики в Святой Земле, что отвечало идейным воззрениям самого К.П. Победоносцева о нравственной и воспитательной роли Церкви в государственной жизни России.

Поступила в редакцию / Submitted: 01.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 22.10.2023

References

- Anichkova, V.N. “Frantsuzskaia katolicheskaia missiia na Vostoke [French Catholic Mission in the East].” *Soobshcheniia Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva* 17, no. 3 (1906): 352–362 (in Russian).
- Bezobrazov, P.V. “Inoslavnaia propaganda v Palestine i Sirii [Heterodox propaganda in Palestine and Syria].” *Soobshcheniia Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva* 20, no. 3 (1909): 405–420 (in Russian)

³⁷ Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. СПб., 2010. С. 63.

³⁸ К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия... С. 82.

³⁹ Там же. С. 83.

- Dmitrievskij, A.A. *Deiateli Russkoj Palestiny* [Figures of Russian Palestine]. St. Petersburg: Institut Olega Abyshko, 2010 (in Russian).
- Frantzman, Seth J., and Kark, Ruth. "General Gordon, Palestine Research Foundation and the Origins of 'Gordon's Calvary' in the Holy Land." *Palestine Research Quarterly* 140, no. 2 (2008): 119–136.
- Georgiev, V.A. Kinyapina, N.S., Panchenkova, M.T., and Sherest, V.I. *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii: konets XVIII – nachalo XX veka* [The Eastern question in Russian foreign policy: the end of the 18th century and the beginning of the 20th century] Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russian).
- Georgiev, V.A. *Vneshniaia politika Rossii na Blizhnem Vostoke v kontse 30–40-kh gg. XIX veka* [Russian foreign policy in the East in the late 30–40s of the XIX century]. Moscow: Iz-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1975 (in Russian).
- Gerd, Lora. "Konstantinopol'skaia patriarkhiia i Russkaia tserkov' pered revolyutsiei [Patriarchate of Constantinople and the Russian Church before the revolution]." *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1 (2016): 280–300 (in Russian).
- Grekov, F. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. Ocherk ego deiatel'nosti za 1882–1890-ye gg.* [Imperial Orthodox Palestine Society. Essay on his activities in 1882–1890s] (St. Petersburg: The P.P. Soikin's Publ.), 1891 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. *Sobranie sochinenii i pisem*, vol. 1. Moscow: IOPS Publ.; St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2011 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. "K istorii russkogo dukhovnogo prisutstviia v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke [On the history of the Russian spiritual presence in the Holy Land and the Middle East]." In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1997–1998 gg.* Issue 2, 56–89. Moscow: IRI RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. *Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and in the Middle East in the XIX and early XX centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2006 (in Russian).
- Lisovoy, N.N., and Mikileva, M.A. "K istorii russkogo duhovnogo i politicheskogo prisutstviia v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke [On the History of the Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East]." *Rossiiia v Svyatoi zemle. Dokumenty i materialy*. Moscow: Indrik Publ., 2015 (in Russian).
- Mancevich, L.N. "French Jerusalem." *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, no. 3 (2020): 46–64 (in Russian).
- Pobedonostsev, K.P. *Gosudarstvo i Tserkov'* [State and Church], vol. 2. Moscow: Institut Russkoi tsivilizatsii Publ., 2011 (in Russian).
- Polunov, A.Yu. "K.P. Pobedonostsev i russkie uchrezhdeniia v Sviatoj Zemle [K.P. Pobedonostsev and Russian institutions in the Holy Land]." In *K.P. Pobedonostsev i russkaia dukhovnaia missiia v Ierusalime v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III. K 170-letiiu osnovaniia*, 19–27. Moscow; St. Petersburg: Indrik Publ., 2017 (in Russian).
- Smirnova, I.Yu. "Confessional vector of Russian foreign policy: on the history of interaction between the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod in the 19th century." *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii*, no. 3 (2021): 351–360 (in Russian).
- Smirnova, I.Yu. "Konfessional'naia politika velikikh derzhav na khristianskom Vostoke v 50–60-e gg. XIX v. [Confessional policy of the great powers in the Christian East in the 50–60s. XIX century]." *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, no. 1 (2017): 91–111 (in Russian).
- Uspenskii, F.I. "Konkurentsiia narodov na Blizhnem Vostoke. Rossiia i Frantsiia [Competition between peoples in the Middle East. Russia and France]." In *Soobshcheniia rossiiskogo Palestinskogo obshchestva* 29 (1926): 1–27 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Владимирович Блохин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; blokhin-vv@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4901-2534>

Vladimir V. Blokhin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; blokhin-vv@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4901-2534>



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-680-695>
EDN: JXELJS

Научная статья / Research article

Положение религиозных общин в национальных автономиях СССР в 1985–1991 гг.: на примере Хакасской автономной области

Петр Константинович Дашковский[✉]^{ORCID}, Наталья Сергеевна Гончарова^{ORCID}

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

[✉ dashkovskiy@fpn.asu.ru](mailto:dashkovskiy@fpn.asu.ru)

Аннотация: Рассмотрено положение религиозных общин в Хакасской автономной области в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в период перестройки в 1985–1991 гг. Исследование проводилось на основе делопроизводственной документации государственных советских, партийных, учреждений и религиозных объединений, хранящихся в Национальном архиве Республики Хакасия и Государственном архиве Красноярского края, а также нормативно-правовых документов. В процессе исследования установлено, что в Хакасии, как и во всей стране, с 1985 г. происходила активизация религиозной жизни. При этом Уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю характеризовали религиозную обстановку в Хакасии как беспокойную еще с 1960-х гг. и просили о выделении отдельной должности для данной национальной автономии. Установлено, что наибольшая часть религиозных общин в регионе относилась к разным направлениям протестантизма, хотя также присутствовали последователи православия, католичества, ислама. В протестантских общинах происходило усиление миссионерства, а в ряде случаев наблюдалось стремление уйти от контактов с органами власти. Либерализация политики государства не всегда находила адекватное отражение в действиях органов власти Хакасской автономной области. Установлена взаимосвязь этнического и религиозного процессов. Отмечается склонность хакасов к пятидесятничеству и течению свидетелей Иеговы, представителей немецкой и польской национальностей к общинам католиков, лютеран, адвентистов седьмого дня. Кроме того, в регионе зафиксирована активизация проповеднической деятельности религиозных лидеров из Швеции и США.

Ключевые слова: М.С. Горбачев, этническая принадлежность верующих, Русская православная церковь, старообрядческая церковь, ислам в Хакасии

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

Для цитирования: Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Положение религиозных общин в национальных автономиях в 1985–1991 гг.: на примере Хакасской автономной области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 680–695. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-680-695>



Situation of Religious Communities in the USSR National Autonomies in 1985–1991: The Case of the Khakass Autonomous Region

Petr K. Dashkovskiy  , Natalia S. Goncharova 

Altai State University, Barnaul, Russia

 dashkovskiy@fpn.asu.ru

Abstract: The authors consider the situation of religious communities in the Khakass Autonomous Region in the context of the state-religious policy of the USSR during the period of perestroika in 1985–1991. The study was carried out on the basis of the records of state Soviet, party institutions and religious associations stored in the National Archive of the Republic of Khakassia and the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, as well as regulatory documents. In the course of the research it was established that in Khakassia, as well as throughout the country, from 1985 religious life was intensified. At the same time, the Commissioners of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Krasnoyarsk Territory characterized the religious situation in Khakassia as turbulent from the 1960s and asked for a dedicated post for this national autonomy. It was found that the largest part of the religious communities in the region belonged to different trends of Protestantism, although there were also followers of Orthodoxy, Catholicism, and Islam. In Protestant communities there was an increase in missionary work, and in some cases they wanted to avoid contacts with authorities. The liberalization of the state policy was not always adequately reflected in the actions of the authorities of the Khakass Autonomous Region. There was found relationship between ethnic and religious processes. It was noted that Khakassians tended towards Pentecostalism and Jehovah's Witnesses; representatives of German and Polish nationalities tended towards the communities of Catholics, Lutherans, and Seventh-day Adventists. In addition, in the region there was recorded an increase in the preaching activities of religious leaders from Sweden and the United States.

Keywords: M.S. Gorbachev, ethnicity of believers, Russian Orthodox Church, Old Believer Church, Islam in Khakassia

Acknowledgements and Funding: The study was carried out as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia” (project No. 23-18-00117).

For citation: Dashkovskiy, P.K., and Goncharova, N.S. “Situation of Religious Communities in the USSR National Autonomies in 1985–1991: The Case of the Khakass Autonomous Region.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 680–695. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-680-695>

Введение

Для населения Советского Союза, как и для современной России, было характерно этническое и религиозное многообразие. Одним из ключевых факторов авторитета советской власти с самого начала ее установления стало право наций на самоопределение. Ввиду особого внимания к национальной политике одним из направлений которой являлось регулирование религиозных процессов, руководство страны создавало национально-территориальные образования. В период перестройки в автономных республиках Советского Союза происходил рост национализма, который заметно усилился к концу 1980-х – началу 1990-х гг. В то же время в Хакасии, как, например, в Карелии или в Мордовии, влияние националистического движения было ограниченным¹. В то же время деятельность религиозных объеди-

¹ Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: Колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

нений на волне демократизации и смены курса в области государственно-конфессиональных отношений в Хакасской автономной области отличалась большой интенсивностью.

Общие тенденции государственно-конфессиональных отношений в СССР рассматривали М.И. Одинцов², М.В. Шкаровский³, Т.К. Никольская⁴ и другие исследователи. В работах данных авторов дан анализ основным нормативно-правовым документам, органом центральной и региональной власти, которые определяли деятельность конфессий в разные годы советской власти, в том числе в рассматриваемый период. В рамках изучения истории инакомыслия в СССР А.М. Алексеева затрагивает аспекты взаимоотношений власти с Советом церквей евангельских христиан-баптистов, пятидесятниками и адвентистами седьмого дня⁵. Отдельные аспекты истории протестантизма в Южной Сибири, в том числе в Хакасии, представлены в коллективной монографии А.А. Бадмаева, Ч.О. Адыгбай, В.А. Бурнакова, Д.М. Маншеева⁶. В работе дана общая характеристика религиозной ситуации в Хакасии советского времени, в частности, подробно представлены взаимоотношения государства и протестантских объединений в 1920–1950-х гг., а также затрагиваются вопросы о положении хакасских протестантов в 1960–1980-е гг. Определенное внимание проблеме эмиграционных настроений среди советских пятидесятников Хакасии уделяли Ф.Л. Сивацкий⁷, А.А. Королев, Л.А. Королева, А.Н. Молькин⁸. Отдельно стоит упомянуть исследование А.П. Яркова, посвященное проблеме распространения ислама в Хакасии. Он рассматривает исторический и современный аспекты данной проблематики, отмечая, что по целому ряду причин ислам не стал доминирующей религией в регионе⁹. Вместе с тем в современной исторической науке значительные лакуны обнаруживаются в изучении положения религиозных общин контексте государственно-конфессиональной политики СССР на примере территорий национальных автономий, в том числе Хакасии.

В этой связи целью данной работы является изучение положения религиозных общин в Хакасской автономной области в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в период 1985–1991 гг.

Исследование проводилось на основе делопроизводственной документации советских, партийных, государственных учреждений и религиозных объединений, хранящихся в фонде «Исполнительный комитет Хакасского областного Совета народных депутатов» (Ф. Р-39) в Национальном архиве Республики Хакассия. Также была использована делопроизводственная документация уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Красноярскому краю (Ф. Р-2384), хранящаяся в Государственном архиве Красноярского края. Она включает аналити-

² *Одинцов М.И.* 1) Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; 2) Россия строит светское государство (1985–1997) // Государство и церковь в России и за рубежом. 1997. № 3–4. С. 134–172.

³ *Шкаровский М.В.* РПЦ в 20 в. М., 2010.

⁴ *Никольская Т.К.* 1) Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009; 2) Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 2.

⁵ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. М., 2012.

⁶ *Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М.* Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск, 2006.

⁷ *Сивацкий Ф.Л.* Эмиграция верующих из СССР в 60–80-е годы (на примере пятидесятнических организаций Красноярского края) // Права человека в России: прошлое и настоящее: сборник докладов и материалов научно-практической конференции. Пермь, 1999 г. URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/1999/1999Sivacky.htm> (дата обращения: 24.10.2021).

⁸ *Королев А.А., Королева Л.А., Молькин А.Н.* Движение пятидесятников в СССР. 1950–1980 гг. // Genesis: исторические исследования. 2013. № 6. С. 125–131.

⁹ *Ярков А.П.* Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане») // Народы и религии Евразии. 2018. №16 (3). С. 99–110.

ческие и информационные записки, отчеты, деловую переписку уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю с Советом по делам религий при СМ СССР, с Красноярским краевым Советом народных депутатов, Хакасским областным Советом народных депутатов и с религиозными объединениями. Кроме того, использовались нормативно-правовые акты государственных и партийных органов, регламентирующие государственно-конфессиональные отношения, деятельность религиозных организаций в СССР.

В методологическом отношении работа базируется на системном подходе. В рамках данного подхода государственно-конфессиональные отношения рассматриваются как система, в которой происходят изменения форм взаимодействия между институтами государственной власти и религиозными объединениями.

Общая характеристика религиозных процессов в Хакасской автономной области

Политика в отношении религии в период руководства СССР М.С. Горбачевым первоначально развивалась в тех же тенденциях, что и при его предшественниках, и была ориентирована на контроль со стороны государственных и партийных органов за деятельностью конфессий и степенью религиозности населения. При этом заметные сдвиги в сторону либерализации государственно-конфессиональных отношений в период перестройки в стране проявлялись в обращении к традиционным духовным ценностям, в том числе религиозным. Как и в ситуации с национальной политикой, которая была одним из источников легитимности советской власти, государственно-конфессиональные отношения выстраивались таким образом, чтобы повысить лояльность верующих к руководству СССР. Одной из целей позитивного поворота политики государства стала поддержка политического курса со стороны Русской православной церкви¹⁰. В период реформ М.С. Горбачева постепенно происходили серьезные изменения государственно-конфессиональной политики в СССР. В апреле 1988 г. Совет по делам религий внес в Совет Министров СССР законопроект «О свободе совести и религиозных организациях в СССР», направленный на ликвидацию дискриминации верующих и конфессий¹¹. В 1990 г. был принят закон «О свободе вероисповеданий», который послужил отправной точкой преобразования государственно-конфессиональных отношений в РСФСР и России¹². Согласно этому закону религиозные объединения получили права юридического лица, возможность самостоятельно взаимодействовать с международными организациями. Совет по делам религий при СМ РСФСР был ликвидирован постановлением СМ РСФСР от 24 августа 1990 г., а его функции стало выполнять Министерство юстиции РСФСР. Кроме того, функционировал Комитет по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности при Верховном Совете РСФСР¹³.

Причинами преобразований стали напряженная религиозная ситуация на фоне демократизации политической системы и гласности, деструктивные националистические тенденции в регионах традиционного унитарства и ислама, изменения в со-

¹⁰ Королева Л.А., Мельниченко О.В. Советская партийно-государственная политика в отношении Русской Православной церкви в 1985–1990 гг. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 160–168.

¹¹ История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина. М., 2010. С. 31–35.

¹² Одицов М.И. Конституционно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания в России // Российское объединение исследователей религии. URL: http://www.rusoir.ru/president/works/195/#_edn1 (дата обращения: 28.10.2021).

¹³ Королева Л.А., Мельниченко О.В. Советская партийно-государственная политика... С. 160–168.

отношении католического и протестантского вероисповеданий, активная позиция духовенства и верующих, идеологическое противостояние с Западом¹⁴.

Особую важность при исследовании положения религиозных общин в национальных автономиях, к числу которых относилась Хакасская автономная область, входившая в состав Красноярского края¹⁵, приобретает этническая принадлежность верующих. В данном случае следует подчеркнуть, что важное внимание в СССР в перестроечный период уделялось религиозным общинам, в которых явно просматривался этнический аспект в более консолидированном виде. В стране продолжалась реализация постановления ЦК КПСС от 17 июля 1974 г. «О мерах по улучшению работы среди граждан немецкой национальности». В этой связи, например, все религиозные объединения из представителей немецкой национальности в Хакасии были взяты на учет и действовали под контролем местных властей¹⁶. Так, особое внимание местные исполкомы уделяли общинам римско-католической церкви, лютеран, адвентистов седьмого дня. Учитывался и тот факт, что приверженцы групп свидетелей Иеговы в большинстве своем являлись хакасами¹⁷.

В Хакасии, как и во всей стране, начиная с 1985 г. была заметна активизация религиозной жизни. Верующие готовились к празднованию 1000-летия принятия христианства на Руси, происходило развитие духовного образования. В это же время велась подготовка к 43-му Всесоюзному съезду евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и 1-му Всесоюзному съезду адвентистов седьмого дня. Странники Совета церквей ЕХБ в Сибири в этот период стали создавать большие группы вдалеке от культурных и промышленных центров Красноярского края¹⁸. В г. Черногорске началась новая волна эмиграционных настроений среди пятидесятников, что создавало дополнительное напряжение в их отношениях с органами государственной власти.

Важно отметить, что уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю характеризовали религиозную обстановку в Хакасии как беспокойную еще с 1960-х гг. С начала 1980-х гг. они неоднократно ходатайствовали о введении должности уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР отдельно по Хакасской автономной области ввиду большой территории Красноярского края и значительного количества религиозных организаций в национальной автономии. К 1985 г. в Хакасии действовало 19 религиозных общин, из которых было зарегистрировано 11¹⁹.

Наибольшая часть религиозных общин, представленных в Хакасии, относились к направлениям протестантизма. По мнению В.А. Бурнакова, деятельность протестантских религиозных организаций негативно влияла на хакасскую этническую культуру, что проявлялось в нивелировании этнического сознания, отчуждении от своего этноса, отказе от активной гражданской позиции, нетерпимости к инакомыслию. Изменить ситуацию могла иная позиция органов власти, хакасской интеллигенции, старейшин хакасских родов²⁰. Однако здесь важно подчеркнуть, что в советское время даже при негативном отношении к религии со стороны органов власти и общественности численность общин баптистов, пятидесятников, адвенти-

¹⁴ Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 43.

¹⁵ 15 декабря 1990 г. Хакасия вышла из состава Красноярского края. 3 июля 1991 г. Хакасская автономная область была преобразована в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 707. Л. 60.

¹⁸ Там же. Д. 42. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 94.

²⁰ Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск, 2006.

стов седьмого дня и свидетелей Иеговы в Хакасии постепенно увеличивалась, в том числе за счет привлечения в число адептов именно этнических хакасов.

Другой особенностью конфессиональной карты Хакасской автономной области рассматриваемого периода является малочисленность и невысокая активность некоторых религиозных общин. Так, например, в с. Бородино Богградского района действовала католическая группа в количестве 8 чел.²¹ В с. Бондарево Бейского района находилась группа молокан, состоявшая из 9 верующих. К концу 1980-х гг. местные власти фиксировали появление отдельных представителей истинно-православных христиан в Абакане²².

Положение общин Русской православной церкви и Русской православной старообрядческой церкви

Существенным показателем изменения государственно-конфессиональных отношений в стране стала встреча в 1988 г. М.С. Горбачева с патриархом Московским и Всея Руси Пименом и празднование 1000-летия принятия христианства на Руси. Как и по всей стране, в Хакасии фиксировался рост совершения числа церковных обрядов из-за подготовки к этому празднику. При этом к 1985 г. в Хакасии существовало всего 2 общины Русской православной церкви, которые были официально зарегистрированы ранее²³. Наиболее крупная община Русской православной церкви находилась в столице автономной области в г. Абакане с примерной численностью в 500 чел. Комиссия содействия абаканскому горисполкому по соблюдению законодательства о культах отмечала, что верующие к власти относились лояльно и законодательство не нарушали²⁴. За первое полугодие 1985 г. в абаканской православной общине выросли доходы по сравнению с предыдущим годом на 11 %, в том числе от свершения обрядов на 54 %. К 1988 г. численность общины составляла уже 600 верующих. Никольской церкви г. Абакана был разрешен колокольный звон в религиозные праздники²⁵.

Более активно действовала община Русской православной церкви в г. Абаза Таштыпского района, несмотря на небольшую численность в 60–80 человек. В связи с подготовкой к празднованию 1000-летия принятия христианства в здании церкви были обновлены украшения алтаря, написаны новые иконы, а предстоящее событие упоминалось в проповедях²⁶. В отличие от общины г. Абакана церковь в г. Абазы посещала молодежь. При этом отмечался приток верующих из Таштыпского, Аскизского районов региона и Кемеровской области. Члены общины поддерживали связь с Красноярском, Абаканом, Новосибирском, а также слушали зарубежные радиопередачи с православного богослужения в Лондоне в пасхальный день. С начала 1980-х гг. в общине началась борьба за власть. Обстановка стабилизировалась в 1987 г. с появлением настоятеля С.Н. Ефимова²⁷, который способствовал увеличению числа прихожан, оплатил задолженность перед епархией, купил дом для церкви²⁸.

Важно отметить, что в период перестройки Русская православная церковь в Советском Союзе получила возможность укрепить свои позиции. С 1985 г. по 1990 г. было открыто 3402 православных прихода, и таким образом, их количество вырос-

²¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 1.

²² ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 38.

²³ Там же. Д. 42. Л. 6.

²⁴ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 64.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

²⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 65.

²⁷ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

²⁸ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2631. Л. 6.

ло почти в два раза²⁹. К концу 1980-х гг. число общин Русской православной церкви в Хакасии также увеличилось вдвое. В 1988 г. была зафиксирована православная община в г. Черногорске³⁰. В 1989 г. появилась православная община в п. Шира Ширинского района³¹. Однако православные общины в Хакасии по-прежнему были в меньшинстве по сравнению с соседними регионами Западной Сибири – Алтайским краем, Новосибирской областью и др.³² Уступали православные общины по количеству и протестантским объединениям в регионе.

Не получили большого распространения в Хакасии и общины старообрядческой церкви. Первоначально само появление общин старообрядцев в Хакасии не привлекало внимания местных властей. Районные исполкомы отмечали немногочисленность и почти полное отсутствие активности в общинах старообрядцев. В с. Бирикчуль Аскизского района в 1986 г. насчитывалось 10 старообрядцев, которые находились под наблюдением местного исполкома³³. Однако в последующие годы численность этой общины выросла до 22 верующих³⁴. Еще одна старообрядческая община находилась в с. В.-Таштып Таштыпского района, в которую входило 30 человек. С 1979–1980-х гг. в В.-Таштып съезжались старообрядцы из Тувинской АССР и Алтайского края. Обращало на себя внимание то, что старообрядцы отказывались от регистрации, проводили богослужения по праздникам³⁵. Отдельные семьи старообрядцев в этом же районе находились в п. Таштып и г. Абаза. Рост численности верующих в группах старообрядцев вызывал критику со стороны местных властей деятельности региональных комиссий содействия исполкомам по соблюдению законодательства о культах.

Общины мусульман, Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, Совета церквей евангельских христиан-баптистов

Незначительную группу верующих в Хакасии в изучаемый период составляли мусульмане. В октябре 1986 в г. Черногорске появилась единственная на тот момент в Хакасии группа мусульман в количестве 11 человек, которая практически сразу подала заявление на регистрацию, однако долгое время оставалась на учете местной власти из-за своей малочисленности³⁶. Осенью 1987 г. по инициативе общины было ограждено татарское кладбище³⁷. К концу 1980-х гг. мусульманская община увеличилась до 21 верующего³⁸. Как и в советское время, так и в дальнейшем ислам не получил широкого распространения в Хакасии³⁹, что обусловлено в определенной степени особенностями этнического состава региона и культурно-историческими процессами.

Первое место по числу общин, в том числе официально зарегистрированных в Хакасии, занимал Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. В период перестройки стала нарастать активность в деятельности баптистских общин. Дело

²⁹ *Кашиеваров А.Н.* Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 1. С. 115.

³⁰ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 595. Л. 18.

³¹ Там же. Д. 63. Л. 22.

³² *Дашковскый П.К., Дворянчикова Н.С.* Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул, 2022. С. 67–75.

³³ Там же. Д. 42. Л. 94.

³⁴ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 36.

³⁵ Там же. Д. 2437. Л. 40.

³⁶ Там же. Л. 64.

³⁷ Там же. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2631. Л. 47.

³⁸ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 35.

³⁹ *Ярков А. П.* Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все турки – мусульмане») // Народы и религии Евразии. 2018. № 16 (3). С. 99.

в том, что как раз в 1985 г. прошел Всемирный конгресс баптистов в США в г. Лос-Анджелесе, в котором принимала участие делегация из СССР⁴⁰. После Всемирного конгресса в том же году в Советском Союзе был проведен 43-й Всесоюзный съезд ВСЕХБ. Из-за активизации деятельности баптистов в Хакасии на особом контроле была община с. Знаменка Богградского района, которая состояла в основном из лиц немецкой и польской национальности. В 1987 г. в ней фиксировалось 48 верующих, 14 из которых крестились в 1986 г. Верующие активно поддерживали связь с общинами области и края⁴¹.

В апреле 1986 г. состоялся пленум ВСЕХБ, причиной сбора которого стали изменения в руководящем составе. После пленума были проведены мероприятия в регионах страны. Так, был организован региональный семинар-совещание служителей церквей ВСЕХБ по Красноярскому краю и Тувинской АССР⁴². Участники семинара-совещания посетили богослужение в общине с. Знаменка. На нем присутствовали заместитель председателя ВСЕХБ М.Я. Жидков, заместитель старшего пресвитера по РСФСР П.К. Шатров, старший пресвитер по Западной Сибири К.П. Бородин и старший пресвитер по Красноярскому краю Н.А. Поберей. На этом собрании в очень аккуратных формулировках было предложено активизировать деятельность общины и привлекать молодежь⁴³. В дальнейшем верующие реализовали это через регулярные молитвенные собрания, привлечение большого количества мужчин к чтению проповеди. В общине отмечался рост молодежи, проводились крещения⁴⁴.

Аналогичные богослужения с участием всесоюзного и регионального руководства ВСЕХБ прошли в общинах г. Абакана, г. Черногорска, а также в общине пятидесятников А.А. Миллера в г. Черногорске. Участники мероприятий выразили заместителю областного исполкома Е.Ф. Филатовой глубокое удовлетворение положением общин⁴⁵. Местные органы власти, в свою очередь, разрешили Н.А. Поберей миссионерскую деятельность среди свидетелей Иеговы из с. Бельтырского Аскизского района⁴⁶. Кроме того, представители ВСЕХБ встретились с уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю Н.А. Лущиковым, во время которой верующие просили предоставить им больше религиозной литературы⁴⁷.

В самой крупной общине ВСЕХБ г. Абакана на собраниях присутствовали дети и молодежь. В 1985 г. ее численность достигала 266 чел.⁴⁸ и количество последователей постоянно росло за счет присоединений других верующих и незарегистрированных общин⁴⁹. К 1988 г. в эту общину входило уже 288 человек⁵⁰. В 1988 г. зарегистрированные общины ВСЕХБ в Хакасии включали 394 верующих, а в незарегистрированные – всего 11⁵¹.

Помимо роста численности верующих и омоложения общин ВСЕХБ активизация религиозной жизни выражалась в проведении масштабных праздников. Так, группа евангельских христиан-баптистов с. Копьево Орджоникидзевского района провела свадьбу по религиозному обряду, на которой присутствовало 85 верующих,

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

⁴¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 1.

⁴² ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.

⁴³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12.

⁴⁴ Там же. Д. 2631. Л. 2.

⁴⁵ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 58. Л. 15–16.

⁴⁶ Там же. Л. 17.

⁴⁷ Там же. Л. 14.

⁴⁸ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 77.

⁴⁹ Там же. Д. 2372. Л. 65.

⁵⁰ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 31.

⁵¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2530. Л. 3.

в том числе 20 детей и 45 представителей молодежи из г. Абакана, г. Красноярска, г. Ачинска, г. Чернореченска. Эта же группа проводила праздник жатвы с участием верующих из г. Уяр и с. Июс Орджоникидзевского района⁵².

К концу 1980-х – в начале 1990-х гг. между общинами ВСЕХБ и местными органами власти продолжались взаимоотношения в позитивном ключе. М.Я. Жидков благодарил руководство Хакасии за конструктивную политику в отношении верующих⁵³. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю А.В. Адайкин поддерживал просьбы местного руководства ВСЕХБ. Так, он ходатайствовал перед председателем Хакасского облисполкома о помощи в продаже легкового автомобиля старшему пресвитеру ВСЕХБ по Красноярскому краю и Тувинской АССР И.В. Безруких⁵⁴. Другое ходатайство А.В. Адайкина было отправлено начальнику паспортного стола Абаканского ГОВД по поводу оформления разрешения на выезд в г. Норильск И.В. Безруких и диакону абаканской общины евангельских христиан-баптистов И.С. Скореву для встречи с единоверцами и принятия решений по внутриконфессиональным вопросам⁵⁵. При этом реакция сторонников общины на факт обязательной регистрации ее деятельности в органах местного самоуправления была неоднозначной. Часть верующих считала регистрацию группы грехом и не признавала законодательство о культурах.

В отличие от общин Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов движение сторонников Совета церковью евангельских христиан-баптистов не получило широкого распространения в Хакасии. К 1985 г. в Абакане действовало всего две группы «инициативников», численностью 28 верующих⁵⁶. В группе В.Г. Кравчука насчитывалось 23 человека, тогда как ранее было 50–60 верующих. Дело в том, что верующие этой группы возобновили контакты с зарегистрированной общиной по вопросу объединения⁵⁷. При этом группа продолжала проводить богослужения самостоятельно, нарушая законодательство о культурах⁵⁸. На совместном заседании комиссии по содействию соблюдению законодательства о культурах и административной комиссии руководитель группы пояснял, что признает законы советской власти, однако для него первичен текст Евангелия⁵⁹.

Сторонники СЦЕХБ г. Абакана не признавали законодательство о культурах. В частности, их не устраивали запреты на религиозное воспитание детей и женщин, на помощь нуждающимся, на переезд для молитвенных собраний, на проповедь на стадионах и в СМИ⁶⁰. К 1988 г. численность членов общины СЦЕХБ г. Абакана достигла 47 человек. Органы местной власти пытались легализовать их деятельность через объединение с зарегистрированной общиной или провести автономную регистрацию⁶¹. Другие небольшие группы СЦЕХБ находились в Алтайском, Орджоникидзевском и других районах области⁶².

В конце 1980-х гг. в Красноярском крае участились молитвенные собрания протестантов в культурно-просветительских учреждениях, причиной которых были различные праздники, такие как 1000-летие принятия христианства на Руси, праздник урожая, единства и другие. Их организовывали миссионеры СЦЕХБ из других

⁵² НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 19.

⁵³ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 63. Л. 51.

⁵⁴ Там же. Д. 216. Л. 56.

⁵⁵ Там же. Л. 57.

⁵⁶ Там же. Д. 42. Л. 7.

⁵⁷ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 65.

⁵⁸ Там же. Д. 2437. Л. 92.

⁵⁹ Там же. Л. 93.

⁶⁰ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 8.

⁶¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2631. Л. 102.

⁶² ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 57. Л. 35.

регионов СССР. Например, такое богослужение было проведено сторонниками СЦЕХБ из г. Прокопьевска Кемеровской области в Хакасии⁶³. Помимо нарушения существующего законодательства о религии, местные власти настаивали на факте связи прокопьевской общины СЦЕХБ с единоверцами из ФРГ⁶⁴. В 1989 г. руководитель общины СЦЕХБ г. Абакана А.Г. Валл был оштрафован за проведение незаконного собрания, которое анонсировало богослужение. Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю А.В. Адайкин был против штрафа, однако члены административной комиссии не прислушались к его мнению⁶⁵. На богослужении присутствовали инструктор облисполкома, заместитель председателя облисполкома, заместитель начальника ГОВД и старший следователь прокуратуры⁶⁶. Верующие продолжали собрание, раздавали Евангелие, несмотря на предупреждения милиции из громкоговорителей⁶⁷. Таким образом, органы власти продолжали применять административные методы воздействия на религиозные общины⁶⁸.

Положение общин пятидесятников

Неспокойная обстановка сложилась в Хакасии и с двумя крупными общинами пятидесятников. В 1985 г. зарегистрированная община в г. Черногорске насчитывала 176 верующих, а незарегистрированная – 67. Кроме того, продолжала существовать небольшая группа пятидесятников из 7 человек в с. Знаменка Боградского района⁶⁹. Руководитель этой группы не признавал законодательство о культах, отказывался от регистрации и проводил собрания незаконно⁷⁰. Группа из трех человек пятидесятников существовала также в с. Очуры Алтайского района⁷¹.

Верующие из зарегистрированной общины г. Черногорска с момента ее появления не нарушали законодательство, не подавали заявления на выезд из страны и не отказывались от службы в армии. В общине были установлены тесные связи с другими региональными общинами, а также общинами союзных республик и западных стран. Так, на собрания к ним приезжали верующие из Красноярского края, Украины, Прибалтики. Руководитель этой общины А.А. Миллер участвовал в съезде ЕХБ в марте 1985 г., а в мае в его общину приезжали верующие из Швеции⁷². В общине наблюдался рост численности за счет крещений. Так, в 1987 г. 21 чел. получил крещение. Ежегодно община увеличивалась на 10–15 чел. за счет крещения молодежи из многодетных семей верующих. Важно отметить, что в этой общине было большое количество молодежи и детей, а на самих собраниях регулярно присутствовали 40–50 школьников.

С сентября 1987 г. в зарегистрированной общине поднялась волна эмиграционных настроений – 156 чел. подали заявления на выезд из СССР в Израиль. По сведениям облисполкома, руководитель общины А.А. Миллер также подал заявление в Верховный совет РСФСР на эмиграцию⁷³. Важно отметить, что ставшая массовой в 1980-е гг. эмиграция, в том числе верующих из СССР, имела под собой разные причины. Среди них было не только отсутствие работы, средств к существованию, военные конфликты, но и желание жить в материально-обеспеченных западных странах, а также страх воз-

⁶³ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Д. 63. Л. 40.

⁶⁵ Там же. Л. 41.

⁶⁶ Там же. Л. 43.

⁶⁷ Там же. Л. 44–45.

⁶⁸ Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса в 1985–1988 гг. // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 49.

⁶⁹ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

⁷⁰ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 9.

⁷¹ Там же. Л. 5.

⁷² Там же. Л. 63.

⁷³ Там же. Д. 2631. Л. 45.

можного недолгого существования свободы совести в Советском Союзе⁷⁴. Среди пятидесятников в этот период было распространено пророчество о том, что период гонений закончился и их отпустят на «Землю обетованную». Сложившаяся ситуация стала поводом для визита в общину инструктора Хакасского облисполкома Н.С. Волкова и уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю А.Н. Лущикова. Они провели в общине беседу о необходимости единства партии и народа, национальностей и народов, верующих и неверующих⁷⁵.

Существенным поводом для недовольства верующих зарегистрированной общины пятидесятников и массовых заявлений на выезд из страны стала политика местной власти и негативное отношение соотечественников. Так, по местному телевидению был показан фильм «Верую» про пятидесятников г. Черногорска, снятый в негативном ключе и с искажением фактов. Верующие подчеркивали, что руководство страны относится к религии иначе. Однако они сталкиваются с плохим отношением на производстве, «потому что так воспитаны люди, что сектанты – американские шпионы»⁷⁶.

Еще одним поводом для роста эмиграционных настроений в г. Черногорске стала поддержка верующих со стороны выехавших за границу в 1982–1983 г. семей Г.Л. и П.П. Ващенко, П.С. Чмыхалова. Эмигрировавшие семьи отправляли вызовы своим родственникам. Кроме того, в период перестройки, развития демократии и гласности контроль со стороны партийных и советских органов за деятельностью верующих был заметно ослаблен по сравнению с предыдущими периодами государственно-конфессиональной политики СССР⁷⁷.

В незарегистрированной группе пятидесятников г. Черногорска также было много желающих выехать в Израиль. Дети верующих не посещали уроки физкультуры, пения и военного дела. В группе были случаи отказа от службы в армии⁷⁸. Верующие продолжали отказываться от паспортов. В общине был высокий процент молодых людей. Так, из 130 человек 52 были несовершеннолетними. В сентябре 1987 г. по указанию Г.Л. Ващенко, который оказывал непосредственное влияние на жизнь в незарегистрированной общине, был отстранен руководитель А.М. Лузгин. Вместо него был избран «руководящий совет» из 13 человек. В 1987 г. за границу из этой общины выехали 15 верующих. На 1 августа 1989 г. из Красноярского края выехало 68 семей верующих (всего – 200 чел.)⁷⁹.

Важно отметить, что в конце 1980-х гг. на территории Хакасии появляются пятидесятники-реформисты. Это направление является важнейшей частью пятидесятнического движения. Так, на регистрацию подала заявление протестантская община «Церковь Прославления» в г. Черногорске⁸⁰. Эта община во многом состояла из молодых людей, которые поддерживали постоянное общение с зарубежными верующими. Такой контакт власти страны рассматривали как стремление западных клерикальных центров (США, Швеции, Финляндии) создать свои филиалы⁸¹. В январе 1990 г. 35 человек из Абакана и Черногорска приняли участие в конференции харизматов в Прибалтике, которую вели западные религиозные авторитеты (американец Сэм Валлей и швед Карл-Густав Северин). Из-за рубежа церковь получала материальную помощь, необходимую

⁷⁴ Никольская Т.К. Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (26). С. 128.

⁷⁵ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2631. Л. 50.

⁷⁶ Там же. Л. 57.

⁷⁷ Там же. Л. 88.

⁷⁸ Там же. Д. 2372. Л. 52, 55.

⁷⁹ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 63. Л. 24.

⁸⁰ Там же. Л. 26.

⁸¹ Там же. Д. 744. Л. 2.

технику и литературу. Члены церкви занимались активной миссионерской деятельностью, расклеивали объявления о богослужениях в общественных местах. Так, например, в декабре 1989 г. в Абакане было проведено богослужение с участием шведских туристов под руководством Карла-Густава Северина. Об этом местные власти сообщили послу Швеции в СССР и в МИД СССР⁸². Важно отметить, что в перестроечный период в стране не была редкостью массовая евангелизация, протестантские проповедники выступали на стадионах, в кинотеатрах, учреждениях культуры⁸³.

Такая активность верующих и связи с Западом стали причиной бюрократических препятствий процессу регистрации религиозной организации. Руководителю церкви Р.И. Белосевичу представители местного исполкома указывали на нарушения и неточности в документах на регистрацию⁸⁴. При этом в порядке исключения «Церковь прославления» проводила Пасху в помещении дома культуры в связи с приездом верующих из США, Финляндии, Швеции, Норвегии и городов СССР⁸⁵.

В ходе обсуждения вопроса регистрации «Церкви прославления» заместитель председателя облисполкома Е.Ф. Филатова отметила, что в связи с появлением проекта закона о свободе совести нужно подходить осторожно к религиозным вопросам, особенно на национальных территориях, в т. ч. и таких, как Хакасия⁸⁶. Несмотря на все трудности, «Церковь прославления» была зарегистрирована в 1990 г. и получила разрешение на строительство молитвенного дома⁸⁷. Для изучения Библии община направляла на учебу своих членов в библейский центр «Слово жизни» (Швеция, г. Упсала). К 1990 г. в РСФСР насчитывалось около 100 общин «Церкви прославления» численностью до 6 тысяч человек⁸⁸.

Особо необходимо остановиться на причинах популярности протестантских деноминаций в Хакасии, в том числе общин пятидесятников. Среди них называются социально-экономический и духовный кризис в стране, финансовая поддержка Запада, активная проповедническая деятельность, открытость и доверчивость местных жителей, отсутствие просветительской работы на местах⁸⁹. По этим же причинам в Хакасии были популярны и другие направления протестантизма – баптизм, свидетели Иеговы. На наш взгляд, первостепенными при этом были кризисные явления в социально-экономической и культурной жизни и специфика хакасского менталитета, что стало подходящим полем для активной проповеднической деятельности протестантов. В советский период истории просветительской работы проводилось много, а финансовая поддержка с Запада не имела заметных масштабов. При этом количество верующих в общинах протестантов в Хакасии росло. Следует отметить, что рост последователей различных протестантских общин зафиксирован и в других регионах Сибири – Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской, Омской областях⁹⁰.

⁸² ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 744. Л. 4.

⁸³ Никольская Т.К. Возрождение или кризис?.. С. 124.

⁸⁴ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 744. Л. 3.

⁸⁵ Там же. Л. 11.

⁸⁶ Там же. Л. 24.

⁸⁷ Там же. Л. 28, 47.

⁸⁸ Там же. Д. 733. Л. 1.

⁸⁹ Бурнаков В.А. Пятидесятники в Хакасии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. № 15. С. 445.

⁹⁰ Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. 1) Правовое положение и деятельность протестантских общин в Омской области в середине 1960-х – середине 1980-х гг. // Вопросы истории. 2021. № 10–2. С. 183–193; 2) Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул, 2022. С. 73–75; Серова Е.А. Общины евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х – первом десятилетии 2000-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013 и др.

Общины адвентистов седьмого дня и «Свидетелей Иеговы»⁹¹

Следует отметить, что постепенный прирост верующих демонстрировали и адвентисты седьмого дня, которые в 1985 г. в Хакасии были представлены несколькими общинами. Зарегистрированная община г. Абакана составляла 25 чел. У верующих были налажены связи с республиками Прибалтики и Дальним Востоком⁹². Внимание властей к этой общине было повышенным не только из-за большого количества молодежи в ее составе, но прежде всего из-за национального состава участников. Дело в том, что в общину входили в основном этнические немцы. Поэтому местные органы власти проводили воспитательную работу с верующими терпеливо и без давления⁹³. Небольшие группы адвентистов седьмого дня были в Таштыпском районе Хакасской автономной области, например, на станции Харачул (5 человек). Группа поддерживала связь с Абаканом и Кемеровской областью⁹⁴. Кроме того, адвентисты седьмого дня г. Абаза иногда выезжали в Кемеровскую область. В 1986 г. подала заявление о регистрации группа адвентистов седьмого дня п. Майна г. Саяногорска⁹⁵. В общей сложности к 1990 г. в Хакасии было уже 12 общин адвентистов седьмого дня численностью около 90 чел.

Важно подчеркнуть, что во второй половине 1980-х гг. в Хакасии росло число лютеранских общин. Зарегистрированная община лютеран находилась в с. Июс Орджоникидзевского района, в которую входило 16 верующих⁹⁶. В 1986 г. была взята на учет группа из 10 лютеран в с. Боград Боградского района⁹⁷. В этом же районе лютеранские общины действовали в селах Б. Ерба и Знаменка. Общее число лютеран в районе составляло 36 верующих, большинство из которых были этническими немцами⁹⁸. Общины лютеран в Хакасии признавали законодательство о культурах⁹⁹. Так, лютеране сел Б. Ерба и Знаменка Боградского района подавали заявление о регистрации¹⁰⁰. Однако на основании рекомендаций Совета по делам религий при СМ СССР для исполкома крайсовета об учете малочисленных групп верующих лютеранские общины Боградского района были поставлены только под контроль местной власти¹⁰¹.

Последователи протестантского направления «Свидетели Иеговы»⁹¹ в Хакасии также отличались ростом числа верующих в своих группах. В 1985 г. они действовали в Абакане, Аскизском и Орджоникидзевском районе общим числом 147 верующих¹⁰². В 1986 г. в с. Бельтирский Аскизского района количество свидетелей Иеговы выросло с 21 до 31 верующего¹⁰³. Для этой группы была характерна однородность национального состава, поскольку 30 верующих являлись этническими хакасами. Члены группы не признавали законодательство о культурах, уклонялись от регистрации¹⁰⁴. На выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов по религиозным убеждениям не голосовали 13 чел.¹⁰⁵

⁹¹ Свидетели Иеговы – входит в перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

⁹² НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 65.

⁹³ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 736. Л. 3.

⁹⁴ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2437. Л. 39.

⁹⁵ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 504. Л. 8.

⁹⁶ Там же. Д. 42. Л. 86.

⁹⁷ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 6.

⁹⁸ Там же. Д. 2437. Л. 1.

⁹⁹ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 522. Л. 7.

¹⁰⁰ Там же. Л. 26, 34.

¹⁰¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2530. Л. 5.

¹⁰² ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

¹⁰³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 36.

¹⁰⁴ Там же. Л. 39.

¹⁰⁵ Там же. Л. 40.

Наиболее крупная община «Свидетелей Иеговы»⁹¹ в Хакасии действовала в г. Абакане, в нее входило 120 чел. Собрания этой общины проводились конспиративно по 9 килкам, поэтому местные власти не могли их зафиксировать¹⁰⁶. При этом были выявлены тайные типографии фотомножительной аппаратуры в г. Абакане, г. Ачинске¹⁰⁷. В домах Свидетелей Иеговы⁹¹ проводились регулярные проверки инспекторами госпожарнадзора. В 1987 г. в с. Белый Яр Алтайского района были обнаружены и изъяты в доме Е.В. Заярко три номера фотокопий «Сторожевая башня» и два экземпляра наставлений по изучению Библии. Такую литературу издавал Бруклинский центр (США), поэтому ее изымали у верующих¹⁰⁸.

К концу 1980-х гг. в Хакасии активизировалась работа по легализации и регистрации религиозных общин. В преддверии принятия нового закона о свободе совести местные власти отмечали рост количества религиозных объединений и объема работы с ними. В связи с этим край- и облысполкомы, уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю продолжали отправлять просьбы в центральный аппарат данного органа о введении должности уполномоченного по Хакасской автономной области, в том числе по причине перевода Хакасии на самоуправление в декабре 1989 г.¹⁰⁹

Выводы

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что в 1991 г. в Хакасии действовало 7 общин Русской православной церкви, 2 общины русской православной старообрядческой церкви часовенного согласия и поморского толка, по одной общине католиков, мусульман, иудеев, молокан, Церкви Прославления, «Христианской Миссии», 15 общин евангельских христиан-баптистов, 13 общин пятидесятников, 9 общин адвентистов седьмого дня, 5 лютеранских общин, 10 общин Свидетелей Иеговы⁹¹.

В период перестройки в объединениях христианского вероисповедания происходила активизация религиозной жизни. В общинах протестантов заметным было усиление миссионерства, наблюдалось стремление уйти от контактов с органами власти. Либерализация политики государства не всегда находила отражение в действиях местных органов власти Хакасской автономной области, которые старались решить вопрос более строгими мерами. Важно отметить, что уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю выступали за права верующих не только в теории, но и в части помощи религиозным общинам. Немаловажную роль в государственно-конфессиональных отношениях в Хакасии играл национальный аспект. Склонность хакасов к пятидесятничеству и течению Свидетелей Иеговы⁹¹, принадлежность к немецкой и польской национальности верующих из общин католиков, лютеран, адвентистов седьмого дня, проповедническая деятельность религиозных авторитетов из Швеции, США учитывалась местным руководством при проведении политики в отношении верующих. В целом в Хакасской автономной области наблюдались те же тенденции в реализации государственно-конфессиональной политики, что и в других регионах Сибири, но с учетом исторических особенностей формирования этнического и религиозного ландшафта региона.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.05.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 08.07.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.09.2023

¹⁰⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 2372. Л. 66.

¹⁰⁷ Там же. Л. 69.

¹⁰⁸ Там же. Д. 2631. Л. 34–35.

¹⁰⁹ ГАКК. Ф. Р. 2384. Оп. 1. Д. 64. Л. 38; Там же. Д. 707. Л. 2.

References

- Alekseeva, L.M. *Istoria inakomyshliia v SSSR: noveishii period* [History of dissent in the USSR: the newest period]. Moscow: Moscow Helsinki Group Publ., 2012 (in Russian).
- Badmaev, A.A., Adygbai, Ch.O., Burnakov, V.A., and Mansheev, D.M. *Protestantizm i narody Iuzhnoi Sibiri: istoria i sovremennost'* [Protestantism and the peoples of Southern Siberia: history and modernity]. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2006 (in Russian).
- Burnakov, B.A. "Piatidesiatniki v Khakasii [Pentecostals in Khakassia]." *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 15 (2005): 449–456 (in Russian).
- Dashkovskiy, P.K., and Dvoryanchikova, N.S. *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naia politika na iuge Zapadnoi Sibiri* [N.S. Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naia politika na iuge Zapadnoi Sibiri]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta Publ., 2022 (in Russian).
- Dashkovskiy, P.K., and Dvoryanchikova, N.S. "Peculiarities of the situation and activities of protestant communities in the Omsk region in the mid-1960s – mid-1980s." *Voprosy Istorii*, no. 10–2 (2021): 183–193 (in Russian).
- Khismatullin, I.R. "Gosudarstvennaia natsional'naia politika v SSSR: kluchevye osobennosti I praktika realizatsii [State national policy in the USSR: key features and implementation practice]." *Innovatsionnaia nauka*, no. 12 (2017): 228–229 (in Russian).
- Torshin, A.P., ed. *Istoriia gosudarstvennoi politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznykh organizatsii v 1985–1999 gg.* [History of state policy of the USSR and Russia towards religious organizations in 1985–1999] Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2010: 31–35 (in Russian).
- Kashevarov, A.N. "Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v period 'Perestroiki' 1985–1991 gg. [State-church relations during the period of 'Perestroika' 1985–1991]" *Obshchestvo. Kommunikatsiia. Obrazovanie* (2015): 109–115 (in Russian).
- Korolev, A.A., Koroleva, L.A., and Molkin, A.N. "Dvizhenie piatidesyatnikov v SSSR. 1950–1980 gg. [Pentecostal movement in the USSR. 1950–1980]" *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 6 (2013): 125–131, <https://doi.org/10.7256/2306-420X.2013.6.9378> (in Russian).
- Koroleva, L.A., and Mel'nichenko, O.V. "Sovetskaia partiino-gosudarstvennaia politika v otnoshenii Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v 1985–1990 gg. [Soviet party-state policy in relations with the Russian Orthodox Church in 1985–1990.]" *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, no. 1 (2012): 160–168 (in Russian).
- Lunkin, R.N. "Piatidesiatniki i kharizmaty: edinstvo v mnogoobrazii [Pentecostals and Charismatics: Unity in Diversity]." *Religiia i pravo*, no. 2 (2007): 31–33 (in Russian).
- Maslova, I.I. "Gosudarstvenno-konfessional'naia politika v SSSR: povорот kursa v 1985–1988 gg. [State-confessional policy in the USSR: reversal of course in 1985–1988]" *Izvestiia Vuzov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (2015): 43–54 (in Russian).
- Nikol'skaya, T.K. *Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg Publ., 2009 (in Russian).
- Nikol'skaya, T.K. "Revival or Crisis? Challenges of 'Perestroika' for the Confessions of Russian Protestantism." *Nations and Religions of Eurasia*, no. 2 (2021): 121–131, [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-09) (in Russian).
- Odintsov, M.I. *Gosudarstvo i tserkov' v Rossii. XX vek* [State and church in Russia. XX century]. Moscow: Luch Publ., 1994 (in Russian).
- Odintsov, M.I. "Rossiia stroit svetskoe gosudarstvo (1985–1997) [Russia builds a secular state (1985–1997)]." *State, Religion and Church in Russia and Worldwide – Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossiii za rubezhom*, no. 3–4 (1997): 134–172 (in Russian).
- Serova, E.A. "Communities of Evangelical Christians-Baptists of the Kemerovo region in the mid-1940s – the first decade of the 2000 s." PhD thesis, Kemerovo, 2013 (in Russian).
- Shcherbak, A.N., Bolyachevec, L.S., and Platonova, E.S. "Istoriia sovetskoii natsional'noi politiki: Kolebaniia maiatnika? [History of Soviet national policy: Pendulum swings?]" *Politicheskaia nauka*, no. 1 (2016): 100–123 (in Russian).
- Shkarovskii, M.V. *RPC v 20 v.* [ROC in the 20th century]. Moscow: Veche; Lepta Publ., 2010 (in Russian).
- Sivatskii, F.L. "Emigratsiia veruiushchikh iz SSSR v 60–80-e gody (na primere piatidesiatnicheskikh organizatsii Krasnoiarskogo kraia) [Emigration of believers from the USSR in the 60–80s (using the example of Pentecostal organizations in the Krasnoyarsk Territory)]." In *Prava cheloveka v Rossii: proshloe i nastoiashchee. Sbornik dokladov i materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 109–112. Perm: Izdatelstvo gazety Zvezda Publ., 1999 (in Russian).
- Yarkov, A. P. "Islam of the Khakassia (In the Context of the Idea of 'All Turks Are Muslims')." *Narody i religii Evrazii*, no. 16 (2018): 99–110, [doi.org/10.14258/nreur\(2018\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)3-09) (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Константинович Дашковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, 656049, Россия, Барнаул, ул. Димитрова, 66; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Petr K. Dashkovskiy, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia National and State-Confessional Relations, Altai State University; 66, Dimitrova St., Barnaul, 656049, Russia; dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Наталья Сергеевна Гончарова, магистр религиоведения, лаборант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, ул. Димитрова, 66; znsngnsp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4987-760X>

Natalia S. Goncharova, Master of Religion, Laboratory Assistant of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University; 66, Dimitrova St., Barnaul, 656049, Russia; znsngnsp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4987-760X>